

Наум РАЙСКИН

НА ГРАНИ

Наум Райскин

НА ГРАНИ

Тель-Авив, 2012

Наум Райскин

НА ГРАНИ

Израиль, 2012 - 256 с.

ISBN 978-965-7386-66-8.

© Наум Райскин, 2012.

© Все права сохраняются за автором.

Данная книга или любая ее часть не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения автора.

Издательство Beit Nelly Media, 2012.

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогой читатель!

Ты сейчас держишь в руках книгу, которая относится к довольно редкой категории прозы. Это роман-антиутопия. Обычно такие произведения появляются на свет, когда общество, в котором живёт автор, оказывается в социально-нравственном, экономическом или политическом тупике из-за неверных решений, принимаемых правительствами отдельных стран или человечеством в целом. Как правило, авторы антиутопий рисуют мир, каким он может стать, и какие последствия ожидают отдельного человека, в результате таких решений. Это романы-предупреждения об опасности, призывы к бдительности. Их влияние как будто и не заметно, но оно существует. Оно действует исподволь, меняет представления людей о выбранном курсе и вынуждает власть имущих выбирать другой, более верный путь.

Вспомним первые послевоенные годы, начало «холодной войны», когда угроза коммунистической идеологии распространилась на половину человечества. Как бы выглядел наш мир сегодня, если бы она, эта идеология, победила во всём мире? И именно тогда, в 1945 году, вышла в свет повесть «Скотный двор», а в 1948 году и роман-антиутопия «1984» английского писателя Джорджа Оруэлла, в которых автор показал, как будет выглядеть мир в условиях тоталитарного строя, основанного на изощрённом физическом и духовном порабощении людей, пронизанном всеобщим страхом, ненавистью, доносом и двоемыслием.

Вспомним ещё более поздний период (1950-1954 гг) в Соединённых Штатах Америки, когда в напуганном распространением коммунистической идеологии обществе получило широкое распространение движение под названием «маккартизм», прозванное потом «охотой на ведьм». По всей стране началось преследование инакомыслящих, как в СМИ, так и в других государственных институтах, в которых могло формироваться общественное мнение. Громились профсоюзы, подвергался «чистке» госаппарат. В университетах изгоняли прогрессивных профессоров, сжигали книги. Преследованиям подверглись даже такие всемирно известные деятели культуры и науки, как композитор и дирижёр Леонард Бернштейн, писатели Альберт Мальц и Говард Фаст, физики Роберт Оппенгеймер (отец атомной бомбы) и Альберт Эйнштейн, даже великий актёр Чарли Чаплин. И тогда своё слово сказал писатель-фантаст Рей Бредбери в романе-антиутопии «451 градус по Фаренгейту». В романе, изданном в 1953 году, описывается тоталитарное общество, в котором все книги, заставляющие задумываться о жизни, подлежат сожжению, а люди, способные критически мыслить, преследуются. Писатель раскрывает лживость современной цивилизации и показывает тупик, в который она скатывается. Этот роман получил признание и широкое распространение во всём мире.

Конец XX и начало XXI века. Прекраснодушная Европа широко раскрывает свои объятия для так называемых беженцев из арабских и африканских стран. Она исходит из ошибочного постулата о возможности создания мультикультурного общества. В итоге над Европой нависла угроза её полной исламизации. И в это время появляется роман-антиутопия Елены Чудиновой «Мечеть Парижской богоматери», отразивший будущий кошмар победившего панисламизма.

В романе «На грани» автор стремится показать, что может произойти на Земле, если цивилизованный мир будет по-прежнему трусливо продолжать политику умиротворения и уступок агрессивным исламским режимам, мечтающим о «всемирном исламском халифате». Над миром нависает угроза третьей мировой, но теперь уже атомной, войны. Такое уже было в тридцатые годы прошлого столетия, и ты, дорогой читатель, хорошо помнишь, к чему оно привело. Но опыт мировой истории не служит уроком для современных политиков, и это может привести человечество к ужасным последствиям. Обо всём этом нам повествует автор.

Действие романа происходит на земле Израиля. Его герой является не только наблюдателем тех кровавых событий, которые происходят в его стране и в мире, но и активным их участником. Автор с помощью своего героя пытается анализировать, что привело мир на край катастрофы. Он пытается успеть предупредить нас: «Будьте бдительны! Не дайте миру перейти ту грань, за которой уже ничего не будет. Одна пустота... и тишина». И в этом ценность и современность романа.

*Генеральный директор
издательского дома «Beit Nelly Media»
Алла Серебрянская*

НА ГРАНИ

ГЛАВА 1

Убийство семьи Фогель

Как вы думаете, какая проблема занимает второй день руководителей крупнейших израильских СМИ? Зверское убийство крошки Хадасс, ее родителей и братьев в поселке Итамар? Или – сложнейшая нравственная дилемма: публиковать ли жуткие фотографии, сделанные в доме убитых, или воздержаться от их публикации в угоду политкорректности? Смотреть на эти снимки без содрогания действительно невозможно: кровь в доме Фогелей лилась рекой. Фотодокументы однозначно указывают на то, с каким хладнокровием, методично – одного за другим – умерщвляли арабские убийцы 36-летнего Эхуда Фогеля, его 35-летнюю красавицу-жену Рут, 11-летнего Йоава, 4-летнего Эльада и четырехмесячную малютку Хадасс.

«Публиковать в СМИ эти жуткие снимки недопустимо: дети, проснувшиеся сегодня утром и случайно раскрывшие газету, будут шокированы, они не смогут есть, учиться, спать»... – опасаются прекраснодушные либералы.

«Печатать фотодокументы с места зверского теракта – необходимо! – возражает Совет поселений. – Мы знаем, что снимки шокируют. Но, может быть, именно шок – то, что необходимо, чтобы эта трагедия не затерялась в новостной ленте за речами политиков и информацией о росте цен на нефть».

Накануне Совет поселений – безо всяких колебаний – принял из ряда вон выходящее для Израиля решение: звериную

жестокость, с которой террористы вырезали целую семью, должен видеть весь мир. Тот самый политкорректный либеральный мир, который постоянно – по поводу и без – заступает за «обездоленных палестинцев» и требует «прекращения израильской оккупации». Тот мир, который требует от Израиля новых уступок и отступлений – но стыдливо закрывает глаза на первобытно жестокие методы «освободительной борьбы», ведущейся боевиками всех мастей против нашего государства, являющегося единственным представителем Западной цивилизации в стремительно исламизирующемся ближневосточном регионе.

Опубликовать фотографии, сделанные в залитом кровью детей и родителей доме Фогелей, решила одна-единственная израильская газета – «Едиот ахронот». Остальные стыдливо отказались: «Нет!.. Недопустимо!.. Этика не позволяет. Израиль – цивилизованное государство, мы не должны уподобляться «палестинцам», по всему миру рассылающим фотографии трупов, в том числе погибших арабских детей и подростков», которыми (скажем правду) террористы постоянно прикрываются как живым щитом.

Редакция ZMAN.com шокирована поступившими из Совета поселений фотографиями точно так же, как будете шокированы вы, уважаемые читатели. Но никаких сомнений в целесообразности их публикации мы не испытываем. И если мир содрогнется при виде этих жутких фотодокументов, возможно, он прозреет так же, как в свое время, в октябре 1994 года прозрели те наши сотрудники, которые, будучи профессиональными журналистами, по долгу службы, вели прямые репортажи с залитой кровью улицы Дизенгоф в Тель-Авиве. А также с перекрестка Бейт-Лид в районе Нетании, а, потом, зимой 1996 года, – с улицы Яффо в Иерусалиме, и затем, в 2000 году – с тель-авивской набережной,

где так же хладнокровно, как позавчера в Итамаре, были убиты подростки–репатрианты, решившие всего-навсего сходить на дискотеку.

Пусть мир хоть раз увидит правду, какой бы уродливой, жуткой и не укладывающейся в сознании вменяемого человека она ни была.

4 октября 2011 года состоялось заседание трибунала по делу об убийстве пятерых членов семьи Фогель. В обвинительном заключении указано, что Хаким Ауад и Амджад Ауад заранее спланировали теракт и приобрели ножи. В ночь убийства они подкрались к забору, окружавшему поселение Итамар, дождались, пока мимо проедет патрульный джип, после чего преодолели заграждение, проникли в пустой дом и украли там автомат и патроны к нему.

Затем они вломились в дом семьи Фогель, убили спящих Уди и Рут, а также двух сыновей – Эльада (4) и Йоава (11). После этого убийцы покинули дом Фогелей, но через некоторое время вернулись, чтобы поискать оружие. В этот момент заплакала трёхмесячная Ада, и Амджад Ауад прикончил младенца ударом ножа.

Двух старших детей, спавших в своих комнатах, террористы, к счастью, не обнаружили. На допросе преступники заявили, что убили бы и их, если бы нашли.

Затем террористы покинули поселение, сожгли окровавленную одежду и отдали украденное оружие одному из своих родственников. Позднее выяснилось, что они планировали совершить аналогичный теракт в поселении Алон Морэ.

***

Дорога между поселениями Бейт-Барух и Шломо была одной из самых опасных на территории Самарии. Она серой асфальтовой змеей проползала между неровными ска-

лиственными выступами соседних высот, покрытых пожухлой под жарким израильским солнцем травой и цепкими колючками высохших растений. Кое-где попадались островки оливковых деревьев с кряжистыми скрученными стволами, крепко вцепившимися своими жёсткими корнями в недоступную для других деревьев каменистую почву. Эта дорога соединяет между собой израильские и арабские посёлки, а потому по ней передвигается как израильский, так и арабский транспорт. Здесь постоянно сохраняется опасность совершения терактов. Арабские террористы периодически устраивают вдоль дороги засады, забрасывают камнями, а иногда и бутылками с «коктейлем Молотова», проезжающие израильские машины. Бывали даже случаи обстрела из огнестрельного оружия. Поэтому на высотах около израильских поселений были установлены наблюдательные пункты, а дорогу непрерывно патрулируют военные джипы. И вот, во время такого патрулирования я впервые услышал её голос. Голос, прорвавшийся через размеренный гул двигателя нашего джипа из наблюдательного пункта около поселения Бейт-Барух. И чем-то этот голос сразу привлёк моё внимание. Низкий и, в то же время, прерывающийся едва заметной картавостью, как будто где-то там внутри, под языком, катался шарик, нет-нет, а нарушавший общее течение речи. И мне вдруг очень захотелось увидеть обладательницу этого голоса. Назвав своё имя: младший сержант Руфь Пельски, она предупредила нас, что из соседней деревни в направлении поселения Бейт-Барух, параллельно дороге, соединяющей его с другим поселением, прячась за придорожными камнями, движутся два араба. За плечами у одного из них рюкзак, а в руках они несут что-то завернутое в чёрную ткань, похоже, оружие. Кроме того, она сообщила их координаты. Я попросил её продолжать наблюдение, быть на связи с нами,

и постоянно сообщать об их передвижениях и действиях, а сам передал сообщение командиру группы Алексу, который сидел рядом с водителем в идущей впереди машине. Алекс и сам слышал это сообщение. Он приказал Йосефу, по мере приближения к опасному месту, скрытно подняться на взгорок, обнаружить, где находятся арабы и взять их на прицел, но открывать огонь только по его приказу. Проехав ещё несколько сот метров, мы остановились. Из зарешеченного окошка своего джипа я видел, как Йосеф, прячась за каменными осыпями и кладками, ограждающими наделы оливковых деревьев, стал пробираться вверх по склону холма. Мы ждали, когда он подаст нам сигнал, что террористы им обнаружены. Я смотрел на долговязую фигуру своего друга, облачённую в армейскую форму, с болтающейся за спиной винтовкой с оптическим прицелом, и мне вспомнилось вдруг, как мы познакомились с Йосефом несколько лет назад...

Нас было трое неразлучных друзей: Миха, Йоси и я. С Михой я впервые встретился, ещё тогда, когда отец привёл меня первый раз в секцию каратэ. Мне тогда было 8 лет. В раздевалке готовились к занятиям человек 15 мальчишек и девчонок примерно моего возраста. Они переодевались в белые кимоно, завязывали белые, а кое-кто, оранжевые пояса. Помогали им присутствовавшие здесь же родители или бабушки, дедушки. После этого они ждали разрешения тренера войти в зал для тренировок. У меня ещё не было кимоно, и вышедший в раздевалку тренер поздоровался с отцом, а потом поманил меня пальцем, и мы вошли в кладовку. Тренер, а звали его Глеб, снял с полки кимоно, не очень новое, но чистое, и помог мне одеться. Кимоно оказалось великовато. Тогда тренер подвернул рукава на куртке, подтянул в поясе штаны и спросил:

– Как звать тебя?

– Йонатан.

– Так вот что, Йонатан, для начала и это пойдёт. К следующему занятию приходи в своём. А сейчас марш в зал.

Меня поставили в пару с рыжеволосым мальчиком с ироничным взглядом. Он как будто присматривался, изучал своего нового партнёра. Это и был Михаэль, или попросту, Миха. Мы быстро сошлись друг с другом, стали друзьями. Некоторые из ребят, занимавшиеся вместе с нами, со временем покидали секцию, приходили новые, но мы с Михой продолжали заниматься. Участвовали в соревнованиях и даже занимали призовые места. Миха дважды становился чемпионом Израиля в нашей возрастной группе. Учились мы в разных школах, а когда закончили 6-й класс, то оказались в одной школе и одном классе. И вот в этом же классе оказался и Йосеф, который раньше учился с Михой в одной школе. Он был, в отличие от Михи, худого телосложения, с чёрными, слегка вьющимися волосами, и такими же чёрными глазами, но с удивительно сильными руками. Он носил специальные очки для коррекции зрения. Но когда, после окончания школы, мы были призваны в армию и проходили тиранут (курс молодого бойца), несмотря на такой дефект зрения, во время учебных стрельб, он показал почти стопроцентный результат, и потом, во время службы, кроме основных обязанностей обычного солдата, ему поручали, когда в этом была необходимость, выполнять обязанности снайпера. Мы подружились, и эту дружбу пронесли через все последующие годы. А через нас подружились и наши родители. Все мы были из семей репатриантов из бывшего СССР, и только Йосеф родился уже здесь, в Израиле, он был «сабра» (кактус), так называют детей, родившихся в Израиле. А Миха и я начали свой жизненный путь в новой стране с детского сада. Учёба в школе проходила у

нас по-разному. У Йосефа обнаружились выдающиеся способности к математике, увлекался он шахматами и биологией. А по натуре, он был добрым и очень чувствительным парнишкой. Он постоянно кого-то лечил: то подраненную на дороге кошку, то выпавшего из гнезда птенца. Хорошие способности были и у Михи, всё ему давалось легко, но не было у него достаточного желания, чтобы стать одним из лучших учеников школы. Он радовался жизни и совсем не собирался «убивать» драгоценное время, отпущенное ему Богом, на то, чтобы сидеть над учебниками ради более высокой отметки. Он легко сходилась с людьми, особенно с девочками. У него была куча друзей как молодых, так и более старшего возраста. После 11-го класса, на время каникул он устроился на работу в мастерскую по ремонту и обслуживанию легковых автомашин. А к осени он уже разъезжал в своём собственном, двадцатилетнем, двухдверном «Фиате», восстановленном из сданного в мастерскую на металлолом. Теперь, в 12-ом классе, на уроки мы приезжали на его машине. Миха заезжал за нами, и мы, как «белые люди», с триумфом подъезжали к воротам школы. Я и Миха продолжали заниматься в секции каратэ. У нас уже были коричневые пояса с чёрной полоской, и только один шаг отделял нас от заветного чёрного пояса. Но потом была армия. Мы с Йосефом попали в одну часть, расквартированную в Самарии, а Миха проходил свою службу на юге, у границы с Газой. И вот, теперь Йосефу с его мягким характером предстояло убить человека. Врага, но человека. Я не мог представить себе, какие чувства боролись сейчас в его душе...

Наконец, по своему армейскому мобильному телефону он сообщил, что «объект» у него «на прицеле», и наши джипы медленно стали продвигаться по дороге в направлении, где находились предполагаемые террористы. Уничто-

жить их просто так мы не имели права. Патрулю нужны были доказательства их преступных замыслов.

Израиль – страна гипертрофированной демократии. Мало уничтожить врага, даже зная о его преступных замыслах, нужны ещё веские доказательства того, что он действительно имел таковые. В противном случае солдату и его командиру грозил военный суд за необоснованное убийство. Для этого на наблюдательном пункте, кроме аппаратуры наблюдения, была ещё и аппаратура для фотосъёмки. Кадры фотосъёмки и должны были служить такими доказательствами. А ответственность за всё это лежала на той девочке, которая сейчас находилась на пункте наблюдения, и приказ о поражении цели тоже должен был поступить именно от неё.

Джипы медленно приближались к тому месту дороги, где засели арабы. Все мы были на взводе. Каждый знал свою задачу. Ждали сигнала. И в это время из наблюдательного пункта раздался приказ «огонь». Он был тут же продублирован Йосефу. Раздался выстрел. Солдаты выскочили из джипов и бросились с двух сторон к засевшим за камнями арабам, отрезая путь отступления. Один из них был убит выстрелом Йосефа, другой же попытался бежать, но был схвачен нами. У убитого в руке была зажата бутылка с зажигательной смесью. Ещё две такие бутылки и несколько гранат находились в раскрытом рюкзаке. Кроме того, рядом, на камнях, лежали два автомата Калашникова. Как потом выяснилось, Руфь дала приказ на уничтожение, когда увидела, что террорист вынул из рюкзака бутылку с «коктейлем Молотова» и намеревался бросить её в приближающийся джип. План террористов был очевиден. Они собирались поджечь джипы, а когда из них будут выскакивать солдаты, забросать их гранатами, а оставшихся в живых расстрелять автоматными очередями. На предва-

рительном допросе пойманный террорист, а им был молодой араб лет семнадцати, рассказал, что их целью был не наш отряд, а поселение Бейт-Барух. Ещё прошлой ночью им удалось незаметно проделать в ограждении, окружающем поселение, с противоположной от наблюдательного пункта стороны, достаточно большое отверстие, через которое они собирались проникнуть в поселение. Они собирались затаиться до темноты в кустах, а затем пробраться с двух сторон к местной синагоге, где в это время должны были собраться на вечернюю молитву большинство жителей поселения, в том числе женщины и дети, и забросать их гранатами, а остальных расстрелять из своих автоматов. И тогда Алекс спросил у допрашиваемого:

– А почему вы изменили свои планы?

– Для нас оказалось более предпочтительным уничтожить два военных джипа и солдат, тем более, что вы сами подставлялись. Ведь с той позиции, которую мы занимали, ваши джипы были хорошей мишенью для атаки.

– Ну, ладно. Согласно вашим первоначальным планам вы планировали совершить теракт в поселении. На что вы рассчитывали? Ведь вы шли на верную смерть. Вас бы в живых из поселения не выпустили.

– Но зато мы бы исполнили волю Аллаха: убить как можно больше «неверных».

– А откуда ты знаешь, что вам завещал Аллах?

– Так написано в Коране.

– А ты сам читал Коран?

– Нет. Но об этом нам рассказывают в мечетях.

– А кого вы считаете «неверными», только евреев?

– Всех, кто не служит Аллаху. А вы, евреи, больше всех виноваты перед Аллахом. Вы захватили нашу Святую землю, которая по праву принадлежит нам, палестинцам. Ведь недаром эта земля называется «Палестина».

– Я вижу, что тебя очень хорошо «познакомили» с историей этой земли ваши шейхи. Она называется Палестиной не потому, что вы здесь живёте. Это вы себя стали называть «палестинцами», чтобы оправдать своё право на эту землю. А вы никакие не палестинцы, вы обычные арабы.

По иронической усмешке Алекса и безнадёжному движению его руки мы поняли, что продолжать этот бессмысленный «диспут» ему надоело.

– Ну, хорошо, а знали об этом ваши родители, матери, что их дети идут на верную смерть?

– Аллах велел нашим матерям рожать как можно больше своих воинов. И цель всей нашей жизни, это установление единственно верной религии – ислама, во всём мире. А вы все виноваты перед Аллахом и должны быть уничтожены. Наши матери благословили нас на этот подвиг, и даже накануне был устроен праздничный прощальный ужин, где мы дали клятву верности заветам Аллаха.

– Но ведь среди погибших были бы и маленькие дети, которые ещё ни в чём не успели провиниться перед Богом. Может быть, когда они выросли, тоже бы стали служить Аллаху. Ведь такое бывает. Что, и их убивать тоже благословили ваши матери.

– Всех «неверных»! Все они враги Аллаха!

И это говорил уже зрелый юноша, перед которым только открывалась жизнь. Говорил с уверенностью в своей правоте. И тогда Алекс, почему-то, обращаясь только ко мне, сказал

– Вот, Йонатан, тебе и «мирное население», о защите которого от «израильской военщины» кричит весь мир...

И я вспомнил рассуждения моего деда на эту тему несколько лет назад. Мне тогда было 11 лет. В гостях у него был его постоянный собеседник и друг Давид. Тогда ещё жив был Ясир Арафат. Шли переговоры о мирном урегу-

лировании Палестинского вопроса, закончившиеся потом соглашениями в Осло. В то время большинство израильтян ещё верили, что мир между арабами и нами может наступить. Тогдашний премьер-министр Рабин пользовался большой поддержкой у избирателей. Модным был лозунг: «Вести переговоры, как будто нет террора, бороться с террором, как будто нет переговоров». Таким же сторонником мирного процесса был и друг деда, Давид. На замечание деда о том, что во время этих переговоров на улицах наших городов террористы взрывают автобусы с мирными жителями, что в терактах гибнут женщины, старики, дети, а мы улыбаемся и жмём руку главному террористу, развязавшему этот террор, Давид возразил, что теракты совершают отморозки–одиночки, шахиды, а большинство палестинцев за мирное сосуществование. Дед покачал головой и с явной иронией в голосе спросил:

– О чём ты говоришь? Мирное сосуществование? Как оно может наступить, когда в палестинских мечетях и школах идёт оголтелая антиизраильская пропаганда, и не только антиизраильская. Я читал в переводе один из таких школьных учебников. Детям чуть ли не с пелёнок внушают мысль, что все неверные – это враги, которые посягают на единственно правильную религию – Ислам, что нет Бога кроме Аллаха, и все, кто не согласен с этим, кто не служит Ему, должны быть уничтожены, и задача каждого правоверного, где только можно, убивать неверных. И за это его наградит Аллах в той, «вечной», жизни, которая предстоит шахиду после смерти. А настоящая жизнь – это лишь короткий её отрезок, данный мусульманину, чтобы доказать свою верность Аллаху. Идёт зомбирование всего народа, а серость и невежество палестинцев приводят к тому, что эта пропаганда ложится на благодатную почву. Пройдёт десяток лет, подрастёт новое поколение, и таких шахидов станет в де-

сятки, сотни раз больше, практически все палестинцы станут шахидами, и бороться с таким террором будет во много раз трудней, если вообще возможно. И останется одна альтернатива – война. Война на уничтожение. История повторяется. Так было в 1933 году в Германии, только там движущей силой была идея о национальном превосходстве, а теперь – о религиозном. Поэтому самым главным пунктом в любом соглашении с палестинцами должно быть требование о запрещении человеконенавистнической пропаганды, заменой её на толерантное отношение к другим народам, к другой вере. И лишь после выполнения этого первого условия можно вести переговоры о границах и территориальных уступках.

И я подумал, как был прав мой дед. Вот он перед нами продукт той пропаганды, молодой шахид, которому в то время было ещё лет семь. Неужели к такой простой и очевидной мысли не могли прийти тогдашние наши руководители, те же Рабин и Перес, главные «архитекторы» оловских соглашений. Быть может, и история нашей страны пошла бы по другому пути...

Мы передали арестованного представителям Шабак, прибывшим к месту происшествия, а сами продолжили патрулирование. Так был предотвращён серьёзный теракт, и всё это благодаря бдительности девочки с так поразившим меня глуховато-картавым голосом. И тогда мы решили всей командой навестить наших спасительниц и поблагодарить за своевременное предупреждение, которое, возможно, сохранило наши жизни...

Наблюдательный пункт расположился на краю довольно большого еврейского поселения Бейт-Барух, в восточной части Самарии, недалеко от Шхема. Само поселение занимает всю верхнюю часть высокого холма, у основания которого разместились две арабские деревни. Поселение

напоминает зелёный оазис среди пустыни. Красивые, разнообразной архитектуры, в основном двухэтажные, с белоснежными стенами и красно-коричневыми черепичными крышами, дома, покрытые чёрно-серым асфальтом дороги, обрамлённые зелёными ухоженными рядами деревьев. Школа, детские площадки, на которых играют дети под присмотром воспитательниц, строгое здание синагоги. А внизу совсем другая картина. Кривые улицы, засыпанные мусором, неоштукатуренные, с такими же серыми плоскими крышами, дома. Почти полностью отсутствуют зелёные насаждения. Тучи мух над разлагающимся трупом осла, лежащим на краю дороги. И такое впечатление, что в этих деревнях нет никаких органов самоуправления, а жителей этих деревень совсем не волнует состояние того места, где живут они и их дети. Хотя дома целого ряда, очевидно, богатых семей построены добротно, в два и три этажа, и даже с претензией на высокую архитектуру в виде порталов с колоннами, капителями и пилястрами. Около многих домов можно увидеть легковые автомашины, мотоциклы, так что сказать, что жители этих деревень бедствуют, вряд ли можно. Но рядом с домами груды строительного мусора, гниющих пищевых отходов. Не любят они эту Землю, не стремятся украсить, облагородить её. Около замызанной чайханы можно увидеть группы здоровых мужчин, убивающих своё свободное время игрой в нарды. Почему бы им вместо этой пустой забавы не заняться благоустройством своей деревни. Но не это заботит их, не это управляет их мыслями. Их действиями и помыслами руководит ненависть и ещё – зависть. Но не та зависть, которая вызывает стремление сделать лучше своё, а которая побуждает к уничтожению чужого.

Наблюдательный пункт рядом с поселением был установлен ЦАХАЛом в помощь местному отряду самообороны

после очередного теракта, совершённого арабом из соседней деревни, проникшим на территорию поселения, в результате которого погиб шестилетний ребёнок. И ещё был ранен ножом тринадцатилетний подросток, пришедший к нему на помощь. Он представляет собой три вагончика (каравана), установленных в виде треугольника на возвышенной части холма, рядом с поселением. Внутри треугольника свободное пространство. Здесь стоят два старых дивана и два таких же, отслуживших свой срок, кресла, притащенных сюда из поселения. В центре двора – такой же старый, но ещё достаточно крепкий стол. Один из караванов, рабочий, предназначен для наблюдения за местностью, с которой могут быть совершены провокации террористами. Одна стена, обращённая к арабским деревням, на две трети представляет открытый проём. Здесь установлена аппаратура наблюдения и фотосъёмки, в том числе и ночного видения, средства связи с ближайшим воинским подразделением, а также со штабом местной самообороны поселения. Отсюда 24 часа в сутки ведётся непрерывное наблюдение за местностью с целью раннего обнаружения арабских террористов. Эту работу осуществляют три молодые, пришедшие в армию сразу после окончания школы, девочки-солдатки. Другой караван предназначен для отдыха солдаток-наблюдателей. В нём установлены три двухъярусные кровати, стулья, туалетный и обеденный столики. Третий караван – это кухня, в которой девчата готовят себе пищу из продуктов, поставляемых соответствующей службой армии, и отдельно санузел. По очереди, сменяя друг друга каждые четыре часа, эти девочки, вместо того, чтобы приятно проводить время где-нибудь в своих городах или продолжать учёбу в университетах, напряжённо всматриваются в окружающий однообразный пейзаж, не появилось ли что-либо подозрительное, угрожающее жизни обитателей

поселения. На счету у этих девчушек уже два предотвращённых теракта, наш – третий...

После того, как нам на смену пришла другая группа солдат, с разрешения командира части, на машине Алекса, на которой он прибыл в часть проходить военные сборы (милуим), мы отправились на наблюдательный пункт, предварительно прихватив в поселенческом магазине бутылку шампанского и коробку конфет. Девушки нас не ждали. Одна из них отсыпалась после дежурства, другая вела наблюдение за местностью, а третья что-то готовила на кухне. Наш приезд был для них сюрпризом. После суматохи, возникшей при нашем появлении, девчата, приведя себя «в порядок», появились во дворе, где мы ожидали их, сидя на продавленных диванах. Состоялось знакомство. Девочек звали Дина (она была старшей в группе), Руфь и Мирьям. Нас было четверо: Алекс, Йосеф, я и солдат-новобранец Эли. Подошла моя очередь пожать руку Руфи. Я заглянул в её слегка смущённые, цвета зрелого каштана, глаза, обрамлённые узкой полоской тёмных бровей и ресниц, длинных, загнутых кверху и усиливающих впечатление смущённости, и услышал её глуховатый, почему-то так поразивший меня голос: «Р-руфина». И тут что-то дрогнуло во мне, заныло. Я держал её тонкую, с длинными пальцами, руку, видел только её глаза и никак не мог произнести своё имя. Она осторожно высвободила свою руку, отвела взгляд и отступила к своим подругам. А я понял, что это именно та девушка, о которой я всегда мечтал, и без которой я уже не мог представить свою жизнь...

Девчата накрыли откуда-то взявшейся скатертью стол, принесли из кухни незамысловатую еду и стаканы. Алекс разлил шампанское. Один стакан Эли отнёс Мириам, которая дежурила у приборов наблюдения, и остался там, сидя на пороге каравана. Он был как бы связующим звеном

между нами, сидящими за столом, во дворике, и Мириам. Зато Алекс царил за столом. Тосты, шутки из него сыпались, как из рога изобилия, привлекая всеобщее внимание и создавая весёлую атмосферу. А я как будто онемел. Рядом со мной сидела Руфь, и это сковывало меня. Время от времени я взглядывал на неё. Она была, как и положено, в армейской форме, только вместо солдатских брюк на ней была довольно длинная юбка цвета хаки. Её волнистые волосы, небрежно рассыпанные по гимнастёрке, отливали тёмно-красной медью. В её глазах играли огоньки, сомкнутые губы подрагивали, прорываясь коротким смехом на очередную шутку Алекса. Я завидовал Алексу, его раскованности, умению привлечь к себе общее внимание, но ничего не мог с собой поделать. В голову не приходила ни одна мысль, ни одна история, которая могла бы, как мне казалось, заинтересовать окружающих. Я молча сидел, и где-то внутри даже поселилось чувство зависти к умению Алекса так свободно чувствовать себя в общении с новыми людьми. Руфь иногда посматривала в мою сторону, и, встречаясь с её взглядом, я терялся. Не мог произнести ни слова и отводил глаза.

Время клонилось к вечеру. Солнце, приняв багряный оттенок, медленно опускалось за отдалённый холм, на котором располагалось ещё одно еврейское поселение. Его последние лучи заливали светом улицы и дома этого поселения, и само оно стало казаться нереальным, сказочным городком. Зелёная листва деревьев, окружающих дома поселенцев, и сами домики как бы плыли в красно-золотых волнах этого света. И такая, удивительной красоты, картина, и присутствие рядом со мной девушки, которая мне очень нравилась, вдруг прорвали мое состояние скованности, и я обратился к Руфи.

– Посмотри, Руфь, как красиво. Как будто волшебный город!

Руфь с интересом взглянула на меня, а потом долго смотрела, как солнце прямо на глазах опускается за холм. А затем снова повернулась ко мне.

– А ты, оказывается, поэт, – сказала она, и её глаза улыбались и, казалось, смотрели мне прямо в душу. Я растерялся под её внимательным взглядом и, чтобы скрыть своё смущение, промямлил.

– Почему «поэт», просто очень красиво, как в какой-то сказке. Разве не так?

– Да, красиво. Очень красиво. А ты любишь сказки?

– Когда был маленьким, любил. А сейчас не до сказок.

Она снова стала смотреть в сторону соседнего поселения, а потом, не поворачивая головы, вдруг спросила:

– Тебе жалко того убитого араба да?

– Почему ты так подумала?

– Ну, потому, что ты всё больше молчишь и, вообще, выглядишь каким-то удручённым.

– Нет, мне его не жалко. Жалко, что приходится жить в такое время, когда, чтобы спасти свою жизнь, надо лишать жизни других.

Руфь вдруг посерьёзнела, исчезли искорки, которые до этого мерцали в её глазах. Её взгляд по-прежнему был устремлён на соседнее поселение. Солнце уже скрылось за горизонтом, небо стало наполняться синевой подступающих сумерек, и лишь край его продолжал сохранять остатки ушедшего золотистого сияния. Мы молчали. Подходило время, когда надо было прощаться. Девчата стали собирать со стола посуду. Поднялся со своего места и Алекс.

– Ну что, парни, надо ехать.

И тут я испугался, испугался, что эта наша случайная встреча с Руфью может оборваться, оказаться последней.

– Руфь, а тебе ещё долго служить?

– Ещё почти полгода. А тебе?

– Мне больше, чем полтора. А у тебя есть мобильник? Дай мне его номер. Я иногда буду звонить тебе. Ты не против?

Руфь улыбнулась.

– Нет, не против. Я люблю, когда мне звонят. Это вносит какое-то разнообразие в нашу монотонную службу. Но только не в те часы, когда я на дежурстве или сплю. На это время я отключаю мобильник. Так что имей в виду, что ко мне трудно дозвониться.

– Обязательно дозвонюсь, – с неожиданной решимостью заявил я, – Вот увидишь!

Мы попрощались с девушками и уехали к месту дислокации нашей части. А для меня наступил счастливый период наших редких встреч с Руфью.

ГЛАВА 2

27 октября 2011 г палестинские террористы осуществили ракетный обстрел территории Израиля. Три ракеты «град», выпущенные из северной части сектора Газы, разорвались возле Ашдодом и в районе поселка Бней-Аиш, расположенного между Ашдодом и Гедерой. Во многих населенных пунктах южной части района Шфела прозвучали сигналы тревоги, предупреждающие о ракетных обстрелах. По состоянию на утро 27 октября, ни одна террористическая группировка не взяла на себя ответственность за обстрел. Власти Израиля возлагают ответственность на террористическую организацию ХАМАС, контролирующую сектор Газы. По данным палестинских СМИ, террористы вели обстрел с территории бывшего еврейского поселения Дугит, которое было разрушено в августе 2005 года после принудительной эвакуации израильтян из сектора Газы. Террористы используют руины бывшего поселения.

***

Статистика ракетных обстрелов Израиля с территории сектора Газы

2011-й год:

Октябрь. 3 обстрела, 6 ракет. Пострадало 2 человека.

Сентябрь. 6 обстрелов, 8 ракет. Пострадавших нет.

Август. 82 обстрела, 144 ракеты, не менее 20 ракет сбиты системой ПРО. 11 погибших, 24 человека ранены.

Июль. 15 обстрелов, 24 ракеты. Пострадало 3 человека.

27.10.11, 7:23

***ХАМАС вооружился новыми ракетами
для войны с Израилем***

В системе безопасности Израиля выразили обеспокоенность тем фактом, что террористическая организация ХАМАС постоянно улучшает свой боевой арсенал. Об этом сообщает сегодня, 27 октября, «Гаарец».

Так, в последнее время ХАМАСу удалось провезти контрабандой в сектор Газы модернизированные зенитные ракеты российского производства, которые им удалось похитить со складов оружия, разворованных в Ливии.

Эксперты отмечают, что падение режима Каддафи в Ливии привело к тому, что контрабанда оружия из этой страны приобрела невиданные до сих пор масштабы.

Новости

В пятницу, 23 сентября 2011 года, несмотря на возражения США и Израиля, руководитель Палестинской автономии Махмуд Аббас обратился к Совету Безопасности ООН с просьбой как можно скорее признать палестинское государство. Руководитель Палестинской автономии, обращаясь к Генеральной ассамблее, призвал международное сообщество поддержать то, что он назвал «историческим предназначением» палестинцев. «Я заявляю, что после десятилетий колониальной оккупации и непрекращающихся страданий мой храбрый и гордый народ, наконец, заслужил право жить так, как живут другие народы, – в свободной, суверенной и независимой стране». Аббас также заявил, что ни один человек, если у него «есть какие-то остатки совести», не может отклонить заявление палестинцев на получения статуса полноправного члена ООН». «Наши усилия направлены не на то, чтобы изолировать Израиль или поставить под вопрос его право на существование. Мы до-

бываемся признания народа Палестины и его исторического права на существование своего государства».

***

Фара Джозеф, американский журналист арабского происхождения, редактор и главный управляющий интернетовского сайта новостей World Net Daily.

March 8th, 2010 | Author: Anatoliy Zelikman

Это правда. В ходе Шестидневной войны Израиль захватил Иудею, Самарию и Восточный Иерусалим. Но эти территории были захвачены не у Ясира Арафата. Они были захвачены у короля Иордании Хуссейна. Я, араб, не перестаю удивляться: как это вдруг все эти палестинцы обнаружили свою национальную принадлежность – после того, как Израиль выиграл войну?

Истина в том, что Палестина реальна не более, чем тридевятое царство. Палестина никогда не существовала как самостоятельное образование – ни до, ни после того. Попеременно ею правили Рим, мусульмане, крестоносцы, Османская империя и, в течение очень короткого времени, Великобритания – после Первой мировой войны. Именно Великобритания согласилась вернуть, по крайней мере, часть этой земли еврейскому народу в качестве его родины. Не существует языка, известного как палестинский. Не существует самобытной палестинской культуры. Никогда не существовала страна, известная как Палестина, управляемая палестинцами. Палестинцы – это арабы, ничем не отличающиеся от иорданцев, сирийцев, ливанцев, иракцев и т.п.

Помните, что арабы контролируют 99,9 процента земли на Ближнем Востоке. Израиль представляет собой лишь десятую долю процента всей этой территории. Но для арабов это слишком много. Они хотят все. И это имен-

но то, из-за чего сегодня идет война в Израиле. Жадность. Гордыня. Зависть. Алчность. Не важно, сколько территориальных уступок сделали израильтяне, их никогда арабам не будет достаточно. А что со святыми местами мусульман? Их нет в Иерусалиме. Вы шокированы? Я и не ждал, что вы когда-то слышали эту тяжелую истину от кого-либо в международных средствах массовой информации. Я знаю, что вы собираетесь мне сказать: “Фара, мечеть “Аль-Акса” и мечеть Омара представляют собой третьи по святости места ислама”. Неправда.

На самом деле Коран ничего не говорит о Иерусалиме. В нем упоминается Мекка сотни раз. В нем бесчисленное количество раз упоминается Медина. В нем нигде не упоминается Иерусалим.

Так как же Иерусалим стал третьим по святости местом ислама? Мусульмане сегодня цитируют неясный фрагмент Корана, семнадцатую суру, называющуюся “Перенес ночью”. Она повествует о том, что во сне или в видении Мохаммед был перенесен ночью “из мечети неприкосновенной в мечеть отдаленнейшую”. В VII веке некоторые мусульмане идентифицировали две мечети, упомянутые в этом фрагменте, как Мекку и Иерусалим.

И это – самая близкая связь ислама с Иерусалимом – миф, фантазия, желаемое. Евреи могут проследить свои корни в Иерусалиме вплоть до дней Авраама. Последний раунд насилия разразился, когда лидер партии “Ликуд” Ариэль Шарон попытался посетить Храмовую гору – основание Храма, построенного царем Соломоном. Это самое святое место для евреев. Шарон и его сопровождение были встречены камнями и угрозами. Я знаю, что это такое. Я бывал там. Можете ли вы представить себе, что для евреев значит, когда им угрожают, бросают в них камни и физически не пропускают в самое святое место иудаизма? Так как же из-

лечить увечье, нанесенное Ближнему Востоку? Если честно, я не знаю.

Я не думаю, что человек в состоянии найти решение, которое сможет остановить насилие. Но если такое решение существует, оно должно основываться на правде. Претензии приведут лишь к еще большему хаосу. Рассмотрение 5000-летнего права первородства, подтверждающегося ошеломляющими историческими и археологическими свидетельствами, наравне с незаконными претензиями, пожеланиями и требованиями не делает чести дипломатии и миротворчеству...

Давайте возвратимся в микрокосм – на Ближний Восток. Нет никаких легитимных претензий. Израиль не крал чужей земли. Израиль не создавал кризиса с беженцами. Израиль не угнетал “палестинский народ”. Все это чушь, которую я опровергал тысячи раз голыми фактами и реальной историей.

Конфликт между исламскими радикалами и евреями на Ближнем Востоке в действительности очень прост. Исламские радикалы хотят, чтобы все евреи умерли. Евреи, тем временем, хотят жить. И, как показывает конфликт, два этих аспекта несовместимы. Ибо зверя не удовлетворят никакие земельные уступки. Зверя не удовлетворит никакая иностранная гуманитарная помощь. Зверя не удовлетворит никакой пересмотр истории. Его жажду крови и власти утолит только смерть и уничтожение всех неверных.

Комментарий: Фара, американец арабского происхождения, утверждает, что большинство предпосылок деятелей, ведущих мирные переговоры на Ближнем Востоке, неверны и стабильность в регионе не может быть достигнута путём израильских территориальных уступок.

***

Кто он, Барак Обама?

Прошло более двух лет после знаменитой «программной» речи Барака Обамы в Каирском университете, которую тогда называли «прорывом во взаимоотношения» Запада с Исламским миром. В этой речи он провозгласил основные тезисы своей внешнеполитической программы. Следует очертить основные пункты этой программы и к каким последствиям привела попытка их реализации.

Руку, «протянутую» Бараком Обамой от имени всего Западного мира исламскому миру так никто и не принял. Надежда на урегулирование конфликтов на Ближнем Востоке окончательно рухнула. Подтверждение тому – Ливия, Египет, Сирия, Йемен и др. И вместо протянутой руки американцам пришлось посылать боевые самолёты, чтобы бомбить ливийские города. Не состоялась дружба американского президента и с другими исламскими странами...

Огромный вред принесла эта речь и Израилю. Провозглашённое требование прекратить строительство в поселениях дало повод Махмуду Аббасу отказаться от переговоров по урегулированию израильско-палестинских отношений. Если президент Америки заявил о недопустимости строительства в поселениях, то ему, Аббасу, сам Бог велел ставить этот тезис, как предварительное условие, без которого «нет смысла» вести такие переговоры. Таким образом Барак Обама только разрушил возможность мирного урегулирования израильско-палестинских отношений.

Ещё один тезис в речи Барака Обамы, который привёл к усугублению отношений между арабским миром и Израилем. Здесь я приведу заключение, сделанное известным экспертом по ближневосточному региону, Рихардом Херцингером в статье для «Die Welt». «С тех пор, как Барак Обама обозначил в качестве своих внешнеполитических приори-

тетов мечту о мире (на Ближнем Востоке, пр. Р.Н.) без ядерного оружия, арабская пропаганда тут же выставила израильский ядерный потенциал, в качестве источника нестабильности в регионе. При этом, подчёркивается в статье, ведущие арабские державы осознают, что одностороннее ядерное вооружение Израиля в течение многих десятилетий был одной из основ стабильности на Ближнем востоке». С момента основания в 1948 году и до 1973 года Израилю четыре раза пришлось обороняться от превосходящих сил арабских государств. И только благодаря негласному ядерному вооружению он смог исключить вероятность дальнейших арабских нападений. По словам автора статьи «устрашающий эффект атомной бомбы принёс выгоду Израилю, но косвенным образом также и арабским режимам. С них была снята необходимость постоянной гонки вооружений для постоянных новых войн с целью разрушения ненавистного «сионистского образования». Привлечение внимания к этому вопросу Бараком Обамой не только не привёл к ослаблению напряжённости на Ближнем Востоке, но подстегнул те силы в арабских странах, которым выгодна такая нестабильность.

Так всё же, кто для Израиля Барак Обама – друг или враг?
(Исраель Хаём 12.08.2012.)

***

Выступление президента Франции Саркози на саммите двадцатки 04.11.12

«Поведение Ирана, его одержимость в стремлении овладеть ядерным оружием является нарушением всех международных законов. Франция самым решительным образом осуждает подобные действия. Но такие действия, как превентивные удары недопустимы.. Не следует забывать, что по-прежнему существует возможность диалога. Если диа-

лог не даст результата, существует метод санкций. Если же принятых санкций окажется недостаточно, то существует возможность введения других санкций. Нельзя все пытаться решать с помощью оружия».

Иран продолжает свои ядерные разработки

«Несмотря на экономические санкции, принятые Советом Безопасности, Иран продолжает наращивать работы по обогащению урана. По оценкам специалистов уже в следующем году он может создать свою первую атомную бомбу».

(«Дейли ньюс», 17.02.2013)

***

Со дня нашей первой встречи с Руфь прошло более года. Она уже закончила свою службу в армии и собиралась поступать на курсы медсестёр.

Подходил к концу и срок моей службы. Я подал свои документы в университет с просьбой зачислить меня на медицинский факультет с тем, чтобы с начала следующего учебного года приступить к занятиям в университете. Шансы на то, что я буду принят, у меня были достаточно хорошие. Довольно высокий багрут (аттестат зрелости) по основным предметам и неплохие результаты психотеста позволяли надеяться на это. Оставалось дожидаться решения приёмной комиссии.

Пока Руфь служила в армии, мы не встречались. Но мне очень нравилось разговаривать с ней по телефону, слышать её, с голубиным воркованием, голос, представлять себе её улыбку с мелкими искорками в карих глазах в ответ на мою очередную шутку или комплимент. Эти разговоры знакомили нас друг с другом.

Я чувствовал, что она радовалась моим звонкам. Или мне это просто казалось, потому что очень хотелось верить в такое. Но это не имело значения. Мне просто приятно было слушать её, знать, что она есть, и надеяться, что она испытывает ко мне те же чувства, какие переполняют меня.

Первая наша встреча произошла в Иерусалиме. Я приехал туда задолго до назначенного времени. Я плохо знал город, а потому и не представлял, куда можно её пригласить. На центральной автобусной станции, в цветочном магазине, купил букет белых хризантем и с нетерпением ждал на остановке, куда должен был прийти автобус из поселения, где жила Руфь со своими родителями. Когда она вышла из автобуса, в длинной однотонной юбке, с косынкой, повязанной вокруг головы, и сумочкой через плечо, вся такая высокая, стройная, как тополинка, то я не сразу узнал её. А когда узнал, она мне показалась ещё красивей, ещё более желанной, чем там, на наблюдательном пункте, в военной форме, и, в то же время, ещё более недоступной. Именно сейчас я понял, что она принадлежит другому миру, где существуют свои порядки, свои представления о жизни, о взаимоотношениях между людьми. И они отличаются от тех, в которых вырос и был воспитан я. И что, если мы захотим быть вместе, то кому-то из нас придётся изменять свой образ жизни, свои привычки, свои взгляды на жизнь. Видимо, всё это отражалось в моих глазах, когда я вручал ей букет, и она каким-то своим чутьём поняла мои тревоги и, улыбнувшись, сняла свою косынку с головы и спрятала в сумочку. А тёмные, волнистые, с медным отливом, волосы, рассыпались по её белой, вышитой каким-то замысловатым узором, кофточке. И снова я увидел ту, уже знакомую мне, Руфь, которая тогда, с первого взгляда, вдруг завладела моим сердцем. Мы вышли в город, и я спросил:

– Что будем делать? Куда пойдём? Может быть, в кафе или в ресторан? Я плохо знаю город. Придётся тебе быть гидом.

– Давай сегодня просто погуляем по городу. А ещё лучше, давай побываем в парке Сакер. Ты слышал о таком парке? Это в самом центре Иерусалима и, в то же время, как будто вне города. Там есть, что посмотреть, и есть, где посидеть, поговорить. Очень красивое место.

Я был согласен на всё. На автобусе мы доехали до какой-то остановки на бульваре Бен-Цви, а потом, пройдя по более мелким улочкам, оказались перед входом в парк. Рядом был высокий холм, на котором возвышалось какое-то красивое строение. Указывая на него, Руфь сказала:

– Это здание Верховного Суда. Сам парк расположен на склонах окружающих его холмов.

На многочисленных лужайках парка расположились группы людей с палатками, мангалами, на которых жарились шашлыки. Люди отдыхали. Их было много, но, несмотря на это, парк не казался переполненным. Большие размеры территории и продуманное размещение зелёных насаждений, создавало впечатление уюта и отъединённости от остальных посетителей парка. Кустарники бугенвиллий, расцветившие парк в различные цвета, от снежно-белого, до кроваво-красного, перемежались с пирокантой, на которой уже багровели большими оранжевыми пятнами плоские гроздья ягод. Были здесь и целые заросли перечного дерева и розмарина с мелкими светло-сиреневыми цветами и тёмно-зелеными остроконечными листьями. И всё это разделяло парк на отдельные, почти изолированные, участки. Были здесь и непонятные на первый взгляд сооружения в виде прямоугольных параллелепипедов размером полтора на два метра и высотой около метра, обложенные снаружи иерусалимским камнем и закрытые сверху толстым

стеклом, на которое, как сказала Руфь, можно без опаски вставать, настолько оно прочное. Оказалось, что это окна подземной парковки автомашин. Я ещё подумал, как мало у нас земли, что приходится вгрызаться в скалистое тело её, чтобы как-то расширить жизненное пространство города. Но и этот клочок земли не даёт покоя нашим арабским соседям. Им мало своей территории, которая больше, чем наполовину не обжита. Им для полного счастья не хватает именно этой, кровью и потом освоенной земли.

Мы гуляли по парку. Руфь водила меня по самым потаённым его уголкам, рассказывала об истории создания этого парка. Объясняла, как называются деревья и кустарники, которых в парке огромное разнообразие, откуда их привезли в страну. Ведь я ничего этого не знал, и мне было интересно слушать её, а ещё больше, ощущать, что она рядом, слышать её голос и надеяться, что так будет долго, всегда. И тут я вдруг решил и спросил:

– Руфь, ты окончила религиозную школу?

– Да, Йонатан. А почему ты об этом спросил?

– И ты веришь во всё это? Веришь в Бога?

– Да, Йонатан, в Бога я верю. А вот, как ты сказал, «во всё это», тут всё значительно сложнее. Понимаешь, после службы в армии я на многие вещи стала смотреть другими глазами. Я как-нибудь тебе объясню.

– Руфь, расскажи сейчас. Мне это очень интересно и важно знать.

Я понимал, что разница во взглядах на жизнь могла стать непреодолимым препятствием в наших отношениях.

– Ну, хорошо. Сейчас, так сейчас.

Мы прошли до ближайшей свободной скамейки. Руфь сняла с плеча свою сумку, вынула оттуда две большие жёлтые груши. Одну протянула мне, а другую надкусила сама, и только после этого продолжила.

– Ты, наверно, помнишь Дину, которая была у нас в группе старшей. У неё мама была русской, а потому и Дина не считалась еврейкой. Их семья приехала в Израиль несколько лет назад. Её мама там, в Украине, была преподавателем физики. Здесь устроиться работать по специальности не смогла, а потому, чтобы заработать на жизнь, стала убирать квартиру в религиозной семье, в Бней-Браке. И вот, во время работы случилось несчастье. У неё произошло кровоизлияние в мозг. Её отвезли в больницу Бейлинсон в Петах-Тикве. Несколько дней врачи боролись за её жизнь, но на четвёртый день объявили, что все их усилия не увенчались успехом. Я вместе с Диной и её отцом в это время была в больнице. Дина была в ужасном состоянии. На её отца вообще трудно было смотреть. За эти четыре дня он как бы сразу постарел, осунулся, лицо его почернело. Я, как могла, поддерживала Дину. Нам сказали, что нужно получить свидетельство о смерти и объяснили, где это можно сделать. Отец Дины плохо владел ивритом, и поэтому я пошла вместе с ним в ту комнату, где выдавали такое свидетельство. Такими вопросами здесь занимаются специальные раввины. Это их работа, за которую они получают зарплату. Нас встретил человек в толстых роговых очках, с длинной седой бородой, в чёрной шляпе на голове. Такой благодущный старичок. Отец Дины назвал фамилию умершей. Рав стал копаться в каких-то бумагах, вынул оттуда листок, и, вдруг, его лицо сморщилось, он с брезгливостью произнёс: «русия», и швырнул свидетельство на стол. Бланк слетел со стола и упал на пол. Отец Дины поднял его, а я взглянула на старика, и теперь уже он больше не казался мне благодущным старичком. Что-то неприятное, отталкивающее сквозило в его глазах, укрытых за тёмной роговой оправой. Мы вышли из комнаты. Я была потрясена. У людей страшное горе, умер самый родной человек. Такое несчастье у любо-

го нормального, даже постороннего, человека должно было вызывать чувство сострадания или, хотя бы, участия. А здесь мы столкнулись с бессердечием, высокомерием и откровенным чванством. И это со стороны представителя религиозной общины, причём, наделённого званием раввина. Мне было стыдно перед отцом Дины, ведь я тоже отношусь к такой же группе населения Израиля. Мне и сейчас, когда я вспоминаю эту сцену, становится не по себе. Я чувствую себя причастной к тому, что произошло тогда.

– Руфь, ну а причём тут ты? Ведь это просто чиновник от религии. Он, как и любой другой чиновник, относится к клиентам с чувством своего превосходства, так как его должность позволяет ему относиться к людям свысока. Люди как бы зависят от него, и это создаёт ощущение его значимости. А отсюда и его высокомерие. Да, и случай этот, может быть, единичный.

– Нет, Йонатан. Это просто особенно яркий пример. Подобное отношение к людям, особенно, не своей общины, я стала замечать и в других ситуациях. Хочешь, я расскажу в продолжение ещё одну историю, которая произошла через несколько дней после этого случая?

Конечно, я хотел. Меня удивило, сколько негодования было в голосе Руфи во время её рассказа. Она как бы заново переживала ту давнюю ситуацию. Немного успокоившись, она продолжила:

– Как я уже говорила, мама Дины вынуждена была заниматься уборкой квартиры в Бней-Браке. Они недавно купили коттедж в Баркане, влезли в долги, а зарплаты отца Дины не хватало, чтобы как-то справляться с платежами. Хозяином этой квартиры был какой-то видный в городе раввин. Эта работа оплачивалась «по чёрному», то есть без регистрации в службе занятости. Это было выгодно обеим сторонам, не надо платить налоги. Количество отработанных

часов Динина мама записывала в тетрадь, которая хранилась у хозяев, а в конце месяца производилась оплата. Так вот, после того, как состоялись похороны, и прошла шив'а (семь дней после похорон), Дина поехала в Бней-Брак, чтобы получить последнюю зарплату матери. Дина знала, какую сумму она должна получить, потому что её мама также записывала количество отработанных часов дома, в своей тетради. Дину встретил хозяин квартиры. Когда он узнал, кто она такая, и зачем пришла, он подал ей уже заранее приготовленный конверт с деньгами. В конверте оказалась сумма в два раза меньше заработанной. Дина попросила тетрадь, в которой её мама записывала количество отработанных часов. Хозяин заявил, что деньги посчитаны согласно записям в тетради, а поскольку теперь она больше не нужна, её выбросили. Так Дина и ушла, ничего не доказав. После того случая я стала более внимательно присматриваться к «представителям» Бога здесь, на нашей земле. И у меня складывается впечатление, что некоторые из них «служение» Богу превратили в свою синекуру, когда, не прикладывая больших усилий, можно хорошо заработать, пользуясь репутацией раввинов, как непогрешимых, и даже прибегать к беззастенчивому обману.

– И ты разочаровалась в религии, в Боге?

– Нет, Йонатан. Я разочаровалась не в религии и не в Боге, а в тех, кто называет себя его представителями. Всё-таки, я надеюсь, что большинство из них искренне верит в Бога и поступает согласно его заповедям. Но много среди них и таких, о которых я рассказала тебе. И особенно это характерно для харедим. Это они не верят в Бога, раз поступают таким образом. Иногда мне кажется, что Бог наказывает наш народ не за грехи простых евреев, а, именно, за грехи тех, кто присвоил себе право говорить от Его имени, используя это право в своих корыстных делах.

Я не знал, как мне реагировать на всё сказанное, взял её руку в свои. Это было первое моё прикосновение к Руфи. Так мы и сидели, держась за руки, и молчали. Начало смеркаться, подул лёгкий прохладный ветерок. Руфь вынула из сумки свою косынку и повязала её на шею.

– А родители знают о твоих настроениях, сомнениях?

– Нет, Йонатан, они очень религиозные люди, особенно мама. Я очень люблю их. Но с ними на эту тему я не смогу говорить, они не поймут меня и будут очень расстроены. Я даже со своей старшей сестрой пока не решилась поделиться тем, что у меня в голове и на душе.

Она снова замолчала, а я, решив сменить тему разговора, спросил:

– А ты уже решила, что будешь делать дальше. Будешь работать или учиться?

– Я, по моему, тебе уже говорила, что хочу поступить на курсы медсестёр, но пока не решила, в каком городе. Здесь, в Иерусалиме, это очень дорого, и очень дорогое общежитие. А ездить ежедневно из поселения автобусом мне не очень хочется. Тем более, что он ходит очень редко и в неудобные часы.

– Руфь, а ты знаешь, что у нас в Ариэле при университете тоже есть такие курсы. Я, правда, не знаю, сколько стоит обучение в них, но студенты там живут в прекрасно оборудованных караванах и платят, насколько мне известно, только за коммунальные услуги. Хочешь, я всё разузнаю.

– Узнай. Я думаю, что даже мои родители не будут противиться этому. Ведь Ариэль это тоже поселение, хотя и большое. Главное для них, что это не совсем светский город, не такой, как Тель-Авив.

Так закончилось наше первое свидание. Я проводил её к автобусу, а потом и сам уехал домой. И всю дорогу от Иерусалима до Ариэля мечтал о нашей следующей встрече.

ГЛАВА 3

Данные Ассошиэйтед Пресс 23.4.2013

Китайские специалисты обнаружили в Тихом океане огромные запасы залежей нефти. Об этом сообщало ещё в 2011 году информационное агентство по энергетике США. Эксперты агентства утверждают, что их освоение и эксплуатация может привести к изменению всех современных экономических законов мира. На сегодняшний день Китай является одним из самых больших потребителей энергии в мире, а количество китайских залежей нефти могут конкурировать с нефтяными запасами Саудовской Аравии. По данным Информационного агентства по энергетике в США запасы обнаруженной Китаем нефти могут составлять до 80% запасов Саудовской Аравии, что примерно равняется 213 миллиардам баррелей.

Одна часть залежей нефти находится на территории Вьетнама, где в настоящее время нефтяные разработки осуществляются компаниями Exxon Mobile Corp (США) и «Газпром ОАО» (РФ).

Специалисты тем временем отмечают влияние, которое окажет эксплуатация залежей нефти на мировые цены и на мировую экономику.

***

В результате экономического кризиса идея объединения Европы терпит крах. Расточительная экономическая политика ряда стран, входящих в Евросоюз, приводила к

тому, что они вынуждены были жить за счёт других государств с более разумно построенной экономикой. Такое положение вещей перестало устраивать страны-доноры, особенно Германию и Францию, на долю которых пришлось основные затраты на поддержание стабильности в Евросоюзе. В итоге, уже в 2013 году из Еврозоны были выведены такие страны, как Греция, Испания, Португалия. Сейчас на очереди находится Италия. Попытка восстановить экономическую стабильность путём увеличения налогов, сокращения бюджета в государственных учреждениях, уменьшения различных неоправданных социальных пособий, привело к массовым выступлениям населения: демонстрациям, забастовкам, что, в свою очередь, усугубило состояние экономики в этих странах. Беспорядки привели к тому, что стали набирать силу различные экстремистские группировки. Так, в Испании и Португалии ситуацией воспользовались радикальные исламистские силы. Особой популярностью они пользуются среди населения, обнищавшего в результате экономического кризиса. Всё больше испанцев и португальцев переходят в ислам. Какими станут эти страны в обозримом будущем, не трудно себе представить.

(Die Zeitung 17. 06. 2014)

***

Я ждал Руфь около выхода из больницы, где она работала хирургической сестрой. Было четыре часа дня, и, несмотря на то, что в коротком разговоре по сотовому телефону более недели назад, она сообщила мне, что с её сестрой Лиорой произошло несчастье, не объяснив подробностей, я всё же надеялся, что за прошедшее время всё как-то утрясётся, Руфь успокоится, и нам предстоит прекрасный вечер. Я заранее заказал в ресторане «Эдем» столик на двоих и сейчас, сидя в своём «Фиате», с нетерпением ждал её

появления. Когда, около пяти часов, она, наконец, вышла из здания больницы, я понял, что настроение у неё отнюдь не радостное. Лицо её выглядело удручённым.

Она села рядом со мной на переднее сидение, и вдруг, из её глаз тонкими прозрачными ручейками полились слёзы. Она ничего не говорила, а только слегка всхлипывала, и я понял, что, видимо, с её сестрой случилось что-то непоправимое. Не расспрашивая ни о чём, я прижал её голову к своей груди, гладил её волосы, пахнувшие чем-то неуловимым, но очень знакомым: не то травой, не то какими-то цветами, и молчал. Так прошло несколько минут, и я увидел, что Руфь стала немного успокаиваться. Наконец, она сказала.

– Ну что, поедем?

Наш столик в ресторане оказался в самом углу зала. Было довольно рано, немногие пока посетители ещё только заказывали что-то себе на вечер. Ещё не пришли музыканты, которые должны были развлекать гостей. Из приёмника лилась лёгкая музыка. Мы сели за свой столик, и тут же к нам подошёл официант и подал нам две, отделанные кожей, папки с красиво оформленным меню. Я открыл папку, и спросил Руфь.

– Какое вино ты будешь пить?

Она молчала, тупо уставившись в раскрытое меню. Я видел, что мыслями она где-то далеко. Я не стал повторять свой вопрос, ждал. Наконец она подняла свои глаза, полные боли, от которой у меня зашло сердце.

– Закажи водку.

И я не выдержал.

– Руфь, дорогая, расскажи, что случилось? Что-то с сестрой? Я не могу тебя видеть такой. Поделись. Может и тебе станет легче.

– Потом, Йонатан, потом.

Я не стал настаивать. Мы сделали заказ. А когда на столе оказался графинчик с водкой и закуска, я наполнил наши рюмки и, подняв свою, молча, смотрел на Руфь. Наконец, она тоже подняла свою рюмку.

– А она умерла... в больнице, – и вновь её глаза стали накатывать слезами. – Господи, как я их ненавижу! Они жертвуют своими детьми, чтобы только навредить нам. Что она им сделала? Почему нужно убивать ни в чём неповинных людей?

Я понял, что она говорит о своей сестре Лиоре. Мы выпили, не чокаясь, зихрона ле браха (благословенна память её). И тогда Руфь вдруг попросила:

– Налей ещё.

И только после этого она, наконец, поведала мне, что случилось. Говорила с трудом, прерываясь, промокая платком постоянно набегавшие слёзы.

– После ночного дежурства я была дома и помогала маме по хозяйству. И вдруг мы услышали сильный взрыв где-то вблизи от нашего поселка. Мужчины поселения, похватав оружие, выбежали на дорогу. Туда же подъехал военный джип с солдатами. Женщины оставались у своих домов и оттуда наблюдали за происходящим. На дороге стояла искорёженная горящая машина, наша машина, на которой поехали в гости моя сестра с мужем Даниэлем, моим зятем. Рядом с машиной, по обе стороны от неё, на придорожных камнях, лежали два человеческих тела. Я сразу узнала их. Это были Дани и Лиора. Было неясно, живы они или нет. Мы с отцом бросились к дороге, но тут подъехала машина скорой помощи. Из неё выскочили санитары. Тела быстро уложили на носилки, поместили в машину, и она на большой скорости уехала, а на дороге догорала наша искорёженная машина, и на камнях были видны остатки частей человеческих тел. Место теракта было оцеплено

солдатами, и туда никого не допускали, ждали экспертов. Отец узнал, что Лиору и Даниэля повезли в больницу «Ада-са» в Иерусалиме. Мы с ним вернулись в посёлок и на его машине помчались в Иерусалим, в больницу. Там нам сказали, что Лиора в тяжёлом состоянии помещена в реанимацию, и сейчас врачи борются за её жизнь. Там же находится и Дани, но его состояние более лёгкое. Есть множество осколочных ранений, в том числе и в области головы. Сейчас он без сознания. Нужно надеяться, что удастся сохранить им жизнь. Я тут же позвонила к себе на работу и взяла отпуск на неделю, и мы с отцом все эти дни по очереди дежурили в больнице.

Руфь замолчала, промокнула салфеткой повлажневшие глаза и вдруг всхлипнула, как поперхнулась. Я подсел к ней, вытирал её слёзы, гладил её волосы, успокаивал.

– А назавтра она умерла, – произнесла Руфь срывающимся от рыданий голосом.

И снова полные слёз глаза, устремлённый куда-то в глубину своих воспоминаний и мыслей взгляд, и лёгкое вздрагивание всего тела в моих объятиях. Как любил я её в этот миг, и как больно мне было от того, что ничего нельзя изменить, исправить, обидно за свою беспомощность. Так длилось несколько минут, и, наконец, она немного успокоилась и смогла продолжить свой рассказ.

– Похороны Лиоры состоялись на следующий день. Весь посёлок пришёл на кладбище проводить её в последний путь. Лиору похоронили рядом со свежей могилкой её младшего сыночка, а точнее, того, что от него осталось. Горькие это были дни для нашей семьи, но и всё поселение было погружено в траур...

И снова молчание. А я терялся в догадках, а что стало с её детьми. Я знал, что у Лиоры было трое детей. Какова их судьба? Но задавать вопросы не решался, ждал.

И, наконец, она продолжила.

– На следующий день после похорон, мы снова были в больнице. Дани уже перевели в общую палату, так что мы смогли посетить его. Правая рука его находилась в гипсе, голова забинтована до самых глаз. На лице несколько швов. Он находился в полузабытии. Иногда он открывал глаза, но не ясно было, видит ли он нас, узнаёт ли. Но прошёл ещё день, ему становилось лучше. Я смачивала влажной салфеткой его губы, покрытые тонкой прозрачной плёнкой пересохшей кожи, но говорить он ещё не мог. И только на третий день он, наконец, пришёл в себя настолько, что смог, хотя и с трудом, рассказать нам, как всё это произошло. Из его сбивчивого рассказа я представила себе всю картину произошедшего.

Следующий перерыв в её рассказе длился не так долго. Она уже овладела собой. Не было больше слёз, и только потяжелевший взгляд говорил о том, что происходило у неё в душе.

– Они возвращались домой с бар-мицвы сына их друзей, Сары и Йосефа, которые жили в одном из северных посёлков, и с которыми их свела судьба после того, как во время Второй Ливанской войны Дани и Йосеф оказались в экипаже одного танка. Тогда Дани вытащил раненого Йосефа из подбитой боевиками Хизбаллы машины, и это спасло его жизнь, так как через минуту после этого танк загорелся. С тех пор дружба между ними не прекращалась и превратилась в дружбу между их семьями. На этот раз они взяли с собой в поездку только младшего, двухлетнего сына Эли, так как у старшего, Бори, были какие-то «важные» дела в школе, а маленькой Мири ещё не было и года, и её оставили на попечении бабушки.

На охраняемой солдатами остановке, уже недалеко от нашего поселения, они увидели мальчика, сына их сосе-

дей. Они остановились, чтобы захватить его с собой. И в это время к машине подошёл мальчик из соседней арабской деревни. Они его знали. Ему было лет тринадцать, звали его Али. Иногда его отец работал в поселении в качестве садовника, а Али помогал ему. Он попросил подвезти и его. Дани не очень хотелось брать в машину Али, но Лиора вдруг сказала: «Давай возьмём и его». Она была ещё в приподнятом настроении от тёплой встречи с друзьями, от прекрасной поездки по осенней дороге, когда прошедший дождь оживил завядшую за лето растительность, и склоны придорожных холмов радовали глаз коврами изумрудной травы. Ей хотелось быть доброй ко всем. И Дани согласился.

Но как только они выехали на дорогу к их поселению, Лиора каким-то шестым чувством догадалась, что это Конец. Дани взглянул на Лиору и по выражению её окаменевшего лица всё понял. Тревога передалась и ему. Он окинул беглым взглядом салон машины, и по напряжению во взгляде Али и по движению его руки, перемещающейся к поясу, понял, что это верная смерть. На Али был пояс смертника. Как Лиора это почувствовала? Какой своей женской, материнской интуицией ощутила смертельную угрозу, идущую от сидящего сзади незваного пассажира? Дани представлял, какой ужас охватил её сердце. Нужно было что-то предпринимать. Мысль лихорадочно билась в его голове. А минуты шли за минутами, и выхода, казалось, не было. Он посмотрел на Лиору и увидел, что глаза её закрыты, и по шевелению её губ понял, что она возносит молитву Богу. И тогда он решил. Нужно направить машину на какое-нибудь препятствие так, чтобы удар пришёлся на правую заднюю дверцу машины, где сидит Али. Может быть, тогда Али не успеет замкнуть контакты своего пояса, и удастся избежать взрыва. Конечно, в этом случае пострадают все,

но всё-таки, всё-таки, это не смерть. Только нужно как-то освободиться от ремней безопасности. Машина продолжала свой путь. Навстречу им попадались другие машины. Дани старался держаться подальше от них, чтобы не могли пострадать и другие люди, сидящие в этих машинах. Наконец, на встречной полосе появился военный джип. На какое-то мгновение мелькнула мысль о спасении, но он тут же понял, что нельзя останавливаться. Остановка только приблизит смерть. Он перегнулся через Лиору, как бы доставая что-то из бардачка, а сам незаметно открыл замок дверцы, около неё. Он почувствовал, что, несмотря на отчаяние, парализовавшее всю её, она всё же поняла, что задумал Дани, и бесшумно отстегнула свой ремень безопасности. Затем, то же самое он проделал и со своей дверцей. Но как дать шанс сохранить жизнь маленькому сыну, сидевшему на специальном детском сидении и прикреплённому к нему ремнём безопасности, да и соседскому мальчику? Он повернулся к детям и спросил, стараясь, чтобы его голос не выдал напряжения, владевшего им.

– Вы все застегнули ремни? Я сейчас проверю. Скоро будет крутой поворот, так что будьте готовы.

Он увидел напряжённое лицо Али, по побледневшим щекам которого стекали серые капельки пота. Соседский мальчик сидел, закрыв глаза, и из-под опущенных век капля за каплей выкатывались прозрачные слезинки. Видимо он тоже понял, что может произойти в любую минуту. И только их маленький Эли безмятежно спал в своём детском креслице.

Дани ещё раз взглянул на Али и увидел на лице его гримасу страха, видимо инстинкт самосохранения, с одной стороны, и необходимость выполнить то, что ему поручили, вручив ему пояс смертника, с другой, боролись у него

где-то внутри. И тогда Дани решил воспользоваться его нерешительностью.

– Али, ты меня помнишь? Твой отец работал у нас в саду, а ты помогал ему. Я ещё тогда угощал тебя мороженым.

Али не отвечал, отвёл свой взгляд в сторону, и только его правая рука стала перемещаться под полу выпущенной поверх джинсов рубашки.

О чём он думал в этот момент? Может быть о том, что жалко расставаться с жизнью, а может быть о том, что в деревне его будут называть трусом, если он не выполнит того, что ему поручили.

– Мы ведь ничего плохого вам не сделали. Так почему ты должен сделать то, что тебе приказали. Подумай о себе. Ведь ты только начал жить, и впереди тебя ждёт долгая жизнь. Ты ведь учишься в школе. А для чего? Чтобы сейчас умереть? Лучше приходите снова к нам, и ты увидишь, что мы не враги вам.

Али молчал, и только ещё сильнее на его лице проступало напряжение, на щеках появились красные пятна. Продолжая вести беседу с Али, Дани, не снижая скорости, «проверял» замки, пытаясь отстегнуть ремни и открыть дверцу около сына. И в это время раздался взрыв. Видимо, «долг» перед Аллахом одолел страх за свою жизнь, и Али привёл в действие взрывное устройство. И теперь, из всех, кто был в той машине, в живых остался только Дани.

Последние слова Руфь произнесла срывающимся голосом. Я налил в стакан минеральной воды и подал ей. Она немного отпила и, поставив стакан на стол, уже более спокойным голосом продолжила.

– Дани сейчас предстоит длительное лечение. У него, оказывается, кроме всего прочего, повреждена печень. Боюсь, как бы он не остался инвалидом. И это молодой, красивый, в полном расцвете сил, мужчина...

Руфь замолчала, закончив свой горький рассказ. Её глаза были устремлены куда-то в сторону окна, обращённого на улицу, где, не подозревая о том, что может произойти с каждым из них в этой стране, проходили люди, проезжали машины. Синь вечерних сумерек заполнила весь проём окна, и, казалось, что всё, что прозвучало здесь, это сон, тяжёлый, неправдоподобный. Руфь оторвала свой взгляд от окна и с болью в голосе сказала, как спросила:

– Откуда у этого народа столько жестокости, зла, ненависти? Ведь жизнь людей – это бесценный дар, посланный Богом. Для них же она, как чужая, так и своя, ничего не стоит. Это не люди. Это дикие звери, и даже хуже зверей. Звери оберегают своих детёнышей, а они посылают их на бессмысленную смерть. Высокая рождаемость у них, это способ накопления смертоносного оружия, и вовсе не служит продлению рода. Они рожают своих детей не для того, чтобы они могли радоваться жизни, наслаждаться тем, что создано в этом мире Богом и людьми, а, наоборот, чтобы разрушать созданное. И всё это объясняют велением их Бога. Что это за кровожадный такой Бог у них?

Мы вышли из ресторана и сразу окунулись в тихую синеву осеннего вечера. Дул лёгкий шелковистый ветерок, мягко лаская наши лица, волосы. Уличные фонари отбрасывали наши тени на асфальт дороги, то удлиняя их, то укорачивая. Хотелось плыть в этой тишине и не думать ни о чём плохом, но услышанное от Руфи тяжёлым камнем лежало на душе, давило беспомощностью, невозможностью как-то исправить, оградить. Я обнял Руфь за плечи, и так, обнявшись, мы подошли к стоянке, где рядом со сверкающими «мерседесами» и «шевроле» приютился и мой, выдавший виды, «фиатик».

Дорогу к посёлку, где жила Руфь, я выбрал, минуя арабское село, более длинную, но менее опасную. Хотя в этом

селе и жили арабы, имеющие израильское гражданство и пользующиеся всеми благами, которые предоставляет еврейское государство своим гражданам, но это была «пятая колона» в государстве. Их шейхи в своих проповедях в мечетях вдалбливают в головы своих прихожан дикую ненависть к евреям, а потому были нередкими случаи, когда, проезжающие через это село машины, еврейские машины, забрасывались камнями и даже бутылками с зажигательной смесью.

Весь путь до дома, где жила Руфь со своими родителями, прошёл в почти полном молчании. Мы вышли из машины и ещё долго стояли, обняв друг друга в тени высокой калитки их дома. Я гладил её волосы, лицо, целовал пухлые сладкие губы, она слабо отвечала мне. И тогда я сказал:

– Руфь, выходи за меня замуж. Ведь вместе нам будет легче одолеть то, что терзает тебя сейчас одну.

– Йонатан, любимый мой, я очень люблю тебя и знаю, что вместе мы были бы счастливы. Но сейчас я не могу об этом думать. А кроме того, есть ещё одно препятствие, которое мне придётся преодолеть: это сильная вовлечённость моей мамы в религию, в необходимость соблюдения религиозных обычаев.

Она обвила своими руками мою шею, приникла всем телом ко мне, на моих губах были её жаркие губы, и её слёзы омывали наши с ней лица. Я закопался в её волосы, прижался к её груди, и каждая клеточка моя ощущала её такое хрупкое и такое желанное тело. Сердце моё разрывалось от любви к ней и негодования против злобы, ненависти и предрассудков, которые существуют в этом мире. И всё-таки я верил, что всё как-то утрясётся, ведь нельзя так просто разрушить наше счастье. Но неприятное чувство тревоги поселилось где-то глубоко внутри. И всё же я надеялся.

Пошёл мелкий дождик, и, казалось, что чёрные облака, проплывающие где-то там, над вершинами деревьев, тоже переживают нашу беду и плачут вместе с нами. Руфь отстранилась от меня, закинула на плечо свою сумку, и, ничего не говоря, долго смотрела на меня своими, тёмными в ночи, глазами, и вдруг наклонилась ко мне, взяла в свои нежные руки мою голову, поцеловала мои глаза, резко повернулась и, не оглядываясь, направилась к дому. Захлопнулась входная дверь, а я остался у калитки, неподвижный, поливаемый усилившимся дождём.

Обратно я ехал более короткой дорогой, через враждебное арабское село. Я был готов на всё. Вынул из бардачка пистолет, положил на соседнее сидение, открыл боковые стёкла и ждал нападения. Я хотел его. Дорога через село была освещена лишь светом, исходящим из окон пробежавших мимо домов. Редкие фонари, стоящие вдоль дороги были разбиты. Я всматривался в мелькающие по сторонам дорожные обочины и был готов к любому развитию событий. Во мне всё кипело. Я жаждал мщения. И когда мой «Фиатик» миновал деревню, и ничего не произошло, я был даже разочарован. Мне нужен был хотя бы один уничтоженный террорист. За всё! За то, что нам не дают спокойно жить, за то, что они убили ни в чём неповинных женщину и малых детей, за то, что страдает моя любимая и её родители, за то, что отчаяние переполняет мою душу.

Уже не помню, как я добрался домой. В ответ на встревоженный вопрос мамы: – Что с тобой, сынок? На тебе лица нет! – я ответил что-то неопределённое, ушёл в свою комнату и, не раздеваясь, завалился на кровать. Уснул я моментально. И приснился мне бой в Газе, когда на линии огня вдруг оказался арабский мальчик, лет двух-трех. Наши ребята тут же прекратили огонь. Мы не знали, что делать. И тогда я кинулся к нему, а ребята стали стрелять поверх нас.

И так, под прикрытием их огня, мне удалось унести мальчика в наш тыл. Потом, через несколько дней, я навестил его в безр-шевской больнице. Он лежал в одной палате вместе с нашими ранеными бойцами, у него было лёгкое ранение в ножку. Поговорить нам не удалось. Он не понимал иврита, а я не знал арабского языка. Я оставил ему пакет с фруктами и конфетами и ушёл. О дальнейшей его судьбе я ничего не знал. Говорят, что по окончании боёв, уже выздоровевшего, его передали родителям в Газу. А потом вдруг сменился кадр в моём сне. Я увидел себя и Руфь под большой, красочно убранной хупой в огромном зале. Зал заполнен гостями. В основном это люди религиозные, о чём свидетельствует их одежды. Вязаные кипы соседствуют с широкополыми чёрными шляпами и круглыми меховыми шапками на головах. На ногах чёрные ботинки. Брюки застёгнуты под коленями, из-под которых торчат белые носки. Чёрные шляпы и лапсердаки создают какую-то мрачно торжественную обстановку. Мне хочется отсюда бежать. Я предлагаю Руфи уйти в другую часть зала, откуда слышна весёлая музыка и счастливые, радостные голоса. Мне хочется быть там, но Руфь не соглашается, она говорит, что здесь так не принято. Рядом стоит мама, повязанная чёрным траурным платком, и в таком же тёмном платье. Она говорит мне: «Смирись сынок, здесь так положено. Такие обычаи». А в это время к нам подходит раввин с длинной седой бородой, в широкополой шляпе и тёмных очках и, почему-то, чёрных перчатках на руках. На нём талес кремового цвета с чёрными прострочками и тфилин. Он презрительно смотрит на меня и что-то бормочет себе в бороду. Я не понимаю, о чём он говорит, но среди непонятных для меня слов я слышу знакомое мне слово «гой». Он берёт за руку Руфь и уводит её в толпу гостей. Я кидаюсь вслед за ними, расталкиваю гостей, но Руфь уходит всё дальше и дальше. Я в

отчаянии зову её, умоляю вернуться, слёзы застилают мои глаза, и я... просыпаюсь. На моей постели сидит мама, она вытирает своим шейным платком мои мокрые от слёз глаза и ласково спрашивает:

– Что с тобой, сынок? Ты так громко кричал. Что тебе приснилось?

Я ничего не ответил, повернулся на другой бок, к стене лицом, а перед глазами стоял тот зловещий сон. Вспоминая все подробности его, я не хотел верить, что это предвестие нашей с Руфью разлуки, разлуки навсегда. Почему? Я не хочу! Почему на пути нашей любви может стать религия, еврейская религия? Почему эти люди в лапсердаках, имеют право решать за нас, кого нам любить и с кем нам жить? Кто им дал такое право, право разрушать прекрасное, самое прекрасное, что может быть в жизни человека, любить?

ГЛАВА 4

Согласно сообщениям китайского агентства Синьхуа, 8.06.2015 дала нефть первая скважина в районе Южно-Китайского моря. Предполагаемый дебит этой скважины оценивается более одной тысячи тонн в сутки.

Введение в районе месторождения Хунбей всех строящихся скважин позволит добывать в этом районе более 40 миллионов тонн нефти в год, что превысит суммарную добычу нефти во всех ранее действовавших скважинах, в том числе и в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе, который до этого был основным поставщиком китайской нефти.

***

Как передаёт агентство Франс Пресс 23.07.2015 французский парламент под давлением мусульманских организаций, а также по требованию арабских депутатов, отменил закон о «хиджабах». Теперь мусульманские женщины смогут ходить в них, и только при входе в общественные и государственные учреждения должны будут открывать лицо. Кроме того, в мусульманских общинах допускается судебные дела осуществлять по законам шариата.

В районе Парижа, Марселя и Нанта начато строительство больших мечетей, чтобы обеспечить отправления религиозных нужд больших мусульманских общин этих городов.

***

В результате последних выборов в составе Испанского парламента 12% мест принадлежат арабским депутатам. По всей стране исламские активисты ведут интенсивную деятельность по вербовке своих сторонников среди неисламского населения с целью обращения их в ислам. Всё больше испанских граждан, как христиан, так и неверующих, принимают ислам.

Участились случаи нападений на еврейские кладбища, общественные организации, синагоги. Заметно усилился поток испанских евреев, репатрирующихся в Израиль. Можно предположить, что, если не произойдёт что-то сверхординарное, то в недалёком будущем Испания превратится в исламское государство.

(Газета «Маарив», 23.07.2015)

***

Парламент Нидерландов, возглавляемый представителями правящей Партии Свободы, во главе которой стоит премьер-министр Герт Вилдерс, 25.09.2015. провёл закон, по которому резко ограничил въезд в страну новых иммигрантов.

Кроме того, для иммигрантов, уже проживающих в стране более пяти лет, отменена существовавшая ранее система льгот, которая позволяла им и их потомкам всю жизнь получать социальные пособия, не стремясь принимать участие в экономической жизни страны и интегрироваться в нидерландское общество.

Выступление мусульман против принятого закона, которое сопровождалось погромами, разбоем, поджогами общественных и государственных зданий, магазинов, автомашин, было жёстко подавлено нидерландской полицией. В результате, многие иммигранты-мусульмане пытаются

покинуть страну и обосноваться в тех странах, где такие законы не приняты: во Францию, Германию, Испанию.

(Газета «Маарив», 11.12.2015)

***

Продолжается вояж президента Ирана Ахмадинежада по странам центральной Азии. В Туркменистане был подписан договор о «Взаимном противодействии внешней агрессии со стороны враждебных стран», подобный тому, который был подписан ранее с республикой Таджикистан. Договор предполагает введение ограниченных иранских контингентов «Стражей Исламской Революции» на территорию республики Туркменистан для охраны объектов газо- и нефтедобывающей промышленности, а также помощь Туркменистану в разработке новых нефтяных и газовых месторождений. Как следует из самого названия договора, основное внимание в нём отводится вопросам военного сотрудничества двух стран. Предполагается, что следующими странами, которые посетит иранский президент, будут Узбекистан и Казахстан. В Казахстане ожидается подписание договора об увеличении поставок в Иран урановой руды, а также о строительстве трансазиатской железнодорожной магистрали, от Астаны до Тегерана, через Узбекистан и Туркменистан.

(Нью-Йорк Пост, 15.11.2015)

***

16 ноября 2015 г. В Ираке произошёл государственный переворот. Было свергнуто правительство Имада Азави. Глава правительства убит. Арестованы все члены правительства, представляющие суннитское меньшинство. Во главе временного правительства стал Нури аль Хузай, представитель шиитов. Объявлено о введении в Ираке

судов шариата. Ведутся массовые аресты сторонников прежнего правительства. Иран признал новое правительство Ирака. Завершается переброска в Кувейт последнего контингента американских инструкторов, находившихся в Ираке по просьбе прежнего правительства. В то же время нависла угроза над соседним Кувейтом. Правительство этой страны обратилось к Соединенным Штатам с просьбой защитить её от возможной агрессии.

(The Washington Tribune, 18.11.2015)

***

20 марта 2016 г в Ливане прошли парламентские выборы, в результате которых победу одержали представители Хизбаллы. Теперь можно с полной уверенностью считать, что современный Ливан постепенно превращается в марионетку Сирии и Ирана. Из Ливана усилился поток беженцев христиан-маронитов. В скором времени следует ожидать, что Ливан превратится в плацдарм Ирана для нападения на Израиль.

(«Маарив», 25.03.2016)

***

Прошло больше двух недель с того дня, как я отвозил убитую горем Руфь в её поселение. Всё это время я никак не мог связаться с ней по телефону. Каждый раз, когда я набирал её номер, автомат скрипучим казённым голосом сообщал, что абонент временно недоступен. Я поехал в больницу, где работала Руфь, но там мне сказали, что она взяла отпуск и должна выйти только через пять дней.

Я терялся в догадках, но ничего не приходило в голову. Видимо, произошло что-то очень серьёзное. Я вспоминал наши встречи и не мог поверить, что она решила прекратить наши отношения. Скорее всего, у неё сейчас про-

блемы с матерью. После того ужасного теракта у неё резко поднялось давление, и её даже пришлось на некоторое время поместить в больницу. Очевидно, Руфи пока не до наших встреч.

Но почему не отвечает её телефон? Может быть родители, узнав о наших с Руфь встречах, препятствуют их продолжению. Но ведь Руфь самостоятельный человек, и она любит меня. Неужели то, что я не отношусь к их общине, может стать препятствием в нашей с ней жизни. Я отгонял от себя эту мысль, но тревога прочно поселилась в моём сердце. Больше всего меня терзала неизвестность...

С того времени, как мы первый раз с ней встретились в Иерусалиме, минуло уже больше трёх лет. За это время Руфь окончила курсы медсестёр при Иерусалимском университете и стала работать в детской больнице Шнайдер. В течение рабочей недели она жила у своей тёти, в Петах-Тикве, где находилась эта больница, а на выходные уезжала к родителям под Иерусалим. Я учился на медицинском факультете тель-авивского университета. Мы встречались с ней в Иерусалиме, когда она училась на курсах, а потом в Петах-Тикве, когда она стала работать.

Именно в Иерусалиме, в парке Сакер, я решился впервые поцеловать Руфь. Был тёплый осенний вечер. В парке было много отдыхающих. В маленьких магазинчиках продавали разные разности: от конфет, соков и мороженого, до различных безделушек. Какой-то русский репатриант с женой привезли с собой баул с картошкой, электрическую тёрку, работающую на батарейках и что-то вроде примуса, но с двумя конфорками. Расположились на открытой поляне, пекли знакомые нам, выходцам из России, картофельные драники и угощали ими всех, кто был рядом, или проходил поблизости. Мы тоже оказались в числе гостей этой весёлой и радушной пары. Я рассказал Руфи, что и моя

мама иногда балует меня этим экзотическим для Израиля кушаньем. Наконец, мы нашли укромное местечко среди зарослей бугенвиллеи. Уселись прямо на траве. Уже было достаточно темно, и лишь свет от фонаря, расположенного невдалеке, пробивался через покачивающуюся листву кустарника, то освещая, то скрывая от меня лицо Руфи. Всё вокруг – и поглотившая нас тишина, и лёгкое покачивание теней, и присутствие рядом любимой, – всё это создавало впечатление чего-то нереального. А Руфь казалась мне прекрасным, загадочным призраком, и была нестерпимо желанной.

Я потянулся к ней, приобнял за плечи, прижал к себе. Она не отстранилась и смотрела, улыбаясь, мне прямо в глаза. А потом взяла мою голову в свои нежные руки. Её волосы касались моего лица, я ощущал терпкий запах её кожи. Её глаза оказались прямо перед моими и, казалось, смотрели мне прямо в душу. Я притянул её к себе, и мои губы коснулись её влажных губ. Я испугался своей смелости и хотел отстраниться, но почувствовал, что её руки не отпускают меня, придерживая за отвороты рубашки. И тогда, осмелев, я прижался к её сладким, как мёд, губам, и этот первый наш поцелуй был бесконечно долгим.

А потом, я провожал её на автобусной станции, и перед посадкой в автобус, она повернулась ко мне и прямо тут, в присутствии других пассажиров, поцеловала в щёку.

В автобусе, когда ехал домой, я снова и снова возвращался в мыслях к тому, что произошло, и в сердце моём была радость. Теперь я знал, я был уверен, что Руфь тоже любит меня.

К тому времени, как она окончила свои занятия на курсах, я обзавёлся подержанным «Фиатиком», и на занятия в университет и на наши свидания в Петах-Тикве приезжал уже на этой, несколько потрёпанной, машине.

Я помню каждую нашу встречу. Иногда мы гуляли по городу, заглядывая в многочисленные магазинчики, уезжали на тель-авивский пляж, где с удовольствием отдавали себя жаркому солнцу и беспокойным солёным волнам Средиземного моря. Мы радовались жизни, говорили, смеялись, мечтали и были счастливы тем, что мы вместе.

Как-то раз мы решили прогуляться по петах-тиквинскому базару. Ей нужно было купить какие-то продукты. Была пятница, вторая половина дня, и активность продавцов была особенно высокой. Чтобы не увозить свой непроданный товар на субботу, когда базар не работает, они резко снижали цену и настойчиво подзывали к себе покупателей.

Я оставил свою машину на стоянке около рынка, и мы окунулись в людской круговорот. С трудом мы пробирались в этой базарной толпе, нам в уши кричали продавцы: «Тапузим рак ба шекель, тапузим рак ба шекель» (апельсины только по шекелю), а нам было радостно, что мы вместе, что мы, как муж и жена, покупаем себе продукты на следующую неделю. Я таскал пакеты с овощами и фруктами, а Руфь приценивалась, торговалась, выбирала, покупала. С трудом выбравшись из базарной толчеи, мы отнесли наши покупки к стоянке, где находилась моя машина, загрузили их в багажник. Я сел за руль, Руфь села рядом, и мы отправились к дому её тёти. Мне уже было известно, где находится этот дом, я не раз ожидал Руфь около него. Это был двухэтажный коттедж, обнесённый с фасада густым, как зелёная стена, ровно подстриженным кустарником, с узорной металлической калиткой, спрятанной в этой «стене». На калитке прикреплена табличка с надписью на иврите: «Мишпахат Гольдман» (семья Гольдман), а сбоку находилась кнопка электрического звонка. Мы вышли из машины. Руфь спросила:

– Ты мне поможешь занести?

– Конечно. Но только удобно ли это? Как ты собираешься представить меня?

– Не волнуйся. Моя тётка вполне современная женщина, да и муж её тоже. Они не будут задавать лишних вопросов. По крайней мере, в мою жизнь они не вмешиваются. Мне у них очень комфортно. Даже более комфортно, чем дома.

Мы вынули из багажника наши пакеты и подошли к калитке. Руфь нажала кнопку звонка, послышался лёгкий треск, и женский голос спросил: «Кто?». Руфь ответила: «Тётя Рахель, это я». Раздался щелчок, и мы вошли в небольшой, но очень уютный дворик. Открылась дверь, и на пороге нас встретила невысокая, но очень миловидная женщина, лет пятидесяти – пятидесяти пяти, с красивой причёской на голове, посеребрённой редкой сединой, и очень живыми глазами.

– О, так ты не одна!

Она внимательно, изучающе, оглядела меня, а потом, обращаясь к Руфи, сказала:

– Ну, проходите, проходите в дом.

Она пропустила нас, прошла вслед за нами, взяла из наших рук пакеты и понесла их на кухню. А в это время из соседней комнаты вышел высокий мужчина, на ходу завязывающий галстук.

– Привет, Руфина.

Он подошёл к Руфи, поцеловал её в щёку, а потом спросил:

– Ты где это пропадала весь день?

– Дядя Давид, познакомьтесь. Это Йонатан.

– Давид, – отрекомендовался он, пожимая мне руку.

Вышла из кухни тётя Рахель. Руфь представила меня и ей.

– Очень приятно, – сказала она, а потом, обращаясь к Руфи, сообщила:

– Руфочка, мы скоро уезжаем в гости к нашим друзьям из Натании. У них сегодня серебряная свадьба. Так что ты тут сама распоряжайся. Хорошо?

– Хорошо, тётя Рахель. Только я провожу Йонатана.

Мы вышли за калитку. Солнце спряталось за домами, но зарево от него образовало переливающийся багряный занавес над городом, и им были окрашены стены и окна домов. Мы подошли к машине, и тут Руфь спросила:

– Ты, наверно, проголодался? Я думаю, что они скоро уедут. Давай ещё немного погуляем, а потом вернёмся, и я тебя покормлю. Поставь свою машину на стоянку.

Мы шли по вечернему городу. Несмотря на то, что уже наступила суббота, улицы были залиты светом фонарей и заполнены гуляющей публикой. В открытых и закрытых кафе сидели нарядные женщины и мужчины, что-то выпивали, закусывали.

Слышалась весёлая музыка. В небольшом сквере на импровизированной сцене выступали уличные артисты. Они на каких-то экзотических инструментах исполняли восточную музыку. Выступали и певцы, и танцоры. Сквер был заполнен зрителями. Казалось, что город отмечает какой-то праздник. Но это была просто суббота, обычный выходной день. Суббота в Израиле наступает вечером в пятницу. Я наблюдал за всем происходящим с большим интересом. Что значит, большой город! В Ариэле всё бывает значительно скромней.

Наша прогулка продолжалась, и когда вернулись к тому дому, из которого часа два назад вышли гулять, Руфь своим ключом открыла дверь, и мы окунулись в тишину пустого помещения. В полной темноте на столе мерцали своим колеблющимся светом две субботние свечи. Руфь потянулась, чтобы зажечь свет, а я попросил:

– Не надо. Пусть будет так.

Я взял её руку, притянул к себе, мои губы коснулись её щеки. Она повернула голову и наши губы встретились. Она приникла ко мне всем своим телом, а я ласкал её спину, плечи, шею, а она всё сильнее прижималась ко мне. Как я любил её в этот миг, как хотел её. Она застонала, когда я коснулся в разрезе платья её груди. Мы обезумели от страсти, которая бушевала в нас. Но когда моя ладонь легла на её колено, она своей рукой мягко отвела её, и хриплым, срывающимся голосом попросила:

– Не нужно, Йонатан. Мы и так позволили себе очень много.

Она отстранилась от меня, включила свет, и, виновато улыбаясь, ласково, по-матерински, провела своей бархатной ладонью по моему лицу.

– У нас всё ещё будет, но не сейчас. Потерпи немного.

А дальше всё было как в тумане: ужин, проводы к машине, прощальный поцелуй и слова: – Йонатан, не обижайся. Я люблю тебя.

Я ехал домой по ночной дороге, и весь оставался во власти тех ощущений, которые владели мной там, в тёмной комнате...

И вот теперь, когда Руфь неожиданно вдруг потерялась, я не знал, что мне делать. Ехать к ней, в её поселение, я не решался, боялся что-либо сделать не так. Придётся ждать эти пять дней. Я вспоминал свои ночные страхи и надеялся на Руфь, надеялся, что любовь всё же сильнее предрассудков. А на завтра, во время перерыва между лекциями, вдруг раздался звонок моего сотового телефона. В трубке, на фоне каких-то шумов, я услышал голос Руфи.

– Здравствуй, Йонатан.

– Руфь, это ты? Ну, наконец-то! А то я тебя совсем потерял.

– Ты сейчас очень занят?

– Да нет. Осталась одна лекция по криминальной хирургии. А что?

– Просто хочу тебя видеть. Но я подожду.

– А где ты?

– Я еду в Петах-Тикву, уже подъезжаю к городу. Я буду ждать тебя в доме тёти Рахели.

– Ну, так я сейчас же выезжаю, жди.

– Можешь не торопиться, я всё равно буду ждать тебя. Сколько понадобится. Только, когда подъедешь, посигналь три раза. Я выйду и встречу тебя. Ты меня понял?

– Да, понял, всё понял! Целую! Я скоро буду.

Мой «Фиатик» последнее время барахлил, не заводился с первого раза, обижался на мою недостаточную внимательность к его возрасту и здоровью, и я боялся, что и на этот раз он преподнесёт мне какой-нибудь сюрприз. Но мой верный «конь» не подвёл меня. Он как бы чувствовал мои опасения и, понимая всю важность момента, завёлся с первого раза. Я ехал по запруженным улицам Телль-Авива, Рамат-Гана, Бней-Брака. Моё нетерпение в ожидании встречи с Руфью было непереносимым. Меня раздражали многочисленные светофоры, пробки на дорогах, медлительные водители впереди идущих машин. Но, наконец, я остановился возле дома, где меня должна была ожидать Руфь. Некоторое время я сидел в машине, не подавая сигнала. Мне нужно было успокоиться после напряженной езды и какого-то неуловимого предчувствия. Почему в этот раз сама Руфь назначила мне свидание? Обычно это делал я. И почему так срочно и после долгого перерыва? Что-то тревожное было во всём этом. Я подавил беспокоившие меня мысли и нажал на кнопку сигнала, и почти сразу услышал звук открывающейся двери, а затем и щелчок замка на калитке. И я увидел Руфь. Она стояла в проёме калитки в лёгком домашнем халатике, такая родная и такая любимая, и

радостно улыбалась, и сразу все мои тревоги и опасения улетучились. Я обнял её, а она на мгновение прижала свою щеку к моему лицу, а потом, махнув рукой в сторону дома, сказала:

– Пойдём.

– А твои тётя и дядя?

– Они отдыхают в Эйлате и приедут только завтра.

Мы вошли. Была вторая половина дня, и солнце было ещё довольно высоко, но в квартире был лёгкий полумрак, благодаря задёрнутым плотным гардинам. Она подала мне совсем новые тапочки. Я переобулся, и мы вошли в комнату.

Тонкие лучи солнца, пробивались через узкие зазоры между гардинами, делая различимыми предметы в комнате. У стены, возле окна, стоял стол, накрытый голубой, с какими-то узорами, скатертью. Стояла бутылка вина, два фужера, ваза с фруктами, коробка конфет и два столовых прибора.

Я был удивлён, а Руфь, заметив моё недоумение, улыбнулась и сказала:

– Сегодня у нас с тобой будет праздник. – И невидимый шарик покатился где-то там, внутри её гортани

– Праздник? Посвящённый чему?

– Посвящённый нашей встрече, нашему свиданию.

– Спасибо, пропащая душа. Где ты пропадала всё это время? Я уже не знал, что и подумать. У тебя какие-то проблемы?

– Потом, Йонатан, потом.

Я обнял её и хотел поцеловать, но она высвободилась и пообещала:

– А это будет потом. Сейчас надо приготовить наш ужин.

Она пошла на кухню, а я крикнул ей вдогонку:

– Моя помощь не нужна?

– Нет. Я справлюсь сама. А ты садись за стол и жди меня, «и я вернусь», как это поётся в одной вашей русской песне. А как там дальше? Кажется так: «Только очень жди».

– Я и так тебя очень ждал. А откуда она тебе известна, эта песня?

– Её часто напевала Дина там, на наблюдательном пункте. Она же и перевела мне её слова. Мне она очень нравится, особенно её нежная мелодия, да и слова, так берущие за душу. И вообще, все вы, «русские», мне очень нравятся. Вот взять хотя бы тебя?

И я понял, что она там, на кухне, улыбается. Я представил себе её улыбающееся лицо, и ощущение, как она мне мила и дорога, заполнило меня всего. Она вышла из кухни, неся в руках тарелку с салатом, и ещё одну, с куриным мясом. Поставила всё это на стол, а затем уселась на стул напротив меня, улыбнулась и спросила:

– Ну, что, начнём? Наливай вино.

Я взял штопор, который лежал рядом с бутылкой, вынул пробку и стал разливать вино. Сначала Руфи. Когда фужер наполнился наполовину, я хотел убрать бутылку, но Руфь своей рукой придержала мою.

– Нет. Наливай полный. Сегодня у нас праздник.

Я продолжал удивляться. Каждый раз, когда нам приходилось пить вино, она лишь пригубливала рюмку и отпивала самую малость. А тут...

Я выполнил её требование, а потом налил и себе. Подняв фужер, я посмотрел ей прямо в глаза. Они улыбались. И ещё я увидел в них любовь и, где-то в глубине, едва мелькнувшую печаль.

Мы выпили. Немного закусили. Она придвинула свой стул ближе ко мне и попросила: – Дай мне твою руку.

Я взял её маленькую нежную руку в свою ладонь и притянул к себе. Стул её упал, и мы встали. Я прижал её к себе,

заглянул ей в лицо и увидел её губы, приоткрытые для поцелуя. Как сумасшедший, я целовал эти губы, и вдруг почувствовал, что её грудь свободна, и только лёгкий халат прикрывает её. Я раздвинул его края, и мне открылась она, маленькая, с коричневыми кружочками вокруг сосков. Я стал целовать эту вожделенную часть её тела. И Руфь не сопротивлялась, а только прижимала мою голову к себе и чуть постанывала. Я поднял её на руки и направился к дивану.

– Нет, не сюда. В мою комнату, – она рукой указала на дверь.

Я внёс её в комнату и увидел разобранную постель. Я положил её на кровать. Распахнул халат, и передо мной было всё её тело, такое любимое, такое желанное, прикрытое только лёгкими белыми трусиками с такими же белыми кружевцами. Она стала помогать мне раздеваться. И мы бросились в бушующее море безумия и непередаваемых ощущений...

А потом она лежала на моей руке. Я гладил её волосы, плечи, а она целовала меня в щёку, в грудь. Когда через какое-то время мы вышли в салон, где нас ожидал прерванный ужин, был уже глубокий вечер. Было темно. Руфь раздвинула гардины, и комната наполнилась неверным, зеленоватым светом луны, полный диск которого заглядывал к нам прямо в окно. Руфь зажгла свет. Мы сели к столу. Есть совсем не хотелось. Руфь допила вино, которое оставалось в её фужере, прикусила конфету, а потом предложила.

– Пойдём, прогуляемся по городу.

Мы вышли за калитку. Несмотря на поздний вечер, улица выглядела оживлённой. По тротуарам в обоих направлениях шли люди. Кто-то торопился домой или в ночную смену на работу, кто-то, возможно, на свидание. По дороге, шурша шинами, проносились, мерцающие бликами от уличных фонарей, машины. В чёрном небе, как хорошо

отчеканенная медаль с очертаниями человеческого лица, висела луна. Руфь обхватила обеими своими руками мою руку, прислонилась головой к моему плечу, и так, не спеша, мы шли в сторону центра города.

Что я чувствовал в эти минуты трудно передать словами. И успокоение от недавно пережитых тревог, и сладостные воспоминания о только что промелькнувших минутах, и надежду на то, что дальше всё будет хорошо, и радость, смешанную с благодарностью, от той доверчивости, с которой приникла ко мне рядом идущая моя любимая. И тут мне вспомнилось то мимолётное выражение печали в глазах у Руфи, которое промелькнуло в начале этого сказочного вечера. И я спросил:

– Руфь, скажи мне, а тебя ничего не тревожит? Или это мне только показалось?

– Когда ты со мной, меня ничего не тревожит. Давай, будем радоваться тому, что есть, и не загадывать вперёд. Мне так хорошо сейчас, что ни о чём другом не хочется ни говорить, ни думать.

И я прекратил свои расспросы. Ушли сомнения. И я отдался тому настроению, которое вызывало во мне близость любимой женщины.

Вернувшись назад, мы сразу набросились на еду, которая стояла на столе. Мы так проголодались, что всё, что приготовила Руфь, было мгновенно уничтожено. А затем мы сели на диван и включили телевизор.

Передавали последние известия. Встревоженный ведущий сообщал, что в Туркмении исламисты совершили государственный переворот, и власть перешла в руки Исламского Совета. Арестованы все члены правительства Туркмении и её президент. Часть министров и глава правительства расстреляны. Остальных будут судить по законам шариата. Ведутся аресты сторонников свергнутого прави-

тельства, а также лиц, не исповедующих ислам. Соседняя Исламская республика Узбекистан уже признала новую власть и направляет туда своего посла.

Я выключил телевизор. Мне очень не хотелось омрачать такой чудесный вечер, но Руфь сказала:

– В каком диком мире мы живём. Почему одни люди пытаются навязать правила жизни, которые они считают верными, другим людям, которые так не считают, а хотят жить так, как им нравится, как они считают правильным.

Мне не хотелось ни говорить, ни думать о той несправедливости, которая всё чаще совершается в этом мире. Я обнял Руфь за плечи и заговорил совсем о другом.

– Руфь, а в Ариэле, наконец, закончилось строительство Дворца культуры. В нём уже выступал Израильский симфонический оркестр. Мы с мамой ходили на этот концерт. Зал был переполнен. Приезжали люди из соседних поселений и даже из центра страны. Мама очень любит классическую музыку. Между прочим, она хорошо играет на фортепьяно. Я очень хочу вас познакомить.

– А какая она, твоя мама?

– Какая?.. Обыкновенная. Я даже не знаю, как ответить тебе на этот вопрос.

– Ну, какие у вас отношения с ней? Есть у неё какие-то требования к тебе, которые тебе не хочется соблюдать? Ведь ты её сын. Бывает так, что ей что-то не нравится: как ты себя ведёшь с ней, с другими? Она расспрашивает тебя, с кем ты общаешься, дружишь?

– Руфь, но я ведь уже взрослый, и она это понимает. Конечно, всё, что касается меня, её интересует. Но в мою жизнь она не вмешивается. Правда, иногда я сам делюсь с ней моими делами, проблемами. Кстати, о тебе я тоже ей рассказывал.

– И как она отнеслась к этому?

– Нормально.

– А где твой отец?

– Отец погиб в теракте ещё в 2001 году, во время второй интифады, которую развязал Арафат после кемп-девидских переговоров. Мама тогда долго не могла прийти в себя. И только то, что существую я, тогда ещё школьник, заставило её взять себя в руки и не потеряться совсем. Любому человеку нужна какая-то цель в жизни. И она нашла эту цель.

– А у меня всё значительно сложнее, хотя мои родители оба живы. Ну, хватит об этом. У нас, по-моему, ещё осталось вино.

Она придвинула к дивану журнальный столик, принесла бутылку с вином и конфеты. Сама наполнила фужеры до краёв и предложила:

– Выпьем на брудершафт. Только до дна.

Мы скрестили, как положено, руки, очень медленно пили, пока фужеры не опустели, а затем, по традиции, целовались. И целовались до тех пор, пока не оказались в постели. Так началась наша долгая, дивная ночь, ночь, которую я буду помнить всю свою жизнь...

Я проснулся от того, что почувствовал что-то мокрое на своей груди. Раннее утро уже пробивалось в нашу комнату своим бледным светом через лёгкие шторы на окне спальни. Руфь лежала на моей руке, прижавшись всем своим телом, и, молча, уткнувшись в мою грудь, плакала. Слёзы крупными каплями выкатывались из её глаз и растекались по моей груди.

– Руфь, что случилось? – с тревогой спросил я. Она обхватила своей рукой мою шею, прижалась своей щекой к моему лицу и разрыдалась ещё сильнее. Я не знал, что делать. Гладил её волосы, целовал её мокрые глаза, нос, щёки, и, наконец, она затихла. И, как мне показалось, на что-то решилась.

– Руфь, ты, что, раскаиваешься в том, что с нами произошло?

– Нет, дорогой. То, что с нами произошло, будет для меня незабываемым воспоминанием о том, каким бывает настоящее счастье.

– Почему воспоминанием? Руфь, я ничего не понимаю.

Она поднялась, села на кровати, накинула халат, подняла свой взгляд на меня, и в глазах её, ещё влажных от недавних слёз, я увидел какую-то отчаянную решимость и боль.

– Милый, пообещай мне, что наберёшься терпения и не будешь меня перебивать, и тогда ты всё поймёшь и, может быть, не осудишь строго.

Я, поражённый, молчал, и осколок чего-то непоправимого сдавил моё сердце. А она, тяжело вздохнув и отведя от меня свой взгляд, начала свой, горький для нас обоих рассказ.

– Начну с самого главного и самого тяжёлого для нас. Йонатан, мой дорогой, я выхожу замуж.

Я был ошарашен, убит. Я не мог поверить в реальность этих слов.

– Замуж. За кого? Руфь?

– Как бы я хотела, чтобы это был ты. Но судьба распорядилась по-другому.

– Какая судьба? О чём ты говоришь? Ведь ты меня любишь!

– Да, люблю, очень люблю. И сегодняшняя ночь, это дань моей любви к тебе. Но, прошу тебя, дай мне объяснить всё. Я хочу, чтобы ты всё понял, и не осуждал меня. Поверь, мне очень нелегко говорить об этом, но я должна. Я понимаю, какую рану наношу тебе. Но очень прошу, выслушай меня.

Я замолчал. Мне казалось, что это какой-то кошмарный сон. Что тот сон, который мне однажды приснился, продолжается наяву. Молчала и Руфь. И вновь повлажнили её гла-

за. Краем халата она промокнула их, а потом, хоть и с трудом, продолжила.

– Моя мама очень религиозная женщина. Нет, не всегда она была такой. Когда они встретились с папой, да, она верила в Бога, но не так испуганно, как сейчас. Всё началось лет семь назад, когда умер мой младший братик. Он играл на балконе, а мама готовила обед на кухне. И он каким-то образом свалился с балкона. Спасти его не удалось. А мама посчитала, что это ей наказание от Бога за её недостаточную веру в Него. Папа совсем другой человек. Он тоже соблюдает все религиозные традиции, но вышел он из семьи почти не религиозной. Тётя Рахель – это его родная сестра. Ведь она совсем современный человек. Но отец очень любит маму. После того теракта, когда погибла моя сестра Лиора и её младший сын Эли, Даниэль, муж Лиоры, как только его выписали из больницы, решил уехать из Израиля. Он сказал, что не может рисковать жизнью остальных своих детей, что ему надоела такая жизнь, когда каждый день можно ждать, что тебя убьют. А долечиваться он уже будет там, на новом месте. Он связался со своим братом в Америке и сейчас готовится к отъезду. Мама привыкла, что рядом с ней всегда малышня. Она умела с ними ладить, и они доставляли ей радость. Это была её жизнь. Сначала это были мы с Лиорой, потом мой братик, а теперь дети Лиоры. Но после отъезда Даниэля они с отцом остаются одни. И мама стала настаивать, чтобы я вышла замуж. И тогда я ей сказала, что у меня уже есть жених, и рассказала о тебе. Но, когда она узнала, что ты нерелигиозный, и ещё, вдобавок, «русский», это повергло её в шок. Нам даже пришлось отказывать её. Она и так после теракта, не вставала с постели и находилась в полной прострации. У неё оставалась единственная надежда на меня. Понимаешь, в нашей среде не спрашивают у дочерей, кого они любят. Им предлагает же-

нихов раввин. А я разрывалась между долгом перед родителями и моей любовью к тебе. Какое несчастье, что мы оказались с тобой в разных мирах. И я знаю, что, если, вопреки их желанию, я выйду за тебя, то мама проклянёт, отречётся от меня, и это будет тяжёлым камнем всё время висеть надо мной и над нашей с тобой жизнью. А для неё... Я даже не знаю, чем это может кончиться. И я всё время буду казниться в содеянном, и это отравит всю мою последующую жизнь. Поэтому я и дала согласие.

Я не верил, что всё это наяву. Представлял себе ту боль, через которую придётся пройти, и был потрясён услышанным. Я протянул Руфи свою руку, она подала свою. Но когда я попытался притянуть её к себе, она сказала:

– Не нужно, Йонатан. То, что было у нас, неповторимо. Никогда и ни с кем. И пусть это останется в нашей памяти таким прекрасным, каким оно было сегодня.

Я не мог поверить, что такое может быть. В каком веке и в каком государстве мы живём, чтобы такое могло произойти? Я был в отчаянии.

– Руфь, но мы же любим друг друга. Как можно всё это разрушить? Я не отпущу тебя. Слышишь, Руфь. Я не могу без тебя.

– Не надо, Йонатан. Не рви мне душу. Нам надо скорей расстаться, так будет легче.

Мы вышли из дома. Я ничего не соображал, машинально сел за руль своего «Фиата». Руфь закрыла дверь своим ключом, захлопнула калитку, села ко мне в машину и попросила:

– Отвези меня на тахану мерказит (центральную автобусную станцию). Не нужно ехать к нам в поселение. Я поеду домой на автобусе.

Автобус в Иерусалим постепенно наполнялся пассажирами. Руфь сидела у окна, и пока он не тронулся, мы неот-

рывно смотрели друг на друга. Прощались. Прощались навсегда.

Я ехал домой, а в душе была пустота. В одно мгновение пропали, улетучились смысл и радость всей моей жизни. Как дальше жить без всякой надежды, что завтра или послезавтра я вновь увижу Руфь, буду видеть её глаза, ощущать запах её волос, слышать её чуть приглушённый, с лёгкой картавинкой, голос? Всё, что произошло, тяжёлым камнем лежало в груди, а в голове не было ни единой мысли.

ГЛАВА 5

Закончился ввод в действие всех буровых установок, расположенных в районе месторождения Хунбей в Южно-Китайском море. По мере выхода их на полную мощность Китай сможет обеспечить свои потребности в нефти на 80-85%.

Вместе с тем стало известно, что в северной части Южно-Китайского моря также обнаружены залежи нефти, предположительно сравнимые с теми, что находятся в месторождении Хунбей.

(Агентство Синьхуа, 1.11.2016)

***

1 мая 2017. Радиостанция «Свобода» передала экстренное сообщение.

В Иране проведено первое испытание атомной бомбы. Спутники США и Израиля зафиксировали на востоке Ирана, в пустыне Деште-Кевир атомный взрыв, мощность которого составляет более 10 килотонн.

Сейсмические станции США, России, Японии также сообщали о проведенном испытании. Так раскрылась ложь Тегеранского правительства о мирном характере атомных исследований, проводимых в Иране.

Итак, мир оказался в новой реальности, которая может привести его к более опасной черте.

***

Заявление иранского правительства

1 мая 2017 года началась новая эра в развитии человечества. Закончился диктат западных стран, которые, обладая современной военной техникой и ядерным оружием, держал в заложниках все мусульманские страны. Исламский мир в течение столетий вынужден был жить под диктовку Запада, который, имея мощное военное превосходство, мог навязывать нам свои условия, свои законы и свою прогнившую демократию, попирая наши права и грубо вмешиваясь в нашу жизнь.

Теперь уровень развития военного потенциала исламских стран не уступает мощи Америки и Европы. Мы сейчас обладаем самыми современными видами вооружения, а также достаточным запасом ядерного оружия. Но, в то же время, мы более богаты, более обеспечены природными ресурсами, и в состоянии не только противостоять Западу, но и навязывать ему свою волю.

Мы призываем весь мусульманский мир объединиться, перекрыть доступ Запада к нашим энергоресурсам и, тем самым, резко ослабить его. И тогда мы сможем выполнить главный завет нашего пророка Мухаммеда, распространить Ислам по всему миру. Все неверные смогут, либо искренне и добровольно принять нашу веру, либо отказаться от жизни.

Да здравствует торжество Ислама на нашей земле! Аллах акбар!

(Teheran Times, 03.05.2017)

***

Сегодня все средства массовой информации мира заполнены сообщениями об испытании атомной бомбы в Иране и Заявлением Иранского правительства в связи с этим

фактом. Итак, то, чего опасался весь мир все последние годы, свершилось. Страна с самым непредсказуемым правительством, которое многократно и открыто заявляло о своих экспансионистских и агрессивных намерениях, стала обладателем самого разрушительного оружия. Теперь с полной уверенностью можно говорить о Третьей мировой войне, в которой основным, уже тактическим, оружием будет оружие массового поражения. И если это произойдёт, что станется с тобой, планета Земля? Выдержишь ли ты катастрофу такой разрушительной силы? Сохранится ли хоть какая-то возможность продолжения жизни на твоих просторах? Как предотвратить этот апокалипсис? Чем ответят на этот грозный вызов «мудрые» и, как всегда, нерешительные страны Западной Европы и Америки. Может быть, снова экономическими санкциями, замораживанием активов в своих банках, а также беззубыми, ничего не дающими, осуждениями. Сейчас мир живёт по понятиям 17-18 веков, и только страны Европы и Америки представляют собой оазис 21го века. И он неизбежно погибнет, если только не вернётся к тем же методам, которыми руководствуются его противники.

(«Маарив», 4.05.2017)

***

Что это, глупость, трусость или предательство?

Ниже мы приводим в сокращённом виде статью бывшего разведчика ЦРУ внутри корпуса стражей исламской революции Реза Кахлили, опубликованную в газете Washington Times ещё в 2011 году.

«Военная ядерная программа в Иране имеет начало ещё с середины 80-х годов, когда стало известно, что Ирак, с которым в то время Иран находился в состоянии войны, пытался приобрести ядерную бомбу. Мохсен Резэй, тогдаш-

ний командир Стражей, получил разрешение от аятоллы Хомейни начать скрытую программу по приобретению ядерного оружия. Попытка сотрудничества с Пакистаном закончилась лишь получением чертежей и нескольких центрифуг. Вторая попытка приобрести ядерное оружие была сделана в начале 90-х годов, когда распался Советский Союз. В то время мусульманский Иран активно обхаживал бывшие советские республики, особенно Казахстан, на долю которого приходилась значительная часть советского арсенала. И вскоре появились сообщения, что три ядерные боеголовки пропали. А вскоре стало известно, что при передаче ядерного оружия из Украины в Россию недоста-ча составила 250 ядерных боеголовок. Ещё в 2008, эксперт Госдепартаментa Метью Насути на брифинге по Ирану со-общил: «Общеизвестно, что Иран приобрёл тактическое ядерное оружие у нескольких бывших советских республик». Редакционная статья в иранской газете *Kaуһаn*, органа ду-ховного лидера страны, ещё 2010 году, предупреждала: ес-ли Иран будет атакован, то последуют ядерные взрывы в американских городах. И, несмотря на такие общеизвест-ные данные, Запад в течение многих лет занимается поли-тикой умиротворения, санкций и других малоэффективных мер, которые и привели мир на порог катастрофы. Сейчас Иран обладает большим количеством ядерных боеголовок, которые уже установлены на баллистических ракетах. Иранский флот вооружил свои корабли ракетами «земля – земля» дальнего радиуса действия и пытается расширить зону охвата своей миссии на Атлантический океан и Мекси-канский залив».

Хочется спросить у тогдашнего президента Америки, Барака Обамы, если он знал всё это, а он не мог не знать, почему он делал вид, что ему об этом ничего неизвестно. Почему в течение всей его каденции речь шла лишь о том,

что необходимо лишь предотвратить появление у Ирана ядерного оружия, что есть ещё возможность не допустить последнего. Это давало Ирану дополнительное время спокойно наращивать свой ядерный потенциал и, в результате, довести его до таких объёмов, что теперь мир поставлен перед угрозой ядерной войны с непредсказуемым результатом. Чем можно объяснить такое поведение президента Америки, нерешительностью, трусостью или сознательным предательством интересов Америки и всего цивилизованного мира?

(Редакционная статья газеты Washington Star, 19.05.2017)

***

По данным Агентства Ассошиэйтед Пресс цены на нефть неуклонно снижаются. Сегодня, 20.03.2017. цена нефти на нью-йоркской фондовой бирже составляет 41 доллар за баррель. Падение цен на нефть связывают с вводом в строй Хунбейского месторождения в Китае.

***

Что стало с тобой, Америка?

Из статьи Артура Коулинга в газете Washington Star, 22.05.2017

...Понятие «стратегические интересы Америки» в речах руководителей нашей страны стало аргументом, позволяющим совершать и оправдывать «стратегические» ошибки. И если войну во Вьетнаме и введение войск в Афганистан как-то можно было объяснить стремлением противостоять распространению коммунистической угрозы для мира, а значит, и для Америки. И если первую войну с Ираком можно объяснить, как защиту более слабого Кувейта от сильного соседа и недопущения прецедента захвата одного государства другим. Если ввод войск в Ирак в 2002 году мож-

но было оправдать ошибочными данными о наличии в Ираке атомного и другого оружия массового поражения, представленными ЦРУ, то какие «стратегические интересы Америки» страдали от начавшейся в 2011 году гражданской войны в Ливии, где решающую роль в свержении диктатора Каддафи сыграла военная авиация США. Эту акцию тогда объясняли, как «защиту мирного населения» страны от диктатора.

А что в результате имеем? Мы теперь видим, что вместо диктатора, готового каким-то образом соблюдать международные соглашения и «дружить» с цивилизованным миром, мы получили агрессивную исламскую диктатуру в стране, которая, с учётом всё возрастающего влияния исламского фундаментализма в мире, окажется хорошим плацдармом в предстоящей войне цивилизаций, учитывая близость Ливии к европейскому континенту.

В настоящий момент ни одна страна мира не может нанести серьёзного урона Америке, когда речь идёт об обычном противостоянии. И только страна, обладающая ядерным оружием и соответствующими средствами его доставки, может представлять реальную угрозу нашей стране. Ранее такой страной был Советский Союз. И вьетнамская война, а также ввод американских войск в Афганистан, можно было рассматривать, как стремление противостоять распространению в мире агрессивной коммунистической идеологии.

Но теперь такой страной становится Иран, уже обладающий, судя по всему, достаточным арсеналом атомного оружия, стремительно увеличивающий его запасы, а также имеющий современные средства доставки.

А если учесть, что всё больше исламских стран подпадают под влияние Ирана и даже заключают с ним военные союзы, то нетрудно понять, что настоящая угроза Аме-

рике исходит именно из этого центра исламского фундаментализма. А ведь такое развитие событий можно было предвидеть ещё несколько лет назад, когда Иран, заявляя, что его ядерная программа носит чисто мирный характер, явно готовился к обладанию атомным оружием. Об этом предупреждало и МАГАТЕ и разведслужбы Израиля. Вот тогда ещё эту ситуацию можно было предотвратить с минимальными потерями.

Но недалёковидность и нерешительность в решающий момент Америки и её западных партнёров довели проблему до критического состояния.

Экономические санкции против Ирана, предложения Барака Обамы Ирану пойти на прямой диалог с Америкой, бесконечные обсуждения в Совете Безопасности, всё это лишь обеспечивало Ирану дополнительное время для претворения своих замыслов. И я не удивлюсь, если когда-то станет известно, что руководство Ирана в то время тайно и издевательски насмеялось над наивностью, если не сказать, глупостью и трусостью, руководителей западных стран. А, может быть, непринятие ими важных, но рискованных и непопулярных решений, можно объяснить их стремлением удержаться у власти любой ценой. Скорее всего, что это именно так.

Когда-то один человек, сыгравший огромную роль в мировой истории двадцатого века, по имени Уинстон Черчилль сказал: «Отличие государственного деятеля от политика в том, что политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель – на следующее поколение». Видимо, во главе Америки и западных стран стояли, а может быть, и сейчас стоят, отнюдь не государственные деятели. И поэтому судьба настоящих, да и последующих поколений находится перед серьёзной угрозой.

Что стало с тобой Америка? Куда ты ведёшь свой народ?

***

Дежурство в эту ночь выдалось спокойное. Всего лишь обычный аппендицит у молоденькой девушки-солдатки, которую привезли с приступом прямо из воинской части, и ножевое ранение в правом боку у мужчины, полученное в результате разборки между двумя семьями из арабской деревни. Так что у меня было время немного поспать. В ординаторской был специальный закуток, где стоял диван, и где дежурный врач мог отдохнуть, если в отделении в нём не было необходимости. Из моего личного шкафчика я достал свою подушечку-думку и улёгся на диван. Но сон не шёл. Перед моими глазами стояло лицо и тело той девушки, которую я только что оперировал. Как она была похожа на Руфь, и особенно, в ту нашу памятную последнюю ночь. И эта моя пациентка, лежащая передо мной во всей своей наивной откровенности, вновь всколыхнула во мне уже давно утихшие чувства. А у меня даже промелькнула глупая мысль: не её ли это дочь. Нет, эта девушка не могла быть дочерью Руфи. Если у неё даже и есть дочь, то ей может быть максимум... Да... Сколько же лет прошло с тех пор? Пять, шесть? Как сложилась её жизнь? Ведь я ничего не знаю. Где и как она живёт? За все прошедшие годы судьба ни разу не одарила меня хотя бы мимолётной встречей с Руфью. Да, жизнь наша пошла разными, непересекающимися, дорогами, и не было у них ни одного общего перекрёстка. Ах, Руфь, Руфь, как долго твоя тень преследовала меня. Как долго сосущая боль утраты не давала мне думать ни о чём другом. И только погружение в учёбу, а потом в работу, помогло мне снова вернуться к нормальной жизни...

На старших курсах университета наступило время практик в больницах. И именно тогда я понял, что не ошибся в выборе специальности, что я правильно выбрал свой путь.

Участие в операциях сначала в качестве наблюдателя, а затем ассистента, дало мне ощущение, что я мог бы сам выполнить то, что делал хирург. Мои руки как бы повторяли все движения хирурга во время операции. Я предугадывал все его действия, своевременно подавал ему нужные инструменты, оказывал необходимую помощь. У меня было ощущение участия в каком-то священнодействии, которое дарило людям исцеление. И хирург мне представлялся Богом, дарующим радость жизни людям. И это не оказалось незамеченным. Уже на старшем курсе мне стали доверять проводить самостоятельно операции. Сначала простые, а затем и более сложные. Ещё студентом я освоил и лапароскопические методы выполнения операций, когда не вскрывается полость живота оперируемого, а через небольшие надрезы внутрь вводятся специальные манипуляторы, а оптические приборы позволяют хирургу управлять ими и выполнять необходимые действия.

После завершения практики меня пригласил к себе в кабинет заведующий хирургическим отделением профессор Ландау и предложил после окончания университета проходить стажировку у них в больнице. Я, конечно, согласился. Для меня это была большая удача – сразу после завершения учёбы получить работу по интересующей меня специальности! Год стажировки пролетел для меня, как одно мгновение. Я упивался работой, я жил в ней, я напрашивался на дежурства в хирургии и ждал их, как влюблённый юноша ждёт свидания со своей любимой. Но стажировка закончилась, и нужно было думать, где и как мне продолжать свою трудовую деятельность.

И вот, тогда меня снова пригласил в свой кабинет профессор Ландау и предложил проходить специализацию (итмахут) у него в отделении. Я, конечно, согласился, не раздумывая. Ни о чём лучшем я не мог и мечтать. Но для этого в

течение шести лет я должен буду самостоятельно выполнить определённое количество различного вида хирургических операций и сдать экзамены буквально по всем медицинским дисциплинам.

И вот, я уже третий год работаю в этой больнице, в этом же отделении, но уже в новом статусе. Работаю с удовольствием, но в чувство удовлетворения от хорошо выполненной работы всё больше и больше проникает ощущение беспокойства и даже тревоги. Куда-то уходят привычные операции, связанные с мирными заболеваниями: резекция желудка, обычная аппендэктомия, удаление воспалённого желчного пузыря, и всё больше приходится иметь дело с ножевыми, пулевыми, осколочными и ожоговыми ранениями, ранениями в области живота, конечностей и даже позвоночника. И хотя я работаю в отделении общей хирургии, из-за необходимости экстренного вмешательства с целью спасения жизни пострадавшего мне приходится зачастую выполнять операции, которые в обычных условиях должен делать нейрохирург.

Теракты, обстрелы нашей территории со стороны соседних арабских стран с каждым днём только нарастают. С тех пор, как в Турции, Египте, Ливане к власти пришли радикальные исламисты, Израиль оказался в угрожающем вражеском кольце.

Да ещё в Иордании палестинское большинство вышло на улицы и требует ухода короля Абдаллы и введения в стране законов шариата. Израильские границы регулярно обстреливаются. Активизировались террористы и внутри Палестинской автономии, особенно в секторе Газа. Теперь они беспрепятственно, через Египет, снабжаются иранским оружием.

Постоянные провокации на границах могут привести к широкомасштабной войне. А теперь, когда Иран обладает

ядерным оружием, эта война может стать и атомной войной. И что будет тогда? Страшно подумать. Хотя мы сейчас имеем довольно надёжную систему противоракетных комплексов, но это не гарантирует на сто процентов от возможности проникновения хотя бы одной ракеты с ядерным зарядом. И что тогда станется с нашей крохотной страной? Нанести превентивный удар по атомным объектам Ирана нам не позволяют США и страны Запада. Все они призывают Израиль к сдержанности. Хотел бы я посмотреть, как сдерживалась бы та же Франция или США, если бы на их границах происходило то, что происходит сейчас у нас. Мой ещё школьный друг Йосеф работает в системе правительственной электронной связи с западными странами. Его семья тоже живёт в Ариэле. Как-то при встрече, он рассказал мне, какое давление оказывает Запад на правительство Израиля с тем, чтобы, не дай бог, Израиль не предпринял какие-нибудь действия, которые по их представлению могут «развязать Мировую войну». Тут и обещания «гарантий безопасности», и намёки на прекращение военных поставок, и даже на ухудшение взаимоотношений.

Видимо там, в Европе и Америке, не понимают, или не хотят понимать, что война неизбежна, что она уже идёт. И чем раньше начнутся активные действия, тем больше у цивилизованного мира шансов на её успешное завершение, и тем меньше человеческих жертв она принесёт...

Последнее время мы не виделись с Йосефом, даже случайно. Но вот однажды мы как-то встретились с ним в городе. Он пригласил меня в гости к себе домой.

– Ведь ты ещё не видел моих детей.

– Детей? А сколько их у тебя? – с удивлением спросил я. И, действительно, живём в одном городе, а уже несколько лет не встречались. А тут такие изменения. Дети? У Йосефа – дети!

– Трое. Старшей дочке 6 лет, уже пошла в школу, сыну четвёртый год, а младшей, Сонечке, ещё четвёртый месяц идёт. А ты всё так и не женился?

– Нет. Всё некогда. Работа, дежурства, милуимы (военные сборы). Мне, как молодому и неженатому, приходится брать на себя больше других врачей ночные дежурства. Есть у меня подруга, но о женитьбе я как-то не задумывался. А ты помнишь Руфь. Видимо, её мне не хватает...

– Ну, ничего, у тебя всё ещё впереди. Слушай, давай зайдём ко мне, познакомишься с моей семьёй. Выпьем по рюмочке за встречу. Ведь сколько лет мы с тобой не виделись? Лет шесть, а может больше. По-моему со дня моей свадьбы.

И я не возражал. Йосеф с семьёй жили всё в той же квартире, которую он купил перед своей свадьбой.

Со своей невестой, Сарит, Йосеф познакомился в университете, где он учился на факультете вычислительной техники, а она на факультете менеджмента. Трудно представить себе столь непохожую друг на друга пару. Он – худой, долговязый, с близорукими, чёрными, как уголь, глазами за толстыми линзами очков в коричневой оправе. Густая шапка вьющихся чёрных волос. И она – маленькая, пухленькая, с завязанным сзади светлым пучком волос её нехитрой причёски и добрым, любящим, взглядом серых глаз. Но вот, нашли они друг друга, что-то связало их. А теперь есть и более крепкие узы – дети.

С Сарит я познакомился только на их свадьбе, и уже тогда я увидел, сколько нежности таится в её глазах при взгляде на своего нескладного избранника. И глядя на них, я подумал, что у Йосефа будет многодетная семья. Такая любовь должна быть обильной.

И вот, на тебе, – у него уже трое детей.

Когда Йосеф открыл своим ключом дверь, откуда-то из глубины квартиры вылетел мальчуган и с криком, «Папка пришёл!», повис на шее у Йосефа.

А затем появилась и Сарит с маленькой девочкой на руках. Глаза её светились. Здесь ждали главу семьи и радовались его приходу. Я поздоровался с Сарит, а потом протянул руку мальчику.

– Ну, что, будем знакомиться? Меня зовут Йонатан. А как твоё имя?

Он подал свою ручонку и заинтересованно посмотрел на меня своими чёрными, как у отца, глазами.

– Дани, – ответил он.

– А ты знаешь, что дядя Йонатан, когда ещё был мальчиком, стал чемпионом Израиля по каратэ, – сказал Йосеф.

Это не произвело на мальчика особого впечатления. Он снова взглянул на меня своими отливающими глянцем глазами и спросил:

– А по шахматам?

– Нет, по шахматам я чемпионом не был. Вот, твой папа был чемпионом школы.

Йосеф засмеялся.

– Ты знаешь, он просто бредит шахматами. Сарит он уже обыгрывает, а меня пока не удаётся. Но играть с ним приходится на полном серьёзе. У них в садике воспитательница научила их играть в шахматы. И он у нас сейчас чемпион садика.

Я смотрел на этого маленького «чемпиона», и он мне очень напоминал его отца в детстве. Та же копна чёрных волос на голове, тот же овал лица и та же телесная худоба. А он убежал в комнату и притащил шахматную доску.

– Давай сыграем.

Но тут вмешалась Сарит.

– Нет. Никаких игр. Сейчас будем ужинать.

Мы прошли в просторный салон. Уже смеркалось, и в салоне горел свет. Ближе к окну стоял застеленный скатертью стол. Вдоль правой стены диван и два кресла, укрытые

полосатыми накидками, перед которыми помещался журнальный столик. В дальнем левом углу был установлен телевизор с большим плоским экраном. Два книжных шкафа, уставленных книгами на иврите и русском языке. На полу – ковёр с красивым орнаментом. И ничего лишнего. Во всём ощущалась аккуратность и целесообразность.

Сарит стала накрывать на стол. Принесла тарелки, вилки, ножи. А я спросил у неё: – А где же ваша старшая дочь?

– Анит на занятиях в матнасе. Готовится к концерту. У неё обнаружился очень хороший музыкальный слух. Нам говорят, что из неё получится выдающаяся скрипачка. Самое главное, что ей самой это очень нравится. Дай то бог, может это станет её судьбой. Йосеф сейчас поехал за ней. Привезёт, и ты познакомишься с нашей «красавицей».

За окном послышался шум подъезжающей машины, а через некоторое время открылась входная дверь, и в сопровождении Йосефа вошла девочка, точная копия мамы, с такими же серыми глазами, но только волосы и бровки были папины, чёрные. И такое сочетание придавало особую прелесть этой малышке. В руках она держала футляр с маленькой скрипкой. Йосеф, слегка подтолкнув её, сказал:

– Познакомься, это дядя Йонатан, мой школьный товарищ.

Девочка молча смотрела на меня своими большими, под длинными ресницами, глазами.

– Как зовут-то тебя?

– Анит, – девочка явно была смущена.

– Анит, мне мама сказала, что ты хорошо играешь на скрипке. Может быть, ты что-нибудь сыграешь и для меня.

Девочка только пожала плечами, а Йосеф пообещал:

– Сыграет, сыграет. Вот только поужинаем, а потом Анит устроит нам маленький концерт. Правда, Анит? А сейчас иди, переоденься и приходи, будем ужинать.

А затем был ужин. А после ужина Анит исполнила нам несколько пьес из Моцарта, Крейслера. И играла она замечательно, я бы сказал, профессионально, особенно, если учесть, что исполнительницей была шестилетняя девочка. А в шахматы мы так и не сыграли, несмотря на настойчивые просьбы Дани. Но зато Йосеф дал сыну решить шахматную задачку, и тот погрузился в поиски её решения. Меня поразила та атмосфера сердечности, взаимного уважения и заботы, которая царила в этом доме, между супругами и их детьми. Это проявлялось во всём: во взглядах, в жестах, в словах, и это даже несмотря на то, что какую-то часть внимания приходилось уделять гостю, то есть мне. И я понял, что именно это и составляет настоящее счастье. И тогда я подумал о Тане. А может быть нам стоит пожениться, и пусть у нас тоже будут дети. И мы также будем радоваться их успехам и огорчаться при неудачах. И это станет нашей жизнью, нашим счастьем. Что заставляет меня откладывать и откладывать решение этого, естественного для любого нормального человека вопроса.

Чего я жду? Может быть большой любви? Но, вряд ли, в одной человеческой жизни такое может повториться более одного раза. А годы уходят, и нельзя их растрачивать только на работу, хотя она и приносит удовлетворение и даже радость. Оказывается, кроме счастья заниматься любимым делом, есть ещё счастье личной жизни, когда рядом с тобой находятся родные люди, маленькие люди, нуждающиеся в твоей любви, в твоей заботе, ласке. Да, видимо, пришло время, когда надо решать и эту проблему. А больше всех будет рада моя мама, которая только и мечтает по нянчить внуков. И надо, наконец, подумать и о ней, доставить и ей эту, естественную для каждой матери, радость ...

С Таней мы познакомились в автобусе. Да, снова в автобусе, как это произошло у моего друга Миши с его будущей

женой, Симой. Но об этом я расскажу позже (и вообще, автобус для нас стал местом встреч с далеко идущими последствиями, хотя ездим мы в нём очень редко, а всё больше на своём личном автотранспорте). А в этот раз я ехал на вечеринку, посвящённую пятилетию со дня свадьбы Мими и Сими.

Когда я поднялся по ступенькам в автобус, то сразу обратил внимание на молодую женщину, сидящую в третьем ряду кресел. Место рядом с ней было свободным. Расплачившись с водителем автобуса за проезд, я прошёл внутрь и спросил:

– Скажите, если я здесь сяду, вы не будете возражать?

– Да, пожалуйста. – Она передвинулась ближе к окну, подняла сумочку, которая лежала на свободном сидении, и взглянула на меня, и я увидел, что глаза у неё разного цвета: один светло-карий, а другой тёмно-серый. И было в них что-то очень мягкое. Первое время мы ехали молча. А потом она вдруг сказала, указав на стенку автобуса около её сидения.

– Здесь, видимо, обогреватель. Невозможно сидеть. Очень жарко.

Она протянула мне футляр, видимо, с сотовым телефоном.

– Вот, потрогайте.

Я притронулся к футляру, и, действительно, он был тёплым. И тогда я спросил:

– А рука, она тоже горячая?

Она улыбнулась и подала мне руку. Рука тоже была тёплой, маленькой, с длинными ухоженными пальцами, и нежной кожей. А я спросил:

– А сердце?

Она засмеялась: – Ну вот, Вам всё сразу – и руку и сердце. А потом добавила: – А здесь, действительно очень жарко.

– Ну, может быть, тогда переедем. Там на противоположной стороне есть два свободных места.

Мы пересели и разговорились. Выяснилось, что её зовут Таня, что она работает в туристическом агентстве. Сейчас едет на работу в Тель-Авив. А живёт она тоже в Ариэле, с дочерью, в трёхкомнатной квартире. Её мама с младшим братом, который служит в армии, живут на соседней улице. В Израиль они репатриировались, когда она была ещё маленькой девочкой. Здесь она окончила школу. В тель-авивском университете получила первую степень психолога. Почему не стала работать по специальности? Поняла, что найти интересную и достаточно оплачиваемую работу психолога в Израиле ей не удастся. Но знания и опыт работы с людьмигодились ей и в её новой профессии. Но зато здесь заработки оказались значительно выше. А ведь на руках у неё дочь, которую ещё надо поставить на ноги.

– Ну, а отец дочери?

– А что отец дочери? Мы с ним развелись, когда девочке было три года. Он снова женился и уехал с новой женой в Канаду. С тех пор я о нём ничего не знаю.

– А сколько лет сейчас твоей дочке?

– Девять. Уже ходит в четвёртый класс. Учится хорошо. Ходит в кружок художественной гимнастики. Она очень гибкая и музыкальная.

Мне определённо нравилась эта женщина. И её голос грудной и одновременно мягкий, и разноцветные глаза за большими круглыми стёклами очков в тонкой оправе, и тонкие, музыкальные пальцы её рук, и нежная, как у молодой девушки, кожа лица, и, наконец, ямочки на щёках, когда она улыбалась. И тогда я сказал:

– Таня, я сейчас еду в гости к своему другу. Сегодня исполняется пять лет со дня его свадьбы. Не согласилась бы ты исполнить роль моей подруги на этом торжественном

мероприятии. Это будет сюрпризом для моего друга и его жены. Ведь они знают, что у меня никого нет, и даже иногда подтрунивают надо мной по этому поводу. А тут, вдруг, я явлюсь с женщиной, и притом такой симпатичной. Они будут удивлены и очень рады принять тебя. Там будет много интересных людей, и, я думаю, тебе будет приятно с ними познакомиться.

Она смотрела на меня и улыбалась, а ямочки на её щеках играли, и всё это было настолько привлекательно, что у меня, вдруг, что-то дрогнуло внутри. Но потом, посерьёзнев, она сказала:

– Извини, Йонатан, но сегодня я не смогу сыграть ту роль, которую ты мне предложил. Я сейчас еду на работу. У меня там назначен целый ряд встреч с моими клиентами, и отменить их я не могу. Так что спектакль не состоится.

– Так, может быть, тогда мы перенесём его на другое время?

– Может быть.

– А как мне узнать, что это время наступило?

– Не знаю.

– А я, кажется, придумал. Мы обменяемся телефонами и сможем находиться на постоянной связи. И когда в этом будет необходимость, мы сможем звонить друг другу и предупреждать об очередном мероприятии, как с моей стороны, так и с твоей.

– Но только имей в виду, что я плохая артистка, и, может быть, твои надежды окажутся напрасными.

– Будем надеяться на лучшее. А там, проживём – увидим.

Автобус подходил к моей остановке. Я записал её номер телефона, и, вдруг, неожиданно для себя самого, взял её руку и поцеловал...

Прошло несколько дней. Загруженность работой, а вслед за этим двухнедельные военные сборы в районе

стыка границ между Египтом и сектором Газы при танковом соединении, к которому я был приписан, и где выполнял обязанности батальонного врача, всё это отодвинуло на второй план моё желание позвонить и, по возможности, встретиться с Таней. И когда, наконец, закончились сборы, и я возвращался на своей машине домой, на улице я увидел Таню, которая выходила из магазина с покупками, а рядом с ней шла девочка, видимо, её дочь. Первым моим порывом было остановиться, но потом я передумал, и проехал мимо. Мне не хотелось показаться ей в таком виде, в каком я был после двух недель службы в пустыне под палящим солнцем, когда нет даже возможности принять хотя бы душ...

В этот раз сборы проходили очень напряжённо. С одной стороны частые обстрелы и различные провокации на границе с сектором Газа, а с другой, попытки проникновения контрабандистов, а особенно, террористов, через египетскую границу. Постоянные перестрелки.

Были раненые среди наших солдат. Мне и моим подчиненным-санитарам, приходилось и оказывать медицинскую помощь, и патрулировать вдоль египетской границы. Эти сборы больше напоминали локальные боевые действия, маленькую войну.

И постоянно возникал вопрос: почему мы всё время сдерживаемся, почему мы всё время оглядываемся на «мировое общественное мнение», а не ответим на провокации так, чтобы их организаторам больше не хотелось совершать их. Я не знаю ни одной страны в мире, которая позволила бы подобное на своих границах. Почему в своё время операция «Литой свинец» не была доведена до конца? Всякая наполовину выигранная война представляет собой зародыш новой войны, и, как любое недолеченное заболевание, обязательно приводит к рецидиву.

Вот с такими мыслями я подъехал к своему дому. Я очень соскучился по маме, по её заботливым хлопотам, по домашней еде, по чистой постели.

Когда я парковался на нашей стоянке, из дома вышла мама. Она стояла в дверях и улыбалась. Какая она стала маленькая, седая, постаревшая. Добавились и углубились морщинки вокруг глаз. Как мало я уделяю ей времени, внимания. И как, очевидно, она нуждается в этом. Чувство вины перед ней вдруг сдавило мне сердце. Я поднялся по ступенькам крыльца, обнял её за плечи, гладил её поседевшие волосы и попросил:

– Мама, ты прости меня.

– За что, сынок? – она подняла голову и заглянула мне в глаза.

– Да, за всё. За то, что у тебя такой непутёвый сын.

– Нет, ты у меня самый лучший сын.

Она на мгновение прижалась ко мне, а потом, высвободившись из моих объятий, взяла меня за руку, и, как когда-то, в детстве, повела в дом.

– Тебе надо переодеться, умыться и поужинать. Ведь ты, наверно, голодный.

И вот, я сижу за столом, ем мои любимые голубцы, а мама сидит напротив и, молча, смотрит на меня своими добрыми, всепрощающими глазами. И я понимаю, что мне надо чем-то порадовать её.

– Мама, а я познакомился с одной интересной женщиной. Ты знаешь, она мне нравится.

– Ну, наконец-то! А то ходишь бобылём, и ничего, кроме своей работы и своих больных, не видишь и знать не хочешь. А кто она? Кто-то из вашей больницы?

– Да, нет. Она турагент, работает в Тель-Авиве, а живёт в Ариэле. Разведена. У неё дочь девяти лет.

– А как человек? Какая она?

– Мне кажется, хорошая. Ведь мы только познакомились, и притом, в автобусе. А встречаться? Мы ещё не встречались. У меня есть только номер её телефона.

– Ну, так позвони, встреться. Познакомься поближе. Кто знает, может это твоя судьба. А то, что у неё ребёнок, так это даже хорошо. Это будет как бы восполнение потерянного тобой времени. Только тебе придётся и с девочкой найти общий язык.

– Ладно, мама. Сегодня я принимаю все твои советы. И, вообще, теперь я буду послушным сыном. А сейчас пойду спать. Отосплюсь, наконец, за все эти дни.

– Иди сынок, там всё приготовлено, – она подошла ко мне, погладила по голове, а я прижал её руку к своей щеке. И мне вдруг стало казаться, что я снова вернулся в детство, и это – рука той, ещё совсем молодой и красивой, мамы, которая всегда поддерживала меня и в радостные, и в горькие минуты.

ГЛАВА 6

В связи с трудностями, связанными с резким падением цены на нефть на мировых рынках российское правительство приняло решение о «временном замораживании повышения пенсий и других пособий», объявленного ранее. Думой принят закон о повышении возраста выхода на пенсию для мужчин – до 65-ти лет, для женщин – до 60-ти. Эти решения вызвали негативную реакцию у населения. В разных городах России проходят демонстрации протеста, которые в ряде случаев переходят в столкновения с полицией. Опросы, проведенные целым рядом институтов, изучающих общественное мнение, в том числе и Левада-Центром, показывают, что рейтинг президента Путина неуклонно опускается и составляет сейчас по разным данным от 27 до 21 процента.

(«Новая газета», 11.09.2017)

***

После того, как между Турцией и новым правительством Ирака было подписано соглашение «О борьбе с курдским сепаратизмом», турецкие войска вошли на территорию Ирака. Началось массовое уничтожение курдского населения как внутри самой Турции, так и на территории Ирака.

Идет облава на курдских мужчин, «потенциальных повстанцев». По имеющимся данным более 4 тысяч курдов уничтожено на территории Ирака, около 3 тысяч – на территории самой Турции. Тысячи курдов арестованы. Идет ге-

ноцид курдского населения. Организация Объединённых Наций резко осудила турецкое правительство.

Руководство НАТО исключило Турцию из своего состава, выведя с территории Турции все свои военные базы, включая и комплексы противоракетной обороны.

(Die Welt, 21.12.2017)

***

Крепнет союз между Турцией и Ираном

После прихода к власти в Турции исламской «Партии справедливости и развития», а также избрания президентом Турции представителя этой партии Абдулы Гюля, правительство Эрдогана взяло курс на исламизацию страны. Были арестованы более 50-ти высших военных руководителей, противников политики исламизации Турции. После проведённого в стране референдума по поводу статуса вооружённых сил Турции армия Турции постепенно превращается в армию, подобную «Стражам исламской революции» в Иране.

Был небольшой период «прохладных» отношений между Турцией и Ираном, связанных с тем, что на территории Турции был размещён противоракетный комплекс НАТО. Однако, когда Турция была выведена из состава НАТО, отношения между этими двумя странами заметно улучшились. Участились визиты в Иран премьер-министра Эрдогана, а также президента Ахмединежада в Турцию.

И уже в 2017 году между Ираном и Турцией был заключён военный союз, подробности содержания которого держатся в строгой секретности.

(Из сообщений международных СМИ, 11.11.2018)

***

Мы вышли из операционной и прошли в ординаторскую. Приготовили каждый себе кофе, и я увидел, что чашка, которую Али держит в руке, дрожит. Я взглянул на него и понял, что у него ещё не спало то напряжение, в котором мы находились в течение четырёх с половиной часов, пока шла операция...

А операция была сложная, с непредсказуемым результатом. Оперируемым был новый репатриант из Грузии. Он со своими друзьями ужинал в кафе в арабском посёлке. В чём-то они не ладили с местными молодыми людьми. Завязалась драка, в которой наш пациент получил несколько ножевых ранений в грудь, в области сердца, и в живот. Когда его привезли в больницу, он истекал кровью. Давление крови было 55–0. Это порог, после которого наступает смерть. Но, на удивление, он ещё был в сознании и даже мог говорить. Из этого можно было сделать вывод, что основное кровотечение происходит из области живота, так как в противном случае он был бы уже мёртв.

По всем медицинским показаниям операцию следовало начинать со вскрытия живота, обнаружения места ранения и перекрытия места кровотечения, так как по всем правилам хирургии первое, что необходимо сделать, это остановить основное кровотечение.

Времени на проведение обследования с помощью ультразвуковой аппаратуры не было. Нужно было срочно начать переливание крови и ввести дренирующую трубку в область лёгкого, чтобы избежать накопления воздуха в плевральной полости, в случае, если ранение пришлось и на область лёгкого. Начало переливания крови должно было привести к повышению общего давления крови. Но этого почему-то не произошло. Давление не поднималось. И тогда я предположил, что это сердце не справляется с пе-

рекачиванием переливаемой крови. Очевидно, есть какое-то повреждение сердца.

И я принял решение сначала вскрывать грудную клетку, а не полость живота. И если моя догадка окажется неверной, то я собирался перекрыть аорту, снабжающую кровью нижнюю часть тела, уменьшив тем самым общее кровотоечение и увеличив давление в верхней его части, а именно, лёгких и головного мозга. Это давало мне какое-то дополнительное время на поиск и перекрытие источника кровоизлияния в животе.

Однако такое решение противоречило общепринятым хирургическим правилам и вызвало возражение у хирурга травматологического отделения, ответственного дежурного по приёмному покою. Но времени объяснять ему ход моих мыслей не было. И самое главное, что я почувствовал поддержку моего помощника, Али. Видимо, он тоже понимал причину моего решения. Я спросил у него: «Ты понял?» Али утвердительно кивнул головой, и мы приступили к вскрытию.

Но когда вскрыли грудную клетку, вдруг, обнаружилось отверстие в оболочке сердца, в которой накопилось большое количество крови, не позволяющее сердцу расправляться и засасывать кровь из кровеносной системы. Это могло привести к смертельному исходу в ближайшие минуты. Мы вскрыли оболочку (перикард), выпустив кровь. И сразу же общее давление стало повышаться. И тогда я обнаружил, что в левом желудочке сердца имеется отверстие размером менее одного сантиметра с пульсирующим кровоточением. Именно оттуда и поступала кровь в область перикарда.

После того, как мы зашили его, давление полностью восстановилось. И лишь после этого мы вскрыли полость живота. Там оказалось отверстие в селезёнке, которое уже са-

мо затромбировалось. Конечно, ответственность за нарушение порядка проведения операции в случае неудачи ложилась бы на меня, но в данном случае его соблюдение кончилось бы наверняка смертельным исходом. Я шёл на риск, и риск оправдал себя.

Когда больного отвезли, наконец, в отделение интенсивной терапии, мы взглянули друг на друга. И всё напряжение этих нелёгких часов вдруг вырвалось в нервный смех. Выглядели мы очень живописно. Наши руки, лица и халаты были забрызганы кровью. Вся одежда была насквозь пропитана потом. Но в душе мы чувствовали себя победителями...

Али был зачислен в штат нашего отделения около полугода назад также, как и я, в качестве практиканта, претендующего на получение звания мумхе. Он закончил медицинский факультет тель-авивского университета. Процесс специализации в израильских больницах длительный. Претендент на звание мумхе должен за шесть лет набрать определённое количество операций, выполненных им самим, или операций, в которых он принимал участие. Причём они разбиты на группы: операции внутриполостные, операции, связанные с сердечными заболеваниями, гинекологическими, детскими и так далее. Для чего он должен будет проходить стажировку и в кардиохирургии, и в отделениях урологии, нейрохирургии и детской хирургии. Кроме того, за эти шесть лет он должен будет сдать экзамены по общим заболеваниям, а также по хирургии. Так что нам придётся долго работать вместе. И уже сейчас я понял, что из него получится хороший хирург. Между нами возникли доверительные отношения. В свободное от операций время мы разговаривали на различные темы, но до сих пор я старался не касаться вопросов, связанных с арабо-израильскими проблемами. Но вот сегодня, после такой напряжённой

и ответственной операции, где мы работали, как единый, слаженный механизм, я сказал:

– Ну почему бы нашим народам не трудиться и жить в таком же режиме согласованности и взаимопонимания, как это было сегодня у нас с тобой? Что ты скажешь на это, Али?

Али допил свой кофе, поставил чашку на стол. А потом, глядя неподвижным взглядом куда-то в сторону окна, сказал:

– Да, это было бы на пользу обоим народам, но глупость, корысть и тщеславие наших руководителей, как политических, так и религиозных, не позволят этого сделать.

– А тебе нравится жить и работать в Израиле.

– Нравится? Не то слово. Нигде в другом месте я бы не смог получить такого образования и такой работы. Да и жить так, как я живу сейчас. Это счастье, что в своё время мой дед не покинул свой дом под Хайфой, и мы не оказались в лагерях беженцев где-нибудь в Иордании, Ливане или Газе.

– А как так получилось? Ведь многие арабские семьи после объявления Израиля, как суверенного государства, бежали из страны, несмотря на уговоры израильских властей.

– Дураками были, поверили обещаниям арабских стран, что когда те сбросят евреев в море, то они смогут вернуться и даже воспользоваться их имуществом и домами. А теперь у них самих нет дома. Живут в лагерях беженцев и даже не имеют гражданства в тех странах, куда они бежали. Я знаю, как они там живут. В Газе и Иордании есть наши дальние родственники. Когда-то мы ездили к ним.

– Ну, а чем недовольны арабские граждане Израиля, которые имеют всё то, что и еврейские: и пособия, и право на учёбу, и право на работу, и даже на своё представительство в Кнессете. И в то же время день Независимости Израиля воспринимают, как день Катастрофы арабского народа.

И даже выходят на демонстрации с бросанием камней в полицейских, со сжиганием израильских флагов.

Али задумался, приготовил себе новую чашку кофе, отхлебнул и уже потом, как бы оценивая каждое своё слово, заговорил.

– Понимаешь, я вырос в арабской деревне, учился в арабской школе, ходил в мусульманскую мечеть, слушал проповеди наших религиозных наставников, изучал Коран. Я изнутри знаком со всей той жизнью, в которой живут мои соотечественники в Израиле. Большинство из них соблюдают религиозные обряды, слушают своих религиозных лидеров, верят им. Ведь давно известно, что, для того, чтобы удержать в подчинении массы людей, нужен общий враг. А если даже его нет, то нужно его выдумать. Вот такой же концепции и придерживаются наши шейхи. А народ? Народ тупо верит им. Ведь они «представители» Аллаха на Земле. А такой «враг» – вот он, Израиль. Нужно только его уничтожить, и сразу наступит райская жизнь.

– Али, а сам ты веришь в Бога?

Али не отвечал, о чём-то размышляя.

Молчал и я, не задавая других вопросов, которые хотелось задать, надеясь, что Али сам поделится своими мыслями, которые, как я понимал, беспокоят его. И, действительно, он снова заговорил.

– Понимаешь, я изучал Коран, причём не по проповедям наших шейхов, а по первоисточнику. Меня интересовали и другие религии. И понял, что если есть Бог, то он один для всех людей в мире. И вот в такого Бога я верю. А разные религии только по разному определяют, как должен человек обращаться к Богу, чтобы быть угодным Ему. А это уже домыслы самих людей, их, так называемых, «пророков», основателей и продолжателей. А Богу не надо угождать, не нужны ему наши молитвы, наши благодарения и просьбы о

прощении грехов. Ему, я думаю, не нужны наши слова, а если что-то и нужно, то это, скорее, дела.

– Ну, а какая из религий по твоему мнению больше всего способна сделать мир более удобным для людей?

– Да никакая. Каждая имеет свои недостатки, не позволяющие людям понять друг друга. Ваша религия слишком обособленная, высокомерная. И Бог – это только Бог еврейского народа. И если нееврей захочет принять иудаизм, ой как не просто ему пробиться через ваши раввинаты. Что мне не нравится в исламе – это его чрезмерный миссионизм, стремление к вовлечению в ислам людей других религий или неверующих, применяя при этом любые методы, не исключая, и насильственные. Это даже записано в Коране.

– А христианство?

– Сейчас христианство стало более умеренным. Его отцы стали понимать, что Бог один на всех, и каждая религия имеет право на существование, и каждый человек имеет право на свой способ общения с Богом. А было время, когда и христианство навязывало своё видение Бога иноверцам так же, как сейчас пытается это делать ислам. Взять хотя бы крещение Руси, или внедрение христианства среди африканских народов.

– Ну, хорошо. А как ты ответишь на такой вопрос? Наши левые и арабские члены Кнессета утверждают, что в Израиле ущемляются права арабского населения. Вот ты араб, ты ощущаешь это на себе.

– В чём ущемлены наши права? В праве учиться? Пожалуйста, иди и учись в любом университете Израиля, только имей хороший багрут. Право работать? Посмотри, сколько арабов работает в нашей больнице на разных должностях. Юсуф в ортопедическом отделении – ведущий ортопед. Сколько арабов имеют свой бизнес, и никто им не пре-

пятствует. В Кнессете заседают арабские депутаты и имеют те же права и зарплаты, что и еврейские депутаты. Нет никакой разницы в получении медицинской помощи, различных пособий и других льгот, как для еврейских семей, так и для арабских. Но есть, конечно, недоверие к нам со стороны израильских властей. Арабы не служат в армии, не допускаются для работы в секретных учреждениях. Но в этом, наверно, виноваты мы сами. Какое правительство доверило бы оружие и свои военные секреты людям, которые день Независимости государства отмечают, как день их трагедии.

Я был поражён, как Али всё разложил по полочкам, как глубоко и точно определил наши взаимоотношения с арабским населением. Нашим бы «левым» послушать его, а нашим «правым» научиться у него приводить аргументы в пользу нашего же государства.

И тогда я задал ему ещё один уже провокационный вопрос.

– Так почему многие израильские арабы, если им так хорошо жить в Израиле, бунтуют, кричат о своих ущемлённых правах?

– А кто бунтует? В основном те, кто не хочет учиться, добиваться своим трудом нормального положения в обществе. Мне один «русский» рассказал такую поговорку, которая бытовала в бывшем СССР, что советские люди хотели «работать как в Советском Союзе, а жить как в Америке». То же самое можно сказать и о наших «бунтовщиках».

– И ещё один, последний вопрос. Ты веришь, что Израиль устоит против того беспрецедентного давления, которое оказывается на него со стороны арабских стран, и подвластной им ООН, а также западных стран, которые попали в зависимость от ближневосточной нефти. Не наступит ли такой момент, когда Израиль совсем исчезнет с этой земли?

– Евреи – талантливый народ, но есть у них один недостаток. Их руководители все свои победы превращают в свои поражения. Возьми хотя бы победу в шестидневной войне. Весь мир тогда зауважал Израиль, хотя были тогда и осуждающие его резолюции ООН, и крики разных левых движений. Но потом он стал просить тех, кого он победил признать право на существования еврейского государства. Зачем ему это надо было? Он и так доказал всему миру своё право. А всякий проситель воспринимается как слабая сторона. Над ним можно и покуражиться. На него можно и надавить. Вот и давят.

Али замолчал, задумался, а потом, отвечая на мой вопрос, сказал:

– Устоит ли Израиль? У Израиля есть одна палочка-выручалочка. Это его атомное оружие. Народ, доведённый до отчаяния, когда над ним нависнет угроза полного уничтожения, не задумается над тем, стоит или не стоит его применить. Я думаю, что это окажется сильным сдерживающим фактором.

Али допил свой кофе, поднялся, взял обе наши чашки, ополоснул их в раковине, поставил их в тумбочку, и уже оттуда, усмехнувшись, сказал:

– Что-то я сегодня разоткровенничался. Это я только тебе такое могу сказать. Всему, очевидно, виной сегодняшняя наша операция. В нашем посёлке за такие мысли можно и поплатиться. С отцом я, в общем-то, откровенен, и он меня понимает и во многом согласен. Но больше ни с кем.

Да, эта операция как-то сблизила нас. И у меня к Али появилось дружеское чувство, даже нечто большее.

– Спасибо тебе, Али, за откровенность. Теперь я тебя больше понимаю и сочувствую твоей боли за свой народ. Но что мы можем сделать? Как изменить ситуацию? К сожалению, это не в наших силах.

ГЛАВА 7

Из аналитической статьи Валентина Крик

Сократившиеся поступления в казну средств от продажи энергоресурсов, связанные с падением цен на нефть и газ на мировом рынке, вынудило российское руководство почти полностью прекратить дотирование северокавказских республик, что вызвало недовольство у местной элиты. Активизировались силы исламского сопротивления.

В Чеченской республике постепенно стала ослабевать власть Рамзана Кадырова. После того, как на него было совершено покушение во время его встречи с футболистами команды «Терек», и начавшимся затем преследованием членов клана, к которому принадлежал стрелявший в него футболист, республика вступила в состояние перманентной гражданской войны, то затихающей, то вспыхивающей вновь. Всё больше молодых людей из обиженных Кадыровым кланов уходили в «горы». Участились нападения на верных Кадырову высокопоставленных лиц, на полицейские участки внутри самой Чечни. Эта клановая война перекинулась и на территорию России, руководство которой поддерживает власть Кадырова.

Так, в июне 2017 года во время праздника Вознесения, когда у Храма Христа Спасителя собралось большое количество прихожан, террорист-смертник взорвал себя, унеся жизни 36-ти человек. В августе того же года взрыв заложенной в административном здании Петербургского университета бомбы унёс жизни более сорока молодых ребят, только что

окончивших школу. Не стоит перечислять целый ряд других терактов, совершённых, как на территории России, так и в Чечне, Дагестане, Ингушетии. Пламя необъявленной войны всё сильнее и сильнее разгоралось на юге страны. Введение в этот регион дополнительных контингентов российских войск только ещё больше разожгло этот огонь.

В такой обстановке всё чаще стали слышны голоса в пользу предоставления независимости северокавказским республикам и отделения их от России, причём не только в этих республиках, но и в кругах, близких к Кремлю. К какому решению придёт российское руководство? Будет ли оно любой ценой удерживать эти республики в составе России, или даст им самим решать свою судьбу, пока неясно. Но проблема явно требует решения.

(Сайт «Prognoz», 11.04.2018)

***

Продолжается дальнейшая консолидация мусульманских стран вокруг Ирана. В этот мусульманский альянс вступили такие страны, как Ливан и Ирак, совсем недавно подписавшие с Ираном военный союз.

Как стало известно из достоверных источников, Иран передал Турции несколько установок типа «Джихаб» дальнего радиуса действия, способных нести ядерные боеголовки. Идет интенсивное наращивание военной мощи и других союзников Ирана, таких, как Ливан, Сирия, Ирак, Туркмения и Таджикистан.

Если учесть, что ещё в прошлом году был заключён военный договор Ирана и Пакистана, можно понять, что неумолимо назревает военный конфликт между цивилизованным миром и мусульманским альянсом.

Параллельно создаётся союз североафриканских государств во главе с Египтом. Пока, как заявляют руководи-

тели этих стран, он имеет чисто экономические цели. Но мы хорошо знаем, как можно доверять таким заявлениям. Идёт расползание зелёной чумы.

А что же предпринимают западные страны, чем отвечают на нависающую над миром угрозу? А ничем. Их больше заботит вопрос, как нейтрализовать «пятую колону» внутри своих стран, которую благодушные европейцы сами создали, впустив на свою территорию большое количество так называемых «беженцев» из Африки и стран Ближнего Востока. И здесь стоит вспомнить, о чём предупреждали ещё в 2010- 2012 годах дальновидные политики разных европейских стран.

Что ожидает Европу через несколько лет, если она не откажется от своей иммиграционной политики и политики потворства расползанию исламской чумы по всей Европе. Вернёмся на 10 лет назад, и прочитаем, о чём говорил тогда теперешний премьер-министр Нидерландов Герт Вилдерс, о чём писал в своей книге «Германия: самоликвидация» выдающийся экономист и политический деятель Германии Тило Сарацин и целый ряд других видных людей Европы. Тогда к их голосу не прислушались. Больше того, их подвергали обструкции, обвиняли в ксенофобии и даже расизме, изгоняли из тех структур, членами которых они являлись. А вот теперь мы видим, насколько они были правы. Приняв тогда их позицию, сейчас Европа смогла бы противостоять угрозе исламской экспансии, как внутри своих стран, так и в общемировом масштабе.

(«Русская Германия», 22.05.2021)

***

Как и следовало ожидать, после самопровозглашения в 2019 году независимости Чеченской и Дагестанской республик, воспрепятствовать которому Россия уже была не

в состоянии, власть в них перешла к открыто антироссийским силам. Правительство в Чечне возглавил полевой командир Рустем Кудашев. Расправа над бывшими ставленниками Москвы была короткой и не вызвала серьёзного сопротивления. Место нахождения Рамзана Кадырова до сих пор неизвестно. Нечто аналогичное происходит и в Дагестане. Представители этих республик проводят интенсивные переговоры в Анкаре и Тегеране.

(«Московский комсомолец», 23.07.2022)

***

В ответ на разгул исламского насилия и террора в целом ряде европейских государств, таких, как Германия, Франция, Бельгия, Австрия, Болгария и других, принят закон о применении смертной казни за терроризм и подстрекательство к террору. Идут аресты лиц, замешанных в терроре и вооружённом сопротивлении законным властям, а также исламских шейхов, подозреваемых в пропаганде и призывах к террору. По поводу каждого из арестованных ведётся расследование. Клицам, замешанным в убийствах мирных граждан, будет применена высшая мера наказания. Те из арестованных, которые лишь принимали участие в беспорядках, грабежах, погромах, но не причастны к убийствам, будут депортированы в страны их исхода. В настоящий момент из Германии депортировано более двухсот тысяч арабов и турок в основном в Ливию, Тунис и Турцию. В этой связи Турция заявила резкий протест, обвинив правительство Германии в дискриминации по отношению к её турецким гражданам. Одновременно иранское правительство выступило с серьёзным предупреждением европейским странам в связи с «гонениями», производимыми в этих странах по отношению к мусульманскому населению.

(«Europa Times», 23.03.2023)

***

Продолжаются бои между войсками республики Кипр и Турецкой Республики Кипр (ТРК). Напомним, что три дня назад боевой корабль ТРК атаковал газовую платформу, принадлежащую республике Кипр и находящуюся в Средиземном Море в её территориальных водах. Платформа была разрушена, а на её месте возник огромный огненный столб горящего газа. В ответ авиация республики Кипр нанесла бомбовый удар по боевым кораблям своего северного соседа, после чего вооружённые силы ТРК пересекли границу между этими республиками. В результате трёхдневных боёв войска республики Кипр не только отбили атаку, но и перешли в наступление. В настоящий момент они находятся на подступах к городу-порту Фамагуста. На помощь ТРК Турция направляет свой военный контингент, что вызвало беспокойство в Греции, а также ряда европейских стран. Есть опасность, что события на Кипре могут привести к серьёзному военному конфликту на юге Европы.

(«Europa Times», 11.05.2023)

***

Вот уже два года прошли со дня нашей с Таней свадьбы. За это время появилась на свет маленькая девочка по имени Руфина. Теперь у меня была полноценная семья: жена и даже две дочери. С Соней, старшей Таниной дочкой, мы быстро нашли общий язык. И чуть ли не с первых дней, когда я вошёл в их семью, она стала называть меня «папой». Тогда Соне шёл двенадцатый год. А сейчас ей уже скоро четырнадцать, возраст, когда в худенькой, неказистой девочке, вдруг начинают проступать привлекательные черты будущей женщины. И очень любопытно наблюдать за таким удивительным превращением. Мы уже отметили её батмицву. Это был очень радостный и весёлый праздник. Но

что мне особенно нравится в ней, это её характер – открытый, общительный. У неё всегда куча подруг, которые часто посещают наш дом. А в своей маленькой годовалой сестрёнке она души не чаёт. И люблю я её ничуть не меньше, чем свою маленькую дочурку.

Как-то резко изменилась моя жизнь. Нельзя сказать, что к Тане я испытываю такое же сильное чувство, как, в своё время, к Руфи. Но Таня – умная женщина и смогла построить нашу совместную жизнь так, что мне в нашем доме всегда очень уютно. И если до этого круг моих интересов ограничивался только работой, то теперь я с нетерпением жду того момента, когда можно окунуться в тёплую атмосферу моей семьи, поддержать на руках маленькую Руфинку, разобраться с уроками Сони. А потом сесть за общий стол и поужинать тем, что приготовила моя мама.

Мама постоянно находится у нас, и только, когда я или Таня возвращаемся с работы, мы отвозим её домой. Она очень рада такому повороту в моей жизни. Её любовь ко мне распространилась на всю мою семью. Она даже помолодела, поубавилось морщинок вокруг глаз, исчезла грусть, которую я раньше замечал в её глазах. А для нас с Таней она стала незаменимой помощницей, взяв на себя заботу о наших детях...

Подходило время очередных военных сборов. Но за три недели до этого срока из армии пришло письмо, что прохождение сборов переносится на более ранний период, и длительность их увеличивается с пяти дней до двух недель. А сегодня подошло время, когда я должен явиться в часть. Для меня это не было неожиданностью.

Чего-то подобного следовало ожидать. Атмосфера в стране была предгрозовой. Арабский мир явно готовился к войне. И вопрос стоял только: когда? Сейчас наши арабские соседи поменяли тактику. Они направляют к границам Из-

раиля многотысячные толпы, якобы «мирных», граждан, которые пытаются прорваться на территорию нашей страны, разрушая при этом пограничные сооружения и забрасывая камнями и кусками арматуры наших пограничников, и заявляют при этом, что это стихийное выражение народного гнева, вызванного возмущением израильской оккупацией палестинских земель.

Наши военные в растерянности, стрелять на поражение они не могут, иначе это будет воспринято миром, как «убийство мирных людей», но по-другому справиться с этой оголтелой, одурманенной антиизраильской пропагандой, огромной массой людей просто невозможно. И противостоять такой «мирной» агрессии очень не просто. Пока удавалось как-то справляться с этой новой тактикой. Но, как будет дальше? Что новое придумают наши «двоюродные» братья?...

Меня провожает вся семья. Таня взяла отгул на работе. Соня не пошла в школу. И все они стоят около меня и, молча, наблюдают, как я складываю в рюкзак свою военную амуницию. Я не могу смотреть им в глаза, столько тревоги в них. Пытаюсь разрядить обстановку.

– Ну, что загрузили? Что, это в первый раз? Соня, ведь скоро будет твой день рождения. Вот ты, пока меня не будет, обдумай, как и где бы ты хотела его отмечать. Нужно, чтобы это был очень весёлый праздник. Не менее весёлый, чем твоя бат-мицва. Ты пригласишь всех своих друзей, и будет очень весело. У меня для тебя уже есть подарок, только не скажу, какой. А к тому времени и я уже буду дома. Ну, как, ты не возражаешь?

– Да, папа. – Но глаза её остаются грустными. Таня прижала её голову к себе, гладила её пышные выющиеся волосы, а глаза набухали от подступающих слёз. Всё они прекрасно понимали. Все в Израиле понимали, что наступа-

ет решающий час, от которого зависит, что будет потом: жизнь или смерть.

– Неужели будет война? – Мама с болью в глазах смотрит на меня.

– Не думаю, что сейчас. Но, судя по всему, дело идёт именно к такой развязке. Но ты не переживай, ведь мне не придётся быть на передовой. И если даже начнутся боевые действия, моё место будет в полевом госпитале, а это – тыл, а не линия фронта.

Я, конечно, вру. О каком тыле может быть речь в нашей крохотной стране. И если действительно развернутся боевые действия, то вся страна превратится в сплошную линию фронта. Ведь нет ни одного участка границы, откуда над нами не нависла бы угроза нападения. И даже с моря можно ожидать угроз со стороны сирийских и турецких военных кораблей. А объявление чуть ли не тотального призыва резервистов говорит о том, что правительству что-то известно, и оно к чему-то готовит страну. Ну, что ж, война – так война. Это лучше, чем постоянное ожидание и неопределённость.

Неужели арабские страны всё же решатся напасть? Неужели опыт предыдущих войн ничему их не научил? Конечно, количество открыто враждебных нам стран стало больше. После того, как в Египте к власти пришли «Братья мусульмане» и сейчас напрямую снабжают Хамас в Газе оружием, когда в Сирии произошёл переворот, и к власти пришли радикальные исламисты, поддерживающие тесную связь с Аль-Кайдой, а в Ливане власть перешла в руки Хизбаллы, активно вооружаемой как Сирией, так и Ираном, угроза войны нависла над нашей страной с явной неотвратимостью. И вопрос только в том, когда это произойдёт.

Но и Израиль сегодняшний – уже не тот, что был несколько лет назад. Плохо, что нельзя надеяться на поддержку За-

пада и даже США. Нужно рассчитывать лишь на самих себя, на свои силы. Сколько раз на пути нашей окончательной победы над врагами оказывались, так называемые, западные «друзья», принимавшие в ООН резолюции, требующие приостановки военных действий, причём в тот момент, когда враг уже был на пороге окончательного разгрома. И мы подчинялись, боясь потерять «расположение» Запада. А в результате, ни расположения Запада, ни его поддержки мы не получали. И каждый раз нас считали агрессорами, хотя всегда военные конфликты провоцировались нашими врагами...

Ладно, хватит об этом. Нужно собираться. Ведь через 3 часа я должен явиться в расположение своей части. Видимо, наступила пора прощаться.

Я отставил в сторону уже собранный рюкзак и подошёл к Тане. Она обхватила меня за шею обеими руками, прижалась ко мне всем телом, и слёзы, подступавшие к её глазам, вдруг хлынули по её щекам, оставляя тёмные следы на моей гимнастёрке.

Увидев, что Таня плачет, заплакала и Руфинка. Я взял её на руки. К нам подошла и Соня. И так, обнявшись вчетвером, мы стояли и молчали. А напротив нас стояла мама, и по её сразу подурневшему лицу сползали ручейки слёз. И так продолжалось несколько секунд. Потом я отстранил Таню, опустил Руфинку на пол и подошёл к маме. Обнял, поцеловал её мокрую щеку и пообещал:

– Не беспокойся, всё будет хорошо. Эти две недели пролетят незаметно, и мы снова будем вместе.

Мы вышли на улицу. Я сел в машину, и, когда немного отъехал, посмотрел в зеркало заднего вида, и у меня сжалось сердце. На дороге стояла скорбная группа из четырёх женщин, как на похоронах. Они провожали меня, как прощались. Будущее было неясным и не обещало надежды на

благополучный исход. И эта картина надолго осталась в моей памяти...

Наш резервный танковый батальон дислоцировался в западной, более низменной, части Голанских высот. Когда я приехал в расположение части, там находился лишь персонал, обслуживающий военную технику, и бойцы охраны, а также солдаты-срочники, приписанные к моему подразделению и выполняющие обязанности водителей медицинских бронетранспортёров. Основной боевой состав должен был прибыть завтра. Оставив машину на стоянке, я сразу отправился в штаб батальона. Там уже кроме командира батальона и его заместителя находились почти все командиры рот. Совещание, которое обычно предшествует началу учений, ещё не начиналось, ждали командира миномётно-пехотной роты, Хаима Дрора. А пока велись общие разговоры, кто-то пил кофе, а кто-то курил у открытого окна. Через несколько минут появился и Хаим. И тогда командир батальона Рон Бен-Ами пригласил всех к столу. Он вынул из своей полевой сумки несколько исписанных мелким почерком листов бумаги, карту района. Разложил всё это на столе. Рядом положил маленькую указку, цветные карандаши и авторучку.

– То, о чём здесь будет идти речь, является важной военной информацией и не подлежит разглашению. Я надеюсь, что вы это хорошо понимаете, и у нас никаких проблем не будет.

Он переводил свой пронизывающий взгляд с одного из присутствующих на другого. Мы молчали, понимая, что на этот раз речь пойдёт о чём-то очень серьёзном. Удовлетворившись нашим молчаливым согласием, он продолжил:

– Позавчера я присутствовал на экстренном совещании у начальника нашего военного округа. Ожидаются серьёзные провокации на границах нашей страны. Возможно, это

произойдёт семнадцатого числа, то есть через три дня. По данным нашей разведки последнее время наблюдаются активные контакты между военными ведомствами таких стран, как Иран, Турция, Сирия, Ливан. В Египет тоже зачастили представители этих ведомств. По непроверенным данным какие-то переговоры велись и в резиденции короля Иордании. По нашим данным в Сирию переправлено из Ирана большое количество ракетных установок типа «земля – земля». Кроме того, мы знаем, что в России Сирией закуплена приличная партия зенитных ракетных установок. Есть все основания полагать, что соседние арабские государства замышляют, если не военные действия, то что-то очень серьёзное. Кроме того, заметно перемещение военной техники в районы, близкие к нашим границам. Поэтому мы должны быть готовыми ко всему, вплоть до отражения открытого военного вторжения. Последние события с успешным прорывом наших границ так называемыми «мирными» гражданами из Ливана, Сирии, сектора Газы дают основания предположить, что тактика ведения войны у наших соседей несколько изменится. Предполагаются два варианта.

Вариант №1: так называемые «мирные» граждане подступают к пограничным заграждениям, пытаются прорваться на нашу территорию. Под видом мирных граждан могут скрываться и вооружённые боевики, благо, погода позволяет быть одетыми в одежду, под которой можно скрыть оружие. Наши пограничники открывают по ним предупредительный огонь. Появление жертв с их стороны, даёт им «повод» открыть массированный огонь из своих орудий и ракетных установок по нашим позициям, не вводя свою боевую технику на нашу территорию, но в то же время, нанести серьёзный урон нашим пограничникам, и близлежащим населённым пунктам. Видимо, они рассчитывают на

неожиданность такой атаки и на то, что мы побоимся ввести свои боевые части на их территорию, так как это будет расценено, как явная агрессия с нашей стороны. Нам же надо с самого начала их обстрела подавить все их огневые точки. У меня есть карта размещения их боевой техники на вчерашний день, полученная с нашего спутника. Такую же карту мы будем получать ежедневно с уточнёнными данными. Каждый из вас тоже будет иметь такую карту. Непосредственно нам предстоит уничтожить те орудия и ракетные установки, которые доступны нашим танкам и миномётам. Более далёкие цели будут поражаться соседним подразделением ракетных установок, а также нашей авиацией. Поэтому танковые роты вместе со своими миномётными подразделениями должны будут выдвинуться на передний край, ближе к границе. Конкретно, куда? мы разберём в конце совещания. Мотострелковая рота займёт резервные опорные пункты, расположенные в километре от границы.

Вариант №2: полномасштабная война. В таком случае, это коснётся всех наших границ. Всё это станет ясно, когда сирийские танки начнут своё движение через нейтральную зону. Будет подан соответствующий сигнал, по которому вся приграничная зона шириной в один километр должна быть освобождена от наших войск. Конкретно, все наши танковые роты с миномётными подразделениями должны отойти за километровую зону и занять резервные рубежи за этой полосой. Как только сирийские танки окажутся на нашей территории, они подвергнутся массированному огню нашей противотанковой артиллерии и авиации. Наша же задача уничтожать те из них, которые смогут прорваться через этот шквал огня. Для этого пехотная рота, кроме обычного оружия, будет обеспечена необходимым количеством фаустпатронов типа ЛАУ, а миномётная достаточным количеством противотанковых снарядов.

Рони раздал всем нам карту размещения опорных пунктов и мест расположения танковых рот при первом и втором вариантах событий. А дальше шло обсуждение конкретных задач каждой роты, её места дислокации и других, более мелких деталей. Во время этого инструктажа я фиксировал все детали операции. Мне нужно было знать, где и когда может понадобиться помощь медицинского персонала. После того, как основные вопросы с командирами боевых рот были решены, Рони обратился ко мне.

– А ты, Йонатан, должен сразу готовиться к варианту №2. Понимаешь, лучше перестараться. Что-то мне подсказывает, что этот вариант будет наиболее вероятным. В общем, ты сразу разворачиваешь свой полевой пункт первой врачебной помощи в месте, указанном на карте. Проверь готовность твоих бронетранспортёров, качество связи, как со мной, так и с ротами. Кроме бронетранспортёров, имеющих у тебя, завтра в твоё распоряжение прибудет амбуланс с полным медицинским составом. В общем, ты знаешь сам, что нужно делать в боевой обстановке. В твоё распоряжение будет выделена группа охраны, с противотанковым оружием. Это на всякий случай. Да, ещё, свяжись с полковым врачом, познакомься, договорись о совместных действиях в случае, если возникнет такая необходимость. Ну вот, пожалуй, и всё. Завтра прибудет основной состав нашего батальона. Нужно объяснить всем поставленную перед нами задачу. Проинструктировать буквально каждого. И ещё, собрать все мобильные телефоны. Никаких переговоров во время боевой готовности. Это очень важно. Пусть заранее предупредят об этом своих близких. Ну, а теперь, может быть, у вас есть ко мне какие-то вопросы?

– А что будет с жителями посёлков той километровой зоны? – спросил Дани Шви́ро, командир первой танковой роты.

– Во-первых, там таких посёлков почти нет, а из тех, которые там находятся, жители будут заранее эвакуированы.

– А если провокация в названную дату не состоится, какие наши действия потом?

– Находиться в состоянии полной боевой готовности до поступления другого приказа. Есть ещё вопросы?

Все молчали, хотя один, самый главный и самый тревожный вопрос рвался из сердца каждого из присутствующих: «Неужели всё-таки будет война? Неужели снова будет кровь, смерть, снова мы будем терять своих друзей. Неужели может оказаться такое, что наши дети никогда больше не смогут увидеть своих отцов». И снова перед глазами всплыла картина четырёх самых дорогих моих женщин, стоящих на дороге и с робкой надеждой смотрящих вслед удаляющейся машине, увозящей меня в неизвестность. И гнетущее чувство ожидания беды, вдруг сковало сердце. А Рони, внимательно взглянув на нас, стал складывать разложенные на столе бумаги.

– Ну, с Богом, ребята! Завтра встретите своих подопечных, а вечером в семь часов снова соберёмся. Доложите о готовности. Может быть, к тому времени поступят новые данные о том, что замышляют сирийцы.

Место, выбранное для размещения пункта первой медицинской помощи, оказалось довольно удачным. Расположенное внутри небольшого лесного массива на расстоянии полутора километров от опорных пунктов передовой линии обороны, оно имело подъездные дороги к ним. Это позволяло быстро реагировать на ситуацию во время боевых действий. С трёх сторон лагерь прикрыт невысокими холмами, поросшими густой порослью, как лиственных, так и хвойных деревьев, что обеспечивало маскировку и естественную защиту от поражения вражеским огнём. В моём распоряжении было несколько бронетранспортёров,

два из которых, были заполнены всем необходимым медицинским инструментарием и препаратами, а также раскладывающимися носилками. Эти бронетранспортёры могли служить, при необходимости, и как небольшие операционные помещения, и как укрытие раненых от вражеского огня. Мы называли эти два бронетранспортёра «медицинскими». А остальные предназначены для доставки раненых с поля боя. Во время боевых действий они должны находиться в расположении боевых рот вместе с санитарями, которые смогут оказать первую помощь раненым непосредственно сразу после ранения. Мы прибыли на место дислокации вечером и сразу же натянули между «медицинскими» бронетранспортёрами маскировочный полог, образовав тем самым импровизированную больничную палату для будущих возможных пациентов. Это была довольно большая поляна внутри лесного массива, где можно было расставить более десятка раскладывающихся носилок, используемых, как кровати. На следующий день, уже с утра, стал прибывать мой медперсонал: медбратья, санитары. Началась разгрузка «медицинских» бронетранспортёров и оборудование «приёмного покоя». Приехал и мой будущий помощник, Олег Соколов, студент пятого курса тельавивского университета, уже имеющий практику хирургических операций. К вечеру мы уже были готовы к приёму раненых. Расставлены носилки, возле которых подвешены, где на подставках, а где и непосредственно на стволах деревьев, капельницы. По углам площадки были подготовлены два реанимационных пункта со всем необходимым оборудованием и назначены ответственные из числа наиболее опытных медбратьев. После этого я проверил линии связи с ротами, командиром батальона, доложил последнему о нашей готовности, и к семи часам прибыл в расположение штаба.

На оперативном совещании Рони Бен-Ами сообщил нам, что по данным ШАБАКа провокация на сирийской границе ожидается именно в те сроки, о которых говорилось на предварительном совещании, то есть либо послезавтра, либо завтра вечером. Вторжение ожидается и со стороны Египта, Газы, и со стороны Ливана. Как поведёт себя Иордания, пока не известно. Выяснилось, однако, что к нам на помощь спешат представители как еврейских, так и христианских организаций из разных стран Европы и Америки, в основном это молодые люди, в том числе и медики.

– Так что ждите пополнения, – сказал Рони. – Одно могу предположить, что, по всей вероятности, нам предстоит не просто провокация, а полномасштабная война. Ну, что ж, будем воевать. И вам нужно настроиться на это и настроить своих бойцов. И, дай Бог, чтобы эта война была последней. Судя по настроению в наших высших эшелонах власти, в этот раз Израиль больше не ограничится полумерами. Будем надеяться, и сделаем всё, чтобы нашим детям больше уже не пришлось погибать ни в войнах, ни в терактах.

В палатке, в которой проходило совещание, повисла напряжённая тишина. Никто не задавал никаких вопросов. Каждый по-своему обдумывал услышанное. Молчал и Рони. А потом, как бы стряхнув свои мысли, сказал:

– Ну, всё, ребята! А теперь за дело. Мы обязательно выиграем, и, может быть, на этот раз окончательно.

Вернувшись к себе на базу, я первым делом связался с полковым медпунктом, представился и попросил связать меня с врачом. Через некоторое время в трубке прозвучал приятный женский голос.

– Капитан медицинской службы Мирьям Котовски слушает.

Я снова представился. А потом мы обсудили, как будем взаимодействовать в случае, если в этом будет необходи-

мость. Она поинтересовалась, сколько лет я уже практикую, какие виды помощи я смогу оказать непосредственно у себя, в своём медицинском пункте, и очень была рада тому, что я хирург и, тем самым, довольно большую часть первых медицинских процедур и даже операций смогу провести непосредственно у себя. И потом сообщила, что амбуланс с соответствующей бригадой медиков будет выслан к нам завтра утром.

А в конце нашего разговора я спросил:

– Мирьям, что говорят у вас? Действительно, велика вероятность того, что будет война.

– Да, Йонатан. Видимо, на этот раз нам предстоит большая работа. Остаётся надеяться, что это будет последняя война. Ну, сколько ещё можно жить под постоянной угрозой нападения, каждый раз волнуясь за жизнь и здоровье своих близких. Хорошо было бы жить где-нибудь в Швейцарии или Америке. Там людям не понятно, каково это постоянно находиться в состоянии страха перед военной угрозой. Они не осознают, что если не будет нас, то и они окажутся в таком же положении, в каком сейчас находимся мы.

Мы попрощались, договорившись снова связаться завтра утром. Уже поздно вечером я собрал весь медицинский персонал, а также бойцов охранения.

Окончательно были распределены обязанности и режим работы каждого в условиях боевых действий нашего батальона. Определил, кто и на каком бронетранспортёре будет отвечать за вывоз раненых с поля боя, кто останется на территории медпункта и будет заниматься приёмом раненых и, если понадобится, отправкой их в тыловой медсанбат или к вертолётной площадке, откуда они будут переправлены в ближайшие больницы, а также, кто будет ассистировать мне или Олегу в тех случаях, когда понадобится проведение операции на месте.

Ночь прошла беспокойно. Я никак не мог уснуть. В голову приходили разные мысли. А когда я всё-таки забылся, мне вдруг приснилось, что я в своей больнице, а на операционном столе лежит Руфь. Она ранена в грудь. Я прикасаюсь к её нежной коже и всё никак не решаюсь сделать надрез, чтобы вынуть пулю. А рядом стоят Соня и Руфинка. Они смотрят на меня ожидающими испуганными глазами, а у меня дрожат руки, и я никак не могу с собой справиться, а только глажу и глажу её, такое любимое, тело. И тогда Соня отодвигает меня, наклоняется к груди Руфи, целует её, а потом своими зубами вынимает пулю. Пуля со стуком падает на пол, а Соня прижимает свою голову к неповреждённой груди, и я вижу, что Руфь своей рукой гладит Сонины волосы. Глаза её открыты. Она с грустью смотрит на меня, а потом устремляет свой взгляд куда-то вверх.

– Боже, отпусти меня. Я не хочу никуда уходить. Вот они, мой муж и моя доченька. Дай мне с ними побыть хотя бы немного. Прошу тебя. Ведь, Ты милосердный.

Вдруг раздался какой-то треск, и всё исчезло. Я проснулся. Какая-то тень соскользнула со стола и исчезла на выходе из палатки. Мои глаза были мокрыми от слёз. Я встал, подошёл к столу и понял, что это был какой-то зверёк, который позарился на наш продуктовый пакет и сбросил его на пол. Мой сон как рукой сняло. Я вышел из палатки. Вокруг была глухая тишина, и только серп луны висел в чёрном небе, слегка серебря верхушки деревьев. Я углубился в лес. Под ногами потрескивали сухие ветки, а перед глазами вновь возникла картина привидевшегося сна. О чём он, этот сон? Почему Руфь? Говорят, что во сне начинает работать подсознание. Оно собирает воедино события, факты, пролетевшие мимо внимания человека, а также его тайные или явные мысли, и из всего этого воссоздаёт картину сна. И есть люди, толкователи снов, которые могут предсказать

по нему, что ожидает тебя в ближайшем будущем. Так что же подсказывает мне моё подсознание? Почему оно напомнило мне о том, что давно ушло...

Начало рассветать. Лес стал наполняться чириканьем и гомоном ранних птичек, иногда прерываемых вскриками зелёных попугаев, которые небольшими стайками перелетали с одной верхушки дерева на другую. Цвет их оперения и длинные, напоминающие сложенный веер с чётко очерченными краями, хвосты, а также зелёные головки со светло-коричневыми изогнутыми клювами, отличали их от остальных птиц и говорили об их избранности, аристократичности.

У дальнего дерева протопала, переваливаясь с боку на бок, парочка ежей, неся на своих иголках опавшие жёлтые листья. Вдруг взмыл и повис над поляной, разметав длинные крылья, ястреб, высматривая на земле своими зоркими глазами добычу. Мирная картина обычного осеннего утра. И, казалось, ничто не может нарушить её. Но мы то, люди, расположившиеся в этом лесу, знали, что пройдёт немного времени, и всё это, весь этот покой и гармония, будут грубо нарушены.

И не в наших силах предотвратить ожидаемое.

Я вернулся к себе на базу. Олег, с которым мы спали в одной палатке, уже встал. Мы перебросились парой фраз, и тут вдруг ожила связь с комбатом.

– Йони, поднимай своих. Они начали раньше. Толпы сирийцев движутся к нашей границе. Судя по тому, что временно в их тылу наблюдается оживление в боевых частях, принимаем готовность по варианту №2. Ты меня понял?

– Всё понял, Рони.

Я посмотрел на Олега. Он допивал кофе, закусывая бутербродом.

– Олег, срочно поднимай весь состав. Полная готовность. Проверь бронетранспортёры. Чёрт!.. А амбуланса у нас нет!

Я тут же связался с медпунктом полка. Трубку поднял дежурный.

– Дежурный сержант Гольцекер слушает.

– Срочно пригласи врача Котовски.

Через несколько секунд я услышал уже знакомый мне голос Мирьям. Чувствовалось, что она тоже встревожена.

– Йонатан, это ты? Амбуланс уже отправлен. Скоро будет у вас. Старший бригады, ортопед из больницы Бейлинсон, Ури Нахман. Как у тебя дела?

– Всё в порядке, Мирьям. Ну, что, пожелаем друг другу успеха.

– Да, Йонатан. И особенно нашим солдатам, которые там, впереди, первыми встречают врага. Кстати, поступили сведения, что что-то подобное готовится и со стороны Ливана, а также из сектора Газа. В общем, обложили нас со всех сторон. Ну, желаю тебе успеха.

Всё в лагере пришло в движение. Олег оказался хорошим организатором. Я убедился, что мне не нужно ничего проверять.

Тогда я включил свой ноутбук, и сразу натолкнулся на заявление нашего правительства. В нём говорилось о готовящейся провокации со стороны соседних арабских стран и о возможном вторжении на нашу территорию.

«Мы предупреждаем все арабские страны, а также все мировые державы, что наш ответ будет самым жёстким, и заранее отмечаем все последующие претензии и обвинения в наш адрес о «неадекватности» наших ответных мер, а также о неизбежных при этом жертвах среди мирного населения», – говорилось в заявлении. «На протяжении всего времени существования нашего государства соседние арабские страны неоднократно пытались уничтожить

нашу страну, уничтожить еврейский народ, «сбросить», как они заявляли, нас «в море». И каждый раз они терпели поражение. Но никогда мы не доводили свои победы до конца, до полного захвата и уничтожения военного потенциала стран-агрессоров, подчиняясь очередному требованию Организации Объединённых Наций. Да и не было у нас такой цели. Мы мирное государство и хотели бы жить в мире со своими соседями.

Но наше существование не входит в планы Ирана, Сирии, Турции, Египта, Хизбаллы и Хамаса. И только этим объясняется то напряжение на наших границах, которое возникло в данный момент и которое чревато развязыванием очередной войны. Поэтому мы предупреждаем всё мировое сообщество в лице ООН, в том числе, и арабские страны, что на этот раз тактики «сдержанного ответа» больше не будет. И, если понадобится, мы применим всю мощь наших вооружённых сил, и доведём эту войну до окончательного победного конца. И пусть не тешат себя наши враги тем, что и на этот раз их спасёт от окончательного разгрома очередная резолюция ООН. Больше этого не будет! Хотелось бы, чтобы это поняли и наши враги и наши «друзья» из других стран».

Да, столь решительного и категоричного Заявления ещё никогда не делало наше правительство. Кажется, наконец, мы избавились от своей галутной покорности судьбе. А ведь только так можно выжить в этом, обезумевшем от ненависти, мире.

Меня порадовало это заявление, вселило уверенность в том, что на этот раз мы победим и, может быть, победим окончательно и, наконец, сможем жить спокойно, без постоянных угроз для жизни наших детей и близких. И в этот момент я услышал звук подъехавшей машины, а следом отдалённый треск автоматных очередей. Я вышел из

палатки. У входа в наш лагерь стоял амбуланс. Из кабины водителя вывалился высокий, мощного телосложения, мужчина с гривой вьющихся чёрных волос и маленькой серой кипой на крупной голове. Какое-то время он стоял у машины, осматриваясь по сторонам, прислушиваясь к доносящимся звукам стрельбы и дожидаясь, когда из неё выйдут другие члены его бригады, а затем направился ко мне.

– Узи, – отрекомендовался он басовитым голосом, пожимая своей огромной лапищей мою руку. – Прибыл в ваше распоряжение.

– Йонатан, старший по медпункту. Рад вашему прибытию. По-моему, вы прибыли вовремя.

– Да, кажется, буза началась. Думаю, что нам предстоит большая работа.

Затем он представил мне своих помощников, санитару Давида и медсестру Дину. Что-то знакомое показалось мне в этом имени, Дина. Я более внимательно взгляделся в эту женщину, и узнал. Это была, тогда ещё девушка, старшая в группе солдаток на наблюдательном пункте около поселения Бейт-Барух, в состав которой входила и Руфь.

– Дина, а ты меня помнишь?

– Да, я сразу узнала тебя. Ты не сильно изменился. Только тогда ты был солдатом, а теперь, я вижу, капитан медицинской службы.

– Сколько времени прошло с тех пор. И вот, надо же, встретились. А ты поддерживаешь связь со своими друзьями?

– Поддерживала. Мы даже иногда встречались в кафе в Тель-Авиве. А когда Мирьям вышла замуж и уехала в США, мы с Руфью встретились только один раз, после её свадьбы. А потом она уехала в какое-то поселение на севере страны, где жила семья её мужа, и мы больше не виделись.

Нашу беседу прервали звуки орудийных выстрелов, доносившиеся со стороны границы. Они постепенно стали превращаться в непрерывную канонаду.

– Ну вот, наконец, дождались, – пробасил Узи.

И в это время с пронзительным свистом над нами пролетел снаряд и взорвался в лесу в полукилометре от лагеря. И сразу оживилась наша внутренняя связь. Я бросился в палатку. Звонил санитар из мотострелковой роты. Там были раненые.

– Сколько человек?

– Двое.

– Какие ранения?

– Одному потребуется серьёзная операция, а у другого ранение более лёгкое, возможно, потребуется ваше вмешательство.

– Всё ясно. Мы ждём. А что происходит на границе?

– Огромное количество сирийских танков приближается к границе. Некоторые из них уже горят. В воздухе идёт настоящее сражение. Два или три сирийских самолёта сбиты. У нас пока потерь не видно. Мы отходим на запасные рубежи, освобождая полосу вдоль границы. Такой приказ командования.

– Спасибо за информацию. Желаю удачи!

Через несколько минут привезли раненых. С первого взгляда я понял, что срочно нужно заняться тем из них, который находился в полубессознательном состоянии. Это был резервист, лет тридцати пяти. У него было осколочное ранение в правой подмышке, а также небольшие ожоги на лице и шее. Дыхание его было частым и поверхностным. Вдулись вены на шее. Первичный осмотр показал, что речь идёт о повреждении правого лёгкого с напряжённым накоплением воздуха в грудной клетке. В результате происходит сдавливание лёгкого и крупных кровеносных со-

судов. Отсюда и затруднённое дыхание и вздутость вен. После того, как я вставил между рёбер большую полую иглу, послышался свист выходящего воздуха. Сразу стало заметно ослабление шейных вен. Его тут же перенесли в реанимационный угол нашего пункта, и я передал его Олегу с диагнозом «напряжённый пневмоторакс» для срочного введения межрёберного дренажа.

После этого я вернулся ко второму раненому. Это был совсем мальчишка, видимо, недавно, призванный в армию. Его голова непрерывно моталась из стороны в сторону, по лицу обильно стекал пот. От нестерпимой боли он сильно стонал. И стон его прерывался громкими вскриками. Я бегом осмотрел его. Было видно неестественное искривление правой голени, а из наложенной санитаром тугой сдавливающей повязки сочилась кровь. Я проверил и выяснил, что признаков повреждения других важных органов не наблюдается. Приказал санитару установить капельницу и дать морфий, чтобы как-то снизить ощущение боли.

После этого я снова вернулся к первому раненому. Олег уже успел сделать межрёберный дренаж и заканчивал накладывать фиксирующие швы на коже. Раненый уже пришёл в сознание и попросил пить. Я прослушал его и понял, что лёгкие работают нормально. Значит, дренаж действует. Молодец Олег, все сделал правильно.

Я осмотрел рану, наложил изолирующую повязку и взглянул на своего помощника. Его лицо было мокрым и бледным. Ещё бы, первая операция на живом человеке. В университете они в основном тренируются на муляжах, а на практике в больнице в основном только ассистируют. Я позддравил его. Он смущённо улыбался.

После этого я вернулся ко второму раненному. Сначала наложил сдавливающий жгут на бедро, после чего снял повязку. Под ней обнаружилась небольшая осколочная

рана, из которой торчал острый кусок кости. Постепенно ослабляя жгут, я понял, что кровотечение исходит не из артерии, а из порванных мышц ноги. Я приказал санитару перебинтовать заново и наложить фиксирующую шину. Все проведённые процедуры я занёс в медицинскую карту, привязал её к руке раненого, и его отнесли в амбуланс для транспортировки в тыл.

Вернувшись к первому раненому, я увидел, что он полностью готов к транспортировке. Зафиксированы дренажная трубка и капельница, готова и медицинская карта. Я ещё раз порадовался за Олега. Раненые на амбулансе были отправлены в полковой медпункт, откуда их перевезут в ближайшую больницу, где они попадут в руки хирургов. И только после отправки наших пациентов, когда спало то напряжение, в котором мы находились всё это время, я прислушался к тому, что происходило на границе. Сплошная канонада и непрерывные разрывы снарядов и бомб говорили о том, что сражение в самом разгаре. Я связался с командным пунктом нашего батальона. Ответил дежурный по штабу.

– Говорит врач медицинского пункта батальона. Что происходит у вас?

– Здравствуй, Йонатан. Я знаю тебя. У нас идёт танковое сражение. Огромное количество сирийских танков прорвали нашу границу, но сразу же попали в огневую ловушку. Их расстреливают с небольшого расстояния наши танки и миномёты и с воздуха самолёты ракетами. Многие из них горят. Но со стороны сирийской территории продолжает двигаться целая колонна танков. Некоторым из них удалось прорваться через линию огня в пределы расположения наших пехотных рот. Там тоже идёт бой. Йонатан, а до вас они ещё не добрались?

– Пока нет. А где Рон?

Но я не дослушал ответа моего собеседника, так как к медпункту подъехал бронетранспортёр. Привезли очередных раненых. Я бросил трубку и выбежал наружу. Из бронетранспортёра на носилках выносили очередного раненого. И сразу я увидел, что приближается ещё один транспортёр. Да, работы будет много. Хорошо, что у меня санитары достаточно опытные, а то бы нам с Олегом вдвоём не справиться. И в это время приехал амбуланс, который отвёз первых раненых. Узи и Дина тут же стали нам помогать. Узи взял на себя тех, у кого ранения связаны с повреждением ног, рук, позвоночника. Дина ему ассистировала.

С этого момента время спрессовалось, перестало существовать. Раненые, раненые, раненые. Ожоги лица, рук, переломы ног, позвоночника, ранения в живот, лёгкие, голову, отравления дымом, ожоги дыхательных путей. Уколы, наркоз, разрезы, капельницы. Непрерывный приём новых раненых, отправка в больницы для госпитализации. Жестокая реальность бессмысленной войны, кровавый конвейер с двумя конечными исходами: в жизнь или в небытие; с двумя одинаково сильными собственными переживаниями: удовлетворенностью возвращением к жизни и беспомощной удручённостью бессилия перед смертью.

Поток раненых то нарастал, то ослабевал. Мы не замечали смены дня и ночи, не задумывались о возможности поражения самого медпункта, не знали, что возле нас тоже проходил бой между группой охраны нашего медпункта и прорвавшимся сирийским танком, не слышали рёва моторов пролетающих над нами самолётов, взрывов снарядов, достигавших леса, в котором разместился наш пункт. И только, когда один такой снаряд, прорвав укрывающий нас полог, оказался около реанимационной зоны, где работал Олег, но не взорвался, а лежал угрожающей болванкой для всех, кто был рядом, мы вдруг очнулись.

Я сразу же связался с командным пунктом батальона. Трубку поднял дежурный.

– Говорит врач батальонного медпункта, Йонатан. Нам срочно нужен сапёр, чтобы обезвредить неразорвавшийся снаряд, который находится внутри помещения медпункта. Я вынужден прекратить принимать раненых, а тех, которые уже здесь, эвакуировать.

– Я передаю трубку командиру батальона, – ответил дежурный.

После небольшой паузы я услышал голос Рона.

– Йонатан, я всё слышал. Сапёр будет через десять-пятнадцать минут. Приостановите пока всю работу. Отправьте раненых, которым требуется срочная помощь, в полковой медпункт, а остальных отведите в безопасное место, и сами отойдите подальше от снаряда.

– Мы и так уже это делаем. А что происходит у вас?

– Кажется, наступает перелом. Сотни сирийских танков горят в километровой зоне на нашей территории. Их напор постепенно ослабевает. Возможно, что скоро мы перейдём в наступление. Как только это произойдёт, я сообщу тебе. Может быть, тебе придётся переменить место дислокации твоего медпункта. Потерпи немного. А пока желаю тебе, да и нам, удачи.

Обнадёживающие новости порадовали меня. Я тут же связался с полковым медпунктом.

– Мирьям, я отправляю к вам часть своих раненых. У нас в помещении медпункта лежит неразорвавшийся снаряд. Я эвакуирую всех раненых, размещённых у нас, в лес, а тех, кому не успели оказать первую помощь, отправляю к вам. Ты всё поняла?

– Конечно, Йонатан. Мы готовы принять их. Отправляй. Йонатан, ты в курсе, что происходит на северной границе. Там вместе с Хизбаллой в бой вступили не только сирий-

ские, но и турецкие, войска. Положение очень серьёзное. Ну, ладно, отправляй своих раненых. Пока.

Я положил трубку и огляделся. Не дожидаясь моих указаний, Олег проводил эвакуацию. Всё происходило быстро и слаженно. Я ещё раз порадовался за своего помощника. Толковым оказался мой «студент». Я не стал вмешиваться, а включил свой ноутбук.

Взглянув на дату, я удивился. Было уже девятнадцатое число. То есть, война идёт уже больше трёх суток. А то, что я узнал ещё, вызвало у меня серьёзную тревогу. Тяжёлые бои идут на севере. Несколько лучше обстоят дела на южном фронте. Там наши войска заняли сектор Газа и продвинулись на Синайский полуостров. Иордания пока не вступила в войну, но местные палестинцы проводят постоянные провокации на нашей границе. А самое главное, это обстрел почти всех наших крупных городов ракетами из Ливана, Сирии и Ирана.

Служба тыла призывает жителей всех населённых пунктов Израиля, по возможности, не покидать бомбоубежищ. Сообщает, что будет организована доставка воды и продуктов питания.

Противоракетные установки, находящиеся на вооружении нашей армии, не справляются с таким количеством ракет. Об этом не сообщается, но, видимо, имеется много жертв среди мирного населения.

И я подумал о своих близких. Связаться с ними у меня не было никакой возможности. Как они там? Где сейчас опасней находиться, здесь, на передовой, людям, имеющим оружие и боевую технику для своей защиты, а враг, вот он, перед тобой, и ты можешь поразить его; или там, где ты беззащитен, враг невидим, а смерть падает сверху?

На грузовом джипе приехали два сапёра. Один из них прошёл внутрь медпункта, присел около лежащего на зем-

ле снаряда, что-то выкрутил из него, а затем они уже вдвоём, вынесли снаряд наружу, положили в грузовую часть джипа и уехали.

Наступила четвёртая ночь после начала боевых действий. При свете фонарей мы начали реэвакуацию раненых. И вскоре снова медпункт стал функционировать в рабочем режиме. Но почему-то уменьшился поток раненых. Я прислушался к тому, что происходит в районе боёв. И мне показалось, что непрерывный звук канонады, который мы слышали на протяжении всех этих дней, стал ослабевать.

Тогда я решил снова позвонить на командный пункт батальона. И когда на связи оказался Рон, после взаимных приветствий я спросил у него:

– Рон, какая обстановка у вас. Что? Мы наступаем?

– Да, Йонатан, мы перешли границу, и наши танки приближаются к Кунейтре. Сирийцы сопротивляются, но отступают. Повторяется ситуация, которая была в войну Судного дня.

– А ты не знаешь, как обстоят дела на северном фронте?

– Там тоже обстановка улучшилась. Наши войска отодвинули фронт от Кирыт-Шмоны, освободили захваченные ранее Метулу и ряд других поселений и кое-где пересекли ливанскую границу. Но самое ужасное то, что они там оставили. Жителей этих поселений, в основном стариков и больных, которые не смогли или не успели покинуть свои дома и не смогли спрятаться, всех перерезали. Причём самым зверским способом: с отрезанием головы, выкалыванием глаз. И, знаешь, кто это делал? Наши израильские арабы. Ведутся массовые аресты подозреваемых в этих зверствах арабов, тех из них, которые не успели убежать на ливанскую территорию. Ну, всё, будем заканчивать. Возможно, тебе скоро придётся менять место дислокации. Жди указаний.

Метула. Там живёт Танина тётя, сестра её матери, в государственной квартире. Мы как-то ездили к ней в гости. Небольшой, красивый, тихий городок. Что стало с ней? Неужели не смогла уехать. Подошёл Олег.

– Что-то случилось?

Я вкратце передал ему содержание нашего разговора с Роном. Олег задумался, а потом сказал:

– Я иногда задумываюсь, что это за народ такой – арабы. Внешне это обычные люди. Многие из них имеют такое же образование, как и мы. Когда разговариваешь с ними, создаётся впечатление, что с ними обо всём можно договориться, что они в состоянии понять собеседника. Но вот однажды, когда мы группой в ресторане отмечали завершение семестра в институте, я, после очередной рюмки вина, разговорился со своим однокурсником-арабом. Он тоже пил вместе со всеми вино, хотя им это возбраняется. Так вот, он, в порыве откровенности, мне сказал буквально следующее: «Сейчас мы с тобой друзья, и даже пили за наши общие успехи, но если, не дай Бог, мы встретимся где-нибудь на тёмной дорожке, ты лучше не подставляй мне свою спину». Видимо их надо держать на привязи, как собак. Ведь, когда ты идёшь по улице, и навстречу тебе падает собака без хозяина, то всегда следует опасаться встречи с ней. Откуда ты знаешь, что у неё на уме. Вполне может быть, что она набросится на тебя. Её действия непредсказуемы. Так и арабы. А на счёт их звериной кровожадности. Помнишь, ещё при Арафате, когда два еврея по ошибке заехали в Рамаллу, местные арабы вытащили их из машины и линчевали, разорвали на куски. И многочисленная толпа арабов ликовала при виде растерзанных тел этих двух несчастных, ни в чём не повинных, людей. Так вот, один из них был моим дядей, маминым братом. Что чувствовал он в те минуты?

Я попытался себе представить, что чувствует человек, когда его, ещё живого, рвёт на куски озверелая толпа, и содрогнулся. Ужас! Даже для меня, хирурга, привыкшего к крови, это было нестерпимо. Я стряхнул с себя эту страшную картину, возникшую в моём воображении. Но в это время мы услышали громкий, истошный крик одного из раненых.

– Всё, Олег, за работу.

Я подошёл к кровати раненого. Это был молодой солдат Эли, совсем ещё мальчишка, получивший лёгкое ранение в ногу. Рана подживала, он уже вставал, и мы даже собирались в скором времени отправить его в часть. Я взглянул на него, и понял, солдат находится в шоке. Глаза его были расширены, и в них застыл ужас. Я понял, что его нужно отвлечь от тех видений, которые преследуют его ещё неокрепшую психику. Насколько можно спокойным голосом, обратился к нему.

– Эли, мне нужна твоя помощь.

Он затих и уже осмысленно смотрел на меня.

– Ты сможешь дойти вот до того бронетранспортёра? Там сложены противогазы. Нужно рассортировать их по размерам, разложить каждый размер отдельно. Всё это зафиксировать на бумаге. Хорошо? Мне нужна твоя помощь. Ты сможешь это сделать?

– Да, смогу. Постараюсь.

– Ну, вот, и хорошо.

Я поручил санитару, отвести Эли к машине и показать, где находятся противогазы и некоторое время понаблюдать за ним. Эли, озабоченный поставленной задачей, стал более спокойным, и я понял, что процесс выхода из шока пошёл. Теперь надо продержат его в таком состоянии ещё какое-то время, и он окончательно выйдет из стрессового состояния.

Мы с Олегом провели обход тех раненых, которые остались в нашем медпункте. Трёх из них, получивших лёгкие ранения, по их просьбе, мы отправили на бронетранспортере в распоряжение части. Потом снова были раненые, но уже в значительно меньших количествах. А вечером позвонил Рон.

– Йонатан, примерно через час к вам приедет доктор Михаэль Шац. Сегодня ночью вы должны передислоцировать свой медпункт в район Кунейтры. Михаэль уже в курсе, где и как вы обустроитесь на новом месте. Дело в том, что наши войска уже зашли на территорию Сирии, и Кунейтра очищена от сирийцев. О деталях тебе расскажет Михаэль. Но у меня к тебе другой вопрос. Как мне сообщили, ты прошёл специализацию по вопросам оказания помощи при радиоактивном заражении. Это так?

– Совершенно верно, Рон. А почему ты об этом спрашиваешь?

– Дело в том, что в районе Тель-Авива взорвалась ракета с ядерным зарядом, выпущенная из Ирана. Там большие разрушения и многочисленные жертвы. Сейчас служба тыла срочно собирает бригаду врачей, имеющих такую специализацию, для оказания помощи людям, пострадавшим от радиоактивного поражения. Так что тебе придётся сегодня ночью выехать в Рамат-Ган, где находится штаб этой бригады, чтобы завтра к девяти утра прибыть на место. Ты введи в курс дел Михаэля. От него же ты получишь и конкретный адрес этого штаба. Кстати, ты прошёл вакцинацию от радиоактивного облучения?

– Да, прошёл.

– Вот и хорошо. Ну, что ж, хочу пожелать тебе удачи, и большое спасибо за службу. Надеюсь, что мы ещё как-нибудь встретимся в более спокойной обстановке.

– До свидания, Рон. Я тоже надеюсь.

Сообщение Рона меня потрясло. Наши враги всё-таки решились на применение атомного оружия. Чем же ответили мы? Чем вообще это закончится?

Я вошёл в интернет. И то, что я там увидел, повергло меня в шок. Оказывается, одновременно с атомным нападением на Израиль Северная Корея нанесла атомный удар по Южной Корее и Японии. Сообщается об огромных разрушениях и бесчисленном количестве жертв в таких городах, как Сеул и Инчхон в Южной Корее и Хиросима в Японии. Опять Хиросима.

Многострадальный город. Сколько лет он был символом-предупреждением для всего человечества о недопустимости атомной войны. Но мир не внял этому предупреждению. Слишком вяло и неэффективно действовал, чтобы не допустить появления атомного оружия у агрессивных и непредсказуемых стран. И вот, результат. Атомная война, мировая атомная война, началась.

А какова реакция Америки и европейских стран? А что может сделать Франция, в парламенте которой почти половина депутатов-исламистов. Что может сделать Германия, которую заповилили турецкие и арабские так называемые «беженцы», и которая боится взрыва негодования в случае принятия каких-то серьёзных мер? Не говоря уже о Норвегии, Швеции и Испании, где больше половины депутатов парламента представляют исламисты, как арабы, так и коренные представители этих стран, перешедшие в ислам, и во главе которых стоят тоже поборники ислама. Ну, а Америка? О чём думают американцы, ограничившись лишь «серьёзным» предупреждением странам-агрессорам? Скорее всего, надеются, что их это не коснётся. Ведь они ограждены океанами и огромными расстояниями от очагов противостояния. Ну что ж, как всегда, остаётся рассчитывать только на себя. Но выстоим ли мы в этот раз?

Такие мысли, терзавшие мою голову, были прерваны подъехавшим джипом с моим сменщиком. Я закрыл свой ноутбук. Мы познакомились. Я представил ему свой медперсонал. После этого позвонил Мирьям, объяснил всю ситуацию и сказал, что в связи с передислокацией медпункта к ним, в полковой медпункт, будут отправлены все раненые, которые находятся у нас. Попрощался со всеми и на джипе отправился на территорию базы, где оставил свою машину.

ГЛАВА 8

Продолжается обмен бомбовыми и ракетными ударами между Турцией, с одной стороны, и Грецией и поддерживающими её военно-морскими силами Германии, с другой. Есть опасность вовлечения в этот конфликт Ирана и Сирии, а также других европейских стран.

Похоже, мы находимся на пороге третьей мировой войны.

(«Euro News», 22.09.2023)

***

Сегодня, 17.11.2023. в 4 часа 12 минут по местному времени без объявления войны Пхеньян атаковал ракетами с ядерными боеголовками города Сеул и Инчхон. Имеются большое количество жертв и серьёзные разрушения. Вооружённые силы республики Корея приведены в боевую готовность. Как стало известно, аналогичному обстрелу подверглись и города Японии.

(«The Seoul Herald», 17.11.2023)

***

И снова Хиросима (срочное сообщение)

Пхеньян пошёл на самоубийство. Сегодня утром в 4 часа 6 минут были атакованы ракетами с атомным зарядом города Хиросима, Канадзаво и остров Садо. Пока сведений о количестве жертв и причинённых разрушениях не поступало, но ясно, что таким образом Северная Корея развязала

новую и, как нам представляется, мировую, но теперь уже атомную войну.

(«Санкэй симбун», 17.11.2023)

***

В связи с ядерной атакой Пхеньяна по городам республики Корея и Японии к берегам Северной Кореи направляется авианосец «Линкольн» в сопровождении ракетных катеров и других военных кораблей. Туда же направляются корабли японских вооружённых сил. Авиация республики Корея наносит бомбовые удары по Пхеньяну и другим городам Северной Кореи.

(«The New-York Post», 17.11.2023)

***

Как сообщили почти все радио и телевизионные станции Индии, сегодня 18 ноября 2023 года с территории Пакистана в сторону столицы Индии Дели была запущена ракета с ядерным зарядом. Ракета упала в городе Хисар, не долетев до Дели всего несколько десятков километров. Кроме того, ведётся обстрел других городов Индии. В городе Хисар имеются большие разрушения и многочисленные жертвы так же, как и в других городах страны. Армия Индии приведена в боевую готовность.

(«The New-York Post», 18.11.2023)

***

Совещание проводилось в полуподвальном помещении муниципалитета Рамат-Гана. Верхний этаж и крыша были серьёзно повреждены взрывной волной, но не представляли угрозы для нижних этажей. В большой комнате за длинным столом разместились около двадцати человек, большинство из которых врачи. С некоторыми из них я был

знаком по работе, некоторых знал по конференциям, в которых принимал участие.

Я машинально пожимал им руки, приветственно улыбался, но меня беспокоила одна мысль: что с Таней? Ещё по дороге в Рамат-Ган я позвонил домой. Трубку взяла мама. Она рассказала мне, что в тот день, когда началась война, Таня была на работе в Тель-Авиве. Она позвонила домой и сказала, что бомбили город, много раненых, и её, как психолога, попросили оказать помощь пострадавшим от бомбёжки. Поэтому она не приедет на ночь домой. На следующий день она снова осталась в Тель-Авиве. Последний раз она звонила за день до взрыва ракеты с атомным зарядом, после которого связь с Тель-Авивом вообще нарушилась. Видимо, пострадали все передающие станции. Так что узнать, жива ли она, не было никакой возможности.

Я понимал, что шансов на благополучный исход почти не было, и не представлял, как дальше жить. Слава Богу, что с детьми и мамой пока всё благополучно. Ариэль тоже находится в осаде со стороны арабов из окружающих его деревень. Но пока все их атаки отбивались воинской частью, расположенной в городе, а также бойцами местной самообороны. Но предчувствие беды, связанное с неизвестностью по поводу судьбы Тани, давило на сердце.

Мои мрачные мысли были прерваны приходом генерал-майора медицинской службы Шимона Штерна. Высокий, довольно молодой, лет пятидесяти, генерал выглядел очень озабоченным. Эта озабоченность отражалась и в его карих глазах, укрытых за круглыми стёклами очков в тонкой оправе, и в торопливости движений. Он прошёл в торец стола, поздоровался и, не садясь в стоящее за ним кресло, начал с последних новостей.

– Буквально пять минут назад мне сообщили, что ракета с атомной боеголовкой взорвалась и в Иерусалиме. Так

что некоторые из вас должны будут выехать в Иерусалим в распоряжение штаба противоатомной безопасности, находящегося в больнице Адаса. Там тоже идёт мобилизация медицинских кадров из близлежащих населённых пунктов. За вами придёт специальный автобус. Те же, кто будет работать в Тель-Авиве, на своих машинах отправятся в больницу «Ихилов». К сожалению, наш «Железный купол» оказался не в состоянии справиться со столь большим количеством ракет, выпускаемых по нашей стране. Однако, одна или даже две ракеты с ядерным зарядом были им сбиты над территорией, находящейся на границе между Сирией и Ливаном. Видимо, и там имеются серьёзные проблемы. Надо сказать, что мощность заряда той ракеты, которая достигла Тель-Авива небольшая, меньше, чем та, которую в своё время американцы сбросили на Хиросиму. Но, всё равно, там большие разрушения и много жертв. Мы предполагали, что одной из основных целей для поражения будут такие города, как Тель-Авив и Иерусалим. И поэтому с самого начала войны была проведена массовая эвакуация населения из всех крупных городов. Но всё же, много жителей осталось. А потому мы имеем сейчас большое количество жертв. И вам предстоит большая и трудная работа. Могу только добавить, что эта атомная атака на нашу страну не осталась безнаказанной для наших врагов. Я думаю, что они на долгие годы запомнят этот урок.

Он снял свои очки, протёр их носовым платком, а потом продолжил.

– Насколько я знаю, вы все прошли вакцинацию против атомного заражения и хорошо знаете, что вам предстоит делать. Есть, среди вас, кто-нибудь, кто не прошёл вакцинацию? Нет? Ну и хорошо. Я не буду проводить дополнительный инструктаж. Сейчас мы определимся, кто и куда будет направлен, и нужно срочно выезжать на места. Там вам

нужно обратиться к главврачу больницы и получить дополнительные указания. На этом всё. Желаю удачи...

Больница «Ихилов» находится на границе между Тель-Авивом и Рамат-Ганом. Одна из главных израильских больниц тоже пострадала от атомного взрыва, особенно верхние этажи здания. Однако, ещё до атомной атаки нейрохирургическое и хирургическое отделения, расположенные в верхних этажах, были переведены в подземные помещения. Примыкающая к больнице подземная стоянка для машин была переоборудована под приёмный покой и операционную, где уже в полном объёме велись срочные операции, а также операции и манипуляции по оказанию первой помощи при радиоактивном поражении.

Огромное помещение приёмного покоя с сотнями больничных коек было почти полностью заполнено пострадавшими, которым оказывали первую помощь мобилизованные со всей страны медсёстры, медбратья и санитары. В дальнем углу, в отгороженном небольшом пространстве расположился «кабинет» главврача больницы и заведующего хирургическим отделением. Когда я, лавируя между больничными койками, добрался к этому «кабинету», в нём находился только главврач больницы, который с карандашом в руках склонился, как я потом понял, над картой города. Как оказалось, заведующий хирургическим отделением в это время проводил операцию очередного пострадавшего.

Я представился. Главврач был явно обрадован моим появлением. Это был известный не только в Израиле, но и во всём мире, нейрохирург, профессор Давид Иоффе. Мне очень нравились его выступления на симпозиумах врачей, в которых я тоже принимал участие. Они были наполнены не только новыми идеями, но и оптимистическим убеждением в неограниченных возможностях современной меди-

цины и неискоренимой уверенностью в то, что, в конце концов, разум победит в этом мире. А сейчас передо мной сидел старый, усталый человек, с красными от недосыпания глазами, и весь его вид отражал растерянность и недоумение от рухнувших прежних его представлений и надежд. И, видимо, увидев во мне того, с кем можно поделиться своими переживаниями, которые терзали его душу всё это время, он вдруг проговорил:

– Боже мой, как такое могло случиться? Куда движется мир? Совсем не туда, куда естественно было бы ему стремиться при современном развитии науки и человеческого разума. К дальнейшему своему развитию и процветанию. А он выбрал из всех этих достижений те, которые ведут к разрушению и уничтожению всего, что создавалось в течение столетий. Непостижимо!

Он молчал некоторое время, как бы остывая от выплеснувшихся эмоций, а потом попросил меня присесть к столу, и, придвинув ко мне карту, сказал:

– Вот здесь, – он указал на район Тель-Авива, обведённый на карте кружочком, – упала ракета с ядерным зарядом. Недалеко от этого места находится большое бомбоубежище, которое сейчас завалено обломками соседних домов. Возможно, в нём находятся живые люди, которым необходима наша помощь. Сейчас там работают службы спасения. Они разбирают завалы, пытаются вызволить из-под них людей. Там же находятся пожарные машины, наш амбуланс с санитарями и врачом Ави Коэном, а также три джипа, оборудованных для перевозки пострадавших. Но, я думаю, этого недостаточно. Здесь, на выходе, стоит ещё один амбуланс, а также джип, обеспеченный всем необходимым для перевозки раненых, который будет придан в твоё распоряжение. Тебе нужно будет выехать на помощь к Ави. В амбулансе находится около двухсот порций противоради-

ационной сыворотки, которую нужно вводить каждому из тех, кто побывал в заражённой зоне. Это предварительная мера. В больнице же их подключат к капельнице с такой же сывороткой, которая позволит в какой-то мере нейтрализовать проникшие в организм альфа- и бетачастицы. Санитар Шломо, который поедет с тобой, знает, как это делается. В джипе есть несколько канистр с дезактивирующей жидкостью, снабжённых соответствующим опрыскивателем. Каждый спасённый перед отправкой в больницу должен пройти дезактивацию. Я знаю, что всё это тебе известно, но лишний раз напомнить, думаю, не помешает. Вот, пожалуй, и всё.

Он позвонил по телефону. Тут же в кабинет вошёл крепкого телосложения молодой парень в кипе на рыжих, вьющихся волосах. Его светло-серые глаза обрамлены длинными белесыми ресницами и рыжими густыми бровями, а щеки, начиная от глаз, сплошь усыпаны светло-коричневыми веснушками.

Главврач представил его мне, а потом, обращаясь уже к нему, сказал:

– Шломо, вы с Йоси Цукерманом и Йонатаном, – он указал на меня, – сейчас срочно выезжайте в район, о котором я уже тебе говорил. Йоси и водитель уже в машине. Они знают куда ехать. Чем вам там придётся заниматься, я надеюсь, вы представляете. Итак, с Богом.

Мы вышли. Наш амбуланс стоял чуть поодаль от входа, давая свободно подъезжать машинам, привозящим очередных пострадавших. Рядом находился и джип. Я пожал руку Йоси и водителю, которого, как оказалось, зовут тоже Йоси, и подошёл к джипу. Познакомился с его водителем, его звали Дани, и объяснил ему его задачу. Все они, и Йоси, и водители, уже были одеты в защитные костюмы из процинкованной резины.

За спиной были пристёгнуты маски, которые следовало надеть при входе в заражённую зону. Мы со Шломо тоже переоделись. Казавшиеся неуклюжими, на деле, эти костюмы были очень удобными, легко облегали тело и не сковывали движений. Мы ехали по пустынным улицам города, которые в совсем недавнем времени были переполнены оживлённой и, казалось, всегда праздничной публикой. И создавалось впечатление, что город умер, что никогда больше на этих улицах не появятся нарядные люди, весёлые лица, что всё, что было, ушло навсегда. Город напоминал порушенное кладбище.

Вокруг покорёженные стены зданий, мёртвые глазницы изуродованных окон и пустынные, заваленные обломками кирпича и бетона, дворы и палисадники. Нам навстречу попадались лишь редкие машины со спасателями, пожарные машины и амбулансы. Кое-где работали бульдозеры, расчищающие улицы от обломков разрушенных или полуразрушенных зданий. Нам приходилось останавливаться в ожидании освобождения проезда. Во время одной из таких остановок мы увидели, что из дома на противоположной стороне улицы, качаясь и еле передвигая ноги, вышел человек. С его плеч, груди и рук свисали лохмотья одежды вместе с кусками кожи. Как по команде, мы выскочили из машины, захватив с собой носилки. Увидев нас, он повернулся и хотел возвращаться к дому, повторяя:

– Михаль, дети! Там дети. Спасите их! Квартира шесть.

Мы насильно уложили его на носилки. Шломи и Йоси отнесли его к джипу, а я бросился в дом. Квартира номер шесть находилась на втором этаже. Дверь в квартиру была открыта. Заглянув в одну из комнат, я увидел два обгоревших до черноты трупа. Я понял, что здесь моя помощь уже не нужна. Открыв дверь в противоположную комнату, я увидел сидящую на кровати девочку лет восьми с опу-

щенной понуро головой, в забрызганной рвотой пижаме. Она не плакала, а только, слегка покачиваясь, тихо подвывала. Лицо и руки её были покрыты красными пятнами кровоизлияний. Но она была жива.

Я подхватил её на руки, она не сопротивлялась, и вынес на лестницу. Навстречу мне уже поднимались Шломо и Йоси. Я передал девочку Шломо, а мы с Йоси стали обходить другие квартиры этого трёхэтажного дома. Большинство из них были пустыми. Но в одной из них в обгоревшем и провалившемся кресле сидел человек, то, что ещё недавно было человеком. Обугленное черное мясо плеч, рук, головы обнажало его кости, также закопчённые. Это невозможно было видеть без содрогания даже мне, много повидававшему и ожогов, и ран, и даже смертей. Йоси, сопровождавший меня, выбежал из комнаты. То, что он увидел, вызвало у него рвоту. Маска, которая была надета на его лицо, наполнилась этой рвотой, и ему нужно было немного прийти в себя от увиденного и очистить маску.

Когда мы вернулись к машинам, Шломи доложил, что все необходимые предварительные процедуры пострадавшим уже сделаны. Я тут же отправил их на джипе в больницу, а сами продолжили пробираться к нашей конечной цели.

К моменту нашего прибытия бомбоубежище уже было почти полностью освобождено от обломков. Эскаватор, который занимался расчисткой завала отъехал в сторону, и спасатели вручную пробирались к входу в убежище. Проход был узким, и поэтому наши машины ожидали своих пациентов на некотором расстоянии от него.

Пожарники непрерывно поливали из своих шлангов завалы, ограничивающие проход, а также спасателей, пробиравшихся к входу в бомбоубежище, смывая с них радиоактивную пыль. Загрязнённая вода стекала в канализационный люк, тоже предварительно расчищенный и откры-

тый. Рядом с нами стоял автобус, готовый принимать людей, способных самостоятельно передвигаться и перенести транспортировку в сидячем положении. Перед ним, готовые принимать пострадавших, стояли несколько джипов, грузовая крытая машина и амбуланс.

Я подошёл к Ави, врачу, сопровождавшему бригаду, которая выехала сюда ещё до нас. Мы познакомились и обговорили, как будем действовать, когда откроют, наконец, вход в убежище. Уже стали слышны стуки, видимо, по двери и приглушённые крики, доносившиеся изнутри. Замурованные под завалом люди давали знать, что они ещё живы и ждут спасения. Наконец, вход был открыт. Из него стали выходить люди, находившиеся в заточении около суток. Их поливали из шлангов, а они хватали ртами воду, пытаясь утолить мучившую их жажду. Тех, кто в состоянии был самостоятельно передвигаться, спасатели провожали в автобус. А мы – я, Ави и санитары, наконец, смогли проникнуть внутрь.

Там были люди, которым нужна была наша помощь. Всем им, без исключения, вводилась противорадиационная сыворотка, после чего они выпивали стакан воды с растворёнными в ней укрепляющими добавками. Тех, кто даже при нашей помощи и помощи спасателей не мог передвигаться, мы выносили на носилках и помещали в джипы, которые тут же увозили их в больницу.

Я обратил внимание на женщину, сидящую на полу в луже рвоты. На руках она держала завернутого в одеяльце маленького ребёнка. Ребёнок не плакал. Молчала и женщина, тупо уставившись куда-то в пространство. Я подошёл к ним. Лицо и руки женщины были сплошь покрыты кровоподтеками, кое-где прорвавшимися наружу. Лицо малыша было тёмно-красным от запёкшейся крови. И это было удивительно. Они не должны были так пострадать. Значит

сюда, несмотря на толстые стены, всё же каким-то образом проникло гамма-излучение. Я спросил у женщины:

– Вы можете говорить?

– Да, – с трудом ответила она.

– Ребёнку делали прививку от радиации?

– Не успели. Мы только приехали из-за границы и не успели.

И тут я услышал звук работающего вентилятора. Оказывается, несмотря на то, что бомбоубежище было завалено, вентиляция при этом не пострадала и активно закачивала внешний, уже заражённый, воздух в закрытое помещение, а, возможно, проникло и гамма-излучение. А женщина с ребёнком как раз находилась в таком месте, куда поступал этот воздух. Нужна была их срочная госпитализация. Мы с Йоси на носилках вынесли их из убежища, поместили в свободный джип, и я отправил их в больницу в сопровождении Йоси.

Оглядевшись, я увидел, что начал отъезжать автобус с пострадавшими. За ним тронулись и другие машины. И я понял, что операция спасения закончилась. Но куда-то пропал Шломи.

И тут я увидел, что Шломи вместе с одним из спасателей из соседнего, почти полностью разрушенного, дома выносят носилки с ещё одним пострадавшим. Когда они приблизились, я увидел старого человека с обгоревшей бородой, с кусками кипы на остатках волос на голове. Всё его лицо и верхняя часть туловища покрыты ожоговыми волдырями. Но он ещё дышал. Было понятно, что спасти его уже нельзя, но и оставить его здесь умирать я не имел права. Я сразу же облил его дезактивирующей жидкостью, сделал обезболивающий укол, ввёл противорадиационный раствор. А затем мы поместили его в амбуланс, включили сигнализацию и на большой скорости поехали в больницу.

ГЛАВА 9

Срочное сообщение

Сегодня, 18 ноября 2023 года в 9 часов 21 минуту Вашингтон был подвергнут атомной атаке. Запуск ракеты с атомным зарядом был произведён предположительно из северной части штата Виргиния. В результате удара имеются огромные разрушения правительственных, военных и гражданских объектов, а также многочисленные жертвы среди мирного населения. Спецслужбы проводят операцию по обнаружению преступников. Пока не известно, пострадал ли при этом президент страны. Можно не сомневаться, что имел место теракт, совершённый исламскими боевиками.

(The New-York Post ,18.11.2023, вечерний выпуск)

***

Последние сведения о теракте

В настоящий момент, федеральная служба безопасности штата Виргиния обнаружила место запуска ракеты с ядерным зарядом. Им оказались болотистые склоны горной системы Аппалачи. При высадке десанта в район расположения ракетной установки, находящиеся там террористы подорвали себя и саму установку. Однако двое из них не погибли, а получили тяжёлые ранения, и на вертолёте были отправлены в больницу столицы штата Виргиния, г. Ричмонд. Там же были обнаружены ещё три ракеты с ядерными боеголовками иранского производства, которыми терро-

ристы не успели воспользоваться. Пока неизвестно, какие цели предполагалось поразить. Скорее всего, Нью-Йорк, Филадельфия, Бостон. Именно эти города были обозначены на карте, найденной неподалеку от взорванной ракетной установки. И пока не ясно, почему эти ракеты оказались неиспользованными. Но можно себе представить, что бы стало с Америкой, если бы замысел террористов увенчался полным успехом.

(The New-York Post, 19.11.2023)

***

Согласно сведениям, полученным из Агентства Ассошиэйтед Пресс, в атомной атаке на Вашингтон принимали участие двадцать два террориста из четырёх мусульманских стран: Ирана, Турции, Саудовской Аравии и Сирии. Пока не поступили сведения о том, каким образом могло такое случиться, что столь большая группа террористов, имеющая ракетную установку и ракеты с ядерными боеголовками, могла незамеченной находиться на территории США. Где были ЦРУ, ФБР и другие службы разведки и безопасности, где была наша полиция? Кто виновен в столь огромном и трагическом провале? Америка ждёт ответа на все эти вопросы и мер по недопущению подобного в будущем.

(The New-York Post, 26.11.2023)

***

Трагедия века

Как передаёт Агентство Ассошиэйтед Пресс один из двух террористов, совершивших теракт в Вашингтоне и захваченных службой безопасности, по имени Ахмед Абу-Ала, уроженец Саудовской Аравии, скончался в больнице Ричмонда. Второй террорист получил ранение средней степени тяжести и, после проведённой операции, пришёл в

сознание и смог дать первые показания. Ниже мы приводим полный текст этих показаний, любезно предоставленных нам службой безопасности.

«– Назовите своё полное имя.

– Сейчас меня зовут Ильяс Эль Дин. Но моё настоящее имя Артур Войцехович.

– Год и место рождения?

– 1986 год. Город Гомель. Белорусия.

– Очень интересно. А как Вы оказались в группе исламских террористов?

– В 1991 году наша семья иммигрировала в США. У меня мама еврейка.

– А где сейчас живут Ваши родители?

– Не знаю. Думаю, там же, где и раньше, в Бостоне. Я уже 13 лет не мог поддерживать с ними связь.

– Ну а всё же, как Вы оказались в группе террористов?

– Я закончил колледж по специальности проектирование и обслуживание ракетной техники. В 2009 году завербовался в армию, а с 2010 года, в составе подразделения американской армии, проходил службу в Ираке. Был инструктором по обслуживанию ракетных установок. Во время одной из операций наше подразделение было атаковано шиитской группировкой. И я был захвачен в плен. Боевики отвезли меня в район, граничащий с Ираном. Допрашивали с пристрастием. Даже выбили два зуба. Но когда узнали о моей специальности, то предложили сотрудничать с ними. Я сначала отказался, и тогда они создали для меня невыносимые условия. О, не дай Вам Бог пережить такое. Извините. Я не имел в виду именно Вас. Это так, к слову пришлось. Поместили меня в подвал, кормили чем-то солёным, но не давали пить. А больше всего я боялся крыс. Представьте себе, ты уснул и вдруг чувствуешь, как по тебе пробегает кто-то и кусает за ухо. Да, было и такое. Я боялся спать, чтобы не под-

вергнуться их нападению. А сон-то берёт своё. А они тут как тут. Ежедневно меня вызывали на «разговор» и каждый раз предлагали работать у них по моей специальности. И однажды, после такой ночи, я не выдержал и согласился. А куда было деваться? Вы бы не согласились? Ой, простите. Опять я что-то не то говорю. Ну, так вот, и я согласился. После этого они переправили меня в Иран, где заставили принять ислам, и тогда я получил своё новое имя – Ильяс Эль Дин. Какое-то время я даже посещал местный медресе. Изучал персидский язык и Коран. Затем несколько лет, ещё в Иране, я занимался освоением и усовершенствованием иранских ракетных установок. И приходилось работать на совесть. И надо сказать, много чего сделал в этом деле. Мой труд оценило руководство. Мне была выделена небольшая, но отдельная, квартира. Я даже женился на симпатичной иранской девушке. Зовут её Байсан. У нас родилась дочь. Ей сейчас пять лет. Как-будто всё складывалось терпимо. Всё-таки какая-то жизнь. Но всё равно я чувствовал себя там чужим. Мне всё время казалось, что за мной следят.

– А здесь, в Америке, Вы не были женаты?

– Нет. Была у меня девушка, но до свадьбы дело не дошло.

– Ну, хорошо. Продолжайте.

– А в конце 2022 года меня и ещё группу специалистов по ракетным установкам тайно перебросили в Штаты, в обезлюдившее поселение Калико, в пустыне Мохаве¹. И тогда я понял, что это конец. Конец даже той жизни, с которой я

---

1 Пустыня Мохаве расположена на Юго-Западе США. Занимает значительную часть южной Калифорнии, юго-запад Юты, юг Невады и северо-запад Аризоны (всего 35000 кв. км). В этой пустыне находится обезлюдивший «город-призрак» – поселение Калико, жители которого когда-то работали на местных серебряных рудниках. По мере истощения серебра, рудники были заброшены, а жители поселения покинули его. Во второй половине 20-го века Калико превратился в объект экстремального туризма. Но, начиная с 2008 года, когда разразился мировой экономический кризис, популярность его резко упала и бывший «город-призрак» снова опустел.

как-то смирился. Там, в заброшенных серебряных рудниках, находящихся глубоко под землёй, была оборудована мастерская по изготовлению ракетной установки. А когда из Ирана прибыли два специалиста-ядерщика, я понял, что замышляется грандиозный теракт. Уже тогда у меня появилась мысль бежать. Но осуществить побег было невозможно. Они ценили мою работу и относились ко мне хорошо, но я постоянно ощущал их настороженность. Да и куда убежишь в пустыне. Вот такие веники.

– А при чём тут веники?

– Да это у меня такая поговорка. Вы не обращайте внимание. Это мой отец так говорил, когда хотел подытожить то, о чём рассказывал перед этим. Ну, так я продолжаю. Ну вот. А когда установка и ракеты с ядерным зарядом были полностью готовы, приступили к их транспортировке в район, близкий к важным административным центрам Америки.

– Вы уже тогда знали, что готовится теракт с применением ракет с ядерной начинкой?

– Нет, тогда я об этом не знал. Не знал я, что ракеты начинены ядерным зарядом. Это я узнал сейчас. Не знал и где готовится этот теракт. Ничего я не знал. Вот, такие веники.

– Ну, а что было потом?

– Потом установку разобрали, и отдельные её части были уложены в ящики из толстой фанеры. Ракеты в свинцовых, как я теперь понял, футлярах тоже поместили в такие же ящики. На каждый ящик был наклеен ярлык. После этого, на большой крытой фуре под видом оборудования для металлообрабатывающего завода в городе Денвер, мы повезли наш груз. Были изготовлены и соответствующие сопроводительные документы. Перед тем, как отправиться в путь, нам всем надели пояса смертников, приводимые в

действие дистанционным устройством, которое находилось у старшего группы, Раджи-аль-Хусейни. В ходе движения наклейки и документы менялись в зависимости от следующего «пункта назначения». Следующими такими пунктами были Омаха, Сент-Луис, Луисвилл, Ричмонд.

– Вы говорили, что они Вам не доверяли. Почему же они всё-таки Вас взяли с собой? Ведь в пути, когда все вы могли иметь контакт с полицейскими или просто с американцами, была опасность того, что Вы каким-то образом сможете их выдать.

– Совершенно верно. Но теперь я был им нужен, как человек, обладающий соответствующей внешностью и безукоризненным американским произношением. Перед тем, как отправиться в путь, Раджи пригласил меня в свою палатку, передал мне костюм делового американца, и объяснил мне мою роль «сопровождающего» срочный груз. Он сказал, что очень доволен моей работой и вполне доверяет мне, но чтобы я знал, что от каждого из нас зависит очень многое. Любая ошибка каждого может привести к срыву операции. Поэтому совершивший такую ошибку будет тут же ликвидирован. Это касается всех, участвующих в операции. И об этом знают все члены группы. Вот тогда я понял, что у Раджи имеется возможность подорвать каждого из нас по отдельности. Отдельная индивидуальная кнопка. Вот, такие веники...

– А что было дальше? Как вам удалось преодолеть столь длинный путь через всю страну, от Калико до штата Виргиния? Что, вас ни разу нигде не останавливали, не проверяли, что за груз вы везёте?

– Да, удалось. Я сейчас обо всём расскажу. Итак, мы тронулись в путь. Я ехал на легковой машине, за рулём которой сидел Раджи, и выполнял роль «ответственного» за доставку груза. Наше движение по дорогам Америки продолжалось

несколько дней. Передвигались мы, в основном, по большим трассам с оживлённым движением, но ночевать заезжали в маленькие городки или посёлки. А иногда ночевали и просто в лесу. Всякий раз, когда нас останавливал полицейский патруль, я выходил из машины, предъявлял документы, отвечал на вопросы полицейских, предъявлял груз. Но однажды, между Омахой и Сент-Луисом полицейский потребовал открыть один из ящиков для досмотра. Но и это было предусмотрено. Я показал ему «договор» с заводом, которому мы должны были поставить оборудование, где указывалась дата и даже время поставки, и оговаривалась сумма штрафа, за каждый час задержки. Я сказал полицейскому, что лучше эту сумму мы поделим с ним пополам, чем я буду платить её за несвоевременную доставку. И он согласился. Всё это делал я под пристальным вниманием Раджи, который хорошо знал английский язык. Я всё время опасался за свою жизнь, и всё же надеялся, что подвернётся момент, когда я смогу как-то спастись. Я понимал, что живыми нам никому отсюда не выбраться. Но они идут на это сознательно. Они фанатики. Им Аллах гарантирует сладкую жизнь на небесах. А меня там никто не ждёт...

– Ну, что ж вы замолчали? Продолжайте свой детектив.

– Какой там детектив? Чтобы понять моё состояние, нужно представить, что чувствует человек перед неминуемой смертью. Ну, ладно об этом... Так вот, наконец, мы выехали на трассу, ведущую к Ричмонду. Дорога шла через густой лес. Через какое-то время мы свернули с трассы на заброшенную просёлочную дорогу. Из леса к нам вышли два человека. Один из них сел к Раджи, а мне пришлось перебраться в кузов грузовика, где за ящиками под натянутым брезентом находились другие члены нашей команды. Проехав по этой дороге ещё несколько километров, мы остановились. Здесь нас ожидали ещё три человека, кото-

рых я раньше видел в Калико. Раджи приказал разгружать наш груз. Когда фура освободилась, Раджи велел водителю уезжать, а мы стали загружать то, что привезли, на находящуюся здесь легковую машину с кузовом и небольшим прицепом. За три поездки весь груз был перевезён, а мы пешком направились к тому месту, где он был разгружен. Дальнейшая переноска нашего «багажа» производилась вручную. Мы продвигались по болотистой местности по заранее уложенным здесь широким доскам. Конечным пунктом была небольшая площадка твёрдой почвы. Такой островок, окружённый болотом. Здесь находились ещё четыре человека. После того, как перегрузка закончилась, Раджи приказал тем людям, которые нас встречали, пройти по всему нашему пути, по возможности поднять траву, примятую нами, и убрать доски, то есть замести следы. И вот тут я понял, что обратного пути не предусмотрено, что моей могилой будет это болото. Согласитесь, не очень радостная перспектива...

– Да, не радостная. Я понимаю Ваши чувства. Может быть, сделаем перерыв в нашей беседе? Вы устали?

– Да нет, не стоит. А вот понять мои чувства, господин следователь, невозможно, их нужно пережить. Нельзя понять, что творится в душе и голове у человека, приговорённого к смерти, не побывав в его шкуре. Но, не будем об этом. Ну, так я продолжу, да? Понимаете, когда над тобой нависает смертельная угроза, то мозг начинает активно работать, искать выход. И у меня родился, хотя и призрачный, но всё же какой-то план спасения. Я решил освободиться от пояса смертника. Просто сбросить его я не мог. Во-первых: это сразу будет заметно. А во-вторых: закреплён он на теле так, что снять его без посторонней помощи невозможно. И тогда я решил, что нужно каким-то образом удалить из него взрывчатку. Вы видели когда-нибудь

пояс смертника? Нет? Тогда я поясню. Это широкая полоска плотной ткани, на которой закреплены несколько цилиндрических мешочков, в которых находится взрывчатка и поражающие кусочки металла. Они соединены со взрывателем. А где находится взрыватель и как он соединяется со взрывчаткой, мне было неизвестно. Так вот, я решил как-нибудь вскрыть эти мешочки и освободить их от взрывчатки. Пока это была просто идея. А как её реализовать, я пока не знал.

Ну, так вот. Нам предстояло собрать пусковую установку. Я подумал, что для того, чтобы сделать это без вспомогательной техники, вручную, потребуется не меньше трёх дней. За это время я должен был что-то придумать. Первый вечер на этом болотном «островке» был посвящён отдыху, молитве и трапезе. Спать мы улеглись прямо на земле, в одежде, на надувных прорезиненных матрасах. Вы представляете себе глухую ночь среди болота, когда не слышно ничего, кроме непрерывного въедливого жужжания комаров, тучами носящихся над тобой, и криков каких-то ночных птиц. И тогда, лёжа на этом матрасе и под аккомпанемент комариного оркестра, я и нашёл решение. Учитывая то, что мы оказались в полной изоляции от окружающего нас мира и что войти в контакт с кем-то посторонним, а тем более, сбежать, просто невозможно, я рассчитывал, что наблюдение за мной ослабевет, и я смогу выполнить задуманное. Я прощупал мешочки на поясе смертника. Они были изготовлены из такой же плотной ткани, как и сам пояс. Прорвать их руками было невозможно. Требовался острый предмет. Стараясь делать это незаметно, я обшарил землю вокруг матраса, надеясь найти какой-нибудь заострённый камень, но ничего не нашёл. И вместе с тем настроение моё изменилось. Мне казалось, что всё-таки есть путь к спасению. И я уснул.

На бетонной площадке, подготовленной членами группы, прибывшими раньше, на которой должна была быть смонтирована установка, с самого утра начались монтажные работы. К вечеру мы установили только её основание. К концу работ мне удалось незаметно вытащить из своего рабочего ящика отвёртку и спрятать её за пояс смертника. А ночью, когда мы улеглись спать, я дождался, когда все уснут, и с помощью отвёртки выкопал небольшую ямку рядом со своим матрасом. Земля была рыхлой, и эту часть своего плана мне удалось проделать довольно быстро. Затем по очереди с помощью всё той же отвёртки проделал отверстия в верхней части мешочков. Труднее всего было освободить их от взрывчатки. На это у меня ушло часа два...

– Господин следователь, может быть вам не интересны эти подробности? Да и к делу они никак не относятся.

– Относятся, относятся. Вы продолжайте.

– Ну, хорошо. Итак, я вытащил взрывчатку и металлическую начинку из мешочков, сложил всё это в вырытую ямку и присыпал её землёй. А затем наполнил мешочки землёй. Это для конспирации. Когда закончил, сердце моё бешено билось. Уснуть я уже не мог: и потому, что был сильно возбуждён, и, кроме того, боялся, чтобы не просыпалась из мешочков земля.

Весь следующий день мы собирали саму установку. Улучив подходящий момент, я вернул отвёртку назад, в рабочий ящик, а взамен взял моток изоленды. Она мне понадобилась, чтобы заклеить отверстия на мешочках. И это я сделал в следующую ночь. Лишь на четвёртый день установка была готова. И тогда к работе приступили специалисты по наведению ракеты на цель. Они расстелили карту какого-то района Америки, где было отмечено красным кружочком наше местоположение. И ещё я успел увидеть

на ней Нью-Йорк, Филадельфию, Вашингтон и ещё какие-то города. После этого всем посторонним приказано было отойти на приличное расстояние. Был произведён запуск ракеты.

И тут произошло непредвиденное. Не выдержала площадка, на которой стояла установка. Один край её опустился. Дальнейший запуск ракет был невозможен. Нужно было каким-то образом выровнять основание установки. Все попытки исправить ситуацию ни к чему не привели. Раджи психовал, грозил расстрелять тех, кто делал эту площадку. Но становилось темно, и пришлось отложить работы до следующего утра. А утром над нами стал кружить вертолёт. По мегафону нам приказали сложить оружие и всем лечь на землю. Когда мы не подчинились, раздалась предупредительная пулемётная очередь. И, видимо, тогда Раджи нажал на свои кнопки. Очнулся я, когда меня несли на носилках. А потом снова, уже в больнице. Вот, такие веники. Одного не пойму, почему подорвался и я. Ведь на мне не было взрывчатки.

– Скорей всего, Вы пострадали от взрыва пояса на ком-то, кто был рядом с Вами.

– Да, возможно... Господин следовательно, перед этим допросом Вы мне обещали, что всё, о чём я здесь расскажу, не станет достоянием прессы, чтобы это не повредило моей семье там, в Иране. Наш договор остаётся в силе?

– Да, конечно. Можете не беспокоиться.

– Спасибо.»

Редакция газеты поясняет, что эти материалы стали ей доступны лишь после того, как нашим секретным службам стало достоверно известно, что жена и дочь Артура Войцеховича погибли в результате атаки израильских ВВС в ответ на ядерный обстрел Израиля с территории Ирана. Кроме того изменена истинная фамилия нашего «героя».

***

Около приёмного покоя больницы Ихиллов стояли ещё два амбуланса. Из одного из них выносили носилки, на которых лежали два полугодовалых младенца, видимо, близнеца, укрытых общей простынёй. По их лицам видно было, что они подверглись гамма-облучению. Вряд ли выживут. Я спросил у санитаря:

– А где их мать?

– Не знаю. Может, куда-то вышла. Мы их нашли в квартире одних. Правда, в шкатулке, стоявшей на столе, оказались их свидетельства о рождении. Мы их тоже захватили и оставили записку для матери. Ждать её мы не стали. Если она жива, то найдёт своих малышей.

Я понимал, что уже не найдёт. И неизвестно, что лучше для этой несчастной женщины, погибнуть самой или выжить и узнать, что стало с её малютками. Что люди натворили? Сколько зла внесли в свой мир?

Я вернулся к своим. Стало смеркаться. Уличные фонари не горели. На небе недвижимо висели угрюмые, тёмные, необычные для начала осени, тучи, которые вот-вот прольются тяжёлым потоком, смывая всё, что попадётся на его пути. Так и человечество накапливало, набухало злобой, завистью и ненавистью, пока не выплеснуло эту муть потоками разрушения и уничтожения всего, что было создано человеком, природой и Богом. И всё это создавало общее настроение подавленности и тягостной безысходности. И казалось, что мир обезумел и покорно катится в пропасть, даже не пытаясь сопротивляться. И то, что раньше воспринималось, как большое несчастье, к примеру, смерть ребёнка, сейчас становится чем-то обычным, рядовым, не вызывающим тяжёлых эмоций.

Шломо и водитель амбуланса при свете зажжённых фар выносили пострадавших, а я прошёл в кабинет главврача.

Он встретил меня вопросом.

– Ну, как? Много было пострадавших?

– Не очень. Всё-таки толстые стены убежища. Большинство людей, вызволенных из него, отправили на автобусе, насколько я знаю, в больницу Бейлинсон.

– Ну, хорошо, хоть так.

Он вынул из ящика стола упаковку таблеток и, подавая их мне, сказал:

– Вы, наверно, голодные? На первом этаже больницы, в фойе, организовали общественную столовую. Жители из незаражённых районов страны привезли уже приготовленную пищу. Даже с Голан и из Хайфы. Идите, перекусите. А после еды примите по одной таблетке. Это антибиотик «Биорадон» Хотя у вас и было радиозащитное обмундирование, но выпить не помешает. Всё-таки вы находились в заражённой зоне. А на втором этаже больницы оборудованы комнаты отдыха. Можете пару часов там отдохнуть, а в 11 часов вечера я жду тебя на совещание.

Я вышел на улицу. Мне не совсем было ясно назначение этого антибиотика. Да, и, что представляет собой противорадиационная вакцина, я тоже толком не знал. Когда в своё время проводился инструктаж, я, видимо, что-то пропустил, так как был очень уставшим после ночного дежурства в больнице, и меня постоянно клонило ко сну. Но если надо принять, значит примем. Возле нашего амбулansa о чём-то беседовали Шломо и оба Йоси. Водитель Йоси закрыл машину, и мы отправились в столовую. Фойе больницы преобразилось. Каждый его зал, где раньше на стульях в ожидании регистрации или приёма к врачу сидели посетители, превратился в отдельное кафе. Стояли столы, а за стойками, где проводилась регистрация посетителей, были установлены в ряд микроволновки для разогрева пищи, и находились молодые девушки, готовые обслужить любого

посетителя. Надо сказать, что недостатка в посетителях не наблюдалось. В основном это были люди в белых и салатного цвета халатах. В ожидании обеда я попытался связаться с домом, но не дозвонился. Видимо, нарушенная связь Тель-Авива с другими районами страны ещё не была восстановлена. Без всякой надежды я всё же набрал номер телефона Тани. Но и здесь меня ждало разочарование. Не работал и ноутбук. Мысль о том, что в моей жизни произошёл ещё один трагический перелом, не давала мне покоя. Я, конечно, понимал, что я не одинок в своей беде, что тысячи и тысячи людей сейчас переживают то же, что и я. Но от этого мне не становилось легче.

Обед, который нам принесла девушка в белоснежной косынке и таком же фартучке, мне показался очень вкусным. И неудивительно, ведь мы целый день ничего не ели. Всё время, пока мы обедали, прошло в полном молчании. Не о чём нам было разговаривать. Каждый думал о своём, и, видимо, каждому было о чём думать. Пообедав, мы поднялись на второй этаж и зашли в одну из бывших палат. Здесь вдоль стен и даже в центре стояли кресла, диваны и больничные койки. Кто-то спал, кто-то дремал, сидя в кресле. Из разных мест доносились негромкие разговоры. Найдя свободное место, мы смогли немного отдохнуть. Мне удалось даже подремать.

В 11 часов я снова был в кабинете главврача. Там собралось десятка полтора врачей, среди которых были некоторые из тех, кого я видел на совещании в Рамат-Гане. Присутствовали также заведующие отделениями хирургии и нейрохирургии: профессора Хофман и Лидар. Слово взял главврач больницы профессор Йоффе.

– Все помещения нашей больницы уже переполнены. Поэтому мы начали эвакуацию части пострадавших в больницы Петах-Тиквы, Ашдода, Ашкелона и даже Хайфы и

Афулы. При ашкелонской и ашдодской больницах созданы временные больничные помещения в школах этих городов. Туда мы отвозим больных, которые прошли раннюю вакцинацию ещё до начала войны или сразу после атомной атаки. Их состояние более или менее удовлетворительное. В нашей больнице мы пока оставляем тех, кто подвергся серьёзному облучению и не прошёл предварительную вакцинацию.

Какова же ваша задача? Вам необходимо эвакуировать всех людей, которые ещё остались в зоне поражения, то есть во всём Гуш-Дане. Каждый из вас получит карту того участка, за который он будет ответственен. Нужно обойти все дома своего участка, и, если там ещё находятся живые люди, их нужно будет доставить сюда, предварительно проведя дезактивацию и первичную вакцинацию. Каждому из вас будет придан микроавтобус для перевозки людей, способных перенести транспортировку, три джипа и амбуланс, снабжённые всем необходимым для оказания первой медицинской помощи, а также вода и продукты питания. Это уже для вас. Выезжать нужно срочно, и работа должна проводиться непрерывно. И чем раньше мы вывезем из района атомного поражения оставшихся там людей, тем больше человеческих жизней будет спасено.

Теперь о вашем личном поведении. Каждый раз, выезжая на свой участок, вы оказываетесь в зоне радиоактивного заражения. Поэтому все участвующие в операции спасения должны не менее одного раза в течение восьми часов проводить собственную инъекцию антирадиационной сыворотки. А через 2-3 часа после этого принимать антибиотик «Биорадон». Конечно, это будет сопровождаться некоторыми неудобствами, связанными с расстройством желудка, но придется как-то с этим смириться. Вот, пожалуй, и всё, что нужно вам знать.

После этого нам раздали карты участков, на которых мы должны будем действовать. Мне достался район города Холон, ограниченный улицами: Гистадрут, Шенкер, Миквэ Исразль, сдерот Иерушалайм и Голда Меир. Мы сразу же выехали к месту назначения. Была глубокая дождливая ночь. Мы передвигались по полузаваленным обломками разрушенных зданий пустынным улицам. Кое-где при свете фар и прожекторов работали бульдозеры и экскаваторы, расчищающие завалы, а также спасатели в защитных костюмах. Когда мы, наконец, добрались до сдерот Иерушалайм, прямо перед нами появились, едва передвигая ноги, три промокшие насквозь фигуры. Как потом выяснилось, это была семья: мать, отец и мальчик семи лет, которые всё это время просидели в своей защищённой комнате в ожидании помощи. Каждые несколько минут по очереди они выходили на улицу в ожидании, что кто-то появится и спасёт их. И вот теперь, когда они увидели свет фар наших машин и услышали шум двигателей, вышли на дорогу и отчаянно махали нам руками.

Мы тут же сняли с них мокрую верхнюю одежду, провели предварительную дезактивацию, переодели в сухую одежду, которую принёс из дома один из санитаров. При первичном осмотре внешних признаков поражения обнаружено не было. После этого Шломо, который снова оказался в моей команде, сделал им инъекцию противорадиационной сыворотки. Всё это время они дрожали от холода. Мы укутали их в одеяла, усадили в микроавтобус и тут же начали обход уцелевших зданий.

Эта часть улицы Иерушалайм состояла из домов невысокой застройки: в два, три этажа, поэтому подверглась меньшему разрушению, и вероятность того, что здесь могут находиться живые люди, была достаточно велика. И действительно, по мере передвижения вдоль этого участка

улицы, наш микроавтобус постепенно заполнялся. В джипы мы помещали людей с серьёзными поражениями. По мере заполнения пострадавшими наших средств доставки, я отправлял их в больницу.

Джипы и микроавтобус непрерывно курсировали между нами и больницей.

Далее шёл район высотной застройки. Здесь без необходимой техники и специалистов спасателей делать было нечего. Сплошные горы обломков бетонных плит, кирпича и торчащей во все стороны арматуры. Иногда среди обломков можно было увидеть наполовину засыпанные обгоревшие трупы людей.

Так мы перемещались от дома к дому, от улицы к улице. В одном из разрушенных зданий на улице Краузе, наиболее близко расположенной к месту падения ракеты с атомным зарядом, вход в полуподвальное помещение был почти свободным.

Мы пробрались внутрь. И то, что мы там увидели, обычными словами невозможно передать. Когда-то это было кафе. За обгоревшими столами в обгоревших и проваленных стульях сидели люди, или то, что было когда-то людьми, а теперь представляли собой закопчённые скелеты. Привалившись к сохранившемуся каркасу стойки, полулежал, полустоял обгоревший труп бармена. Всё это выглядело, как застывшая на миг картина. И казалось, что сейчас заиграет музыка, бармен станет наполнять бокалы вином, а посетители будут шумно и радостно произносить тосты. Но ничего такого не происходило. А была только мёртвая тишина и потрясение тех, кто смог такое увидеть...

Вся операция по спасению заняла у нас более полутора суток. Мы вывезли из заражённой зоны более ста человек. Не ясно, кто из них выживет, кто останется инвалидом, а кто сможет жить нормальной жизнью. И оставалась только

надежда и чувство выполненного долга, когда знаешь, что всё, что от тебя зависело, тобою сделано.

Отчитавшись перед главврачом больницы профессором Йоффе и наскоро перекусив в столовой, мы поднялись на второй этаж, где специально для участников операции спасения была оборудована большая комната отдыха, сплошь заставленная застеленными свежим бельём кроватями. Раздевшись и укрывшись теплым одеялом, я мгновенно уснул...

Проснулся я посреди ночи, и не сразу понял, где нахожусь. Сердце колотилось в груди, а в голове угнездился ужас. В комнате было темно, и лишь через маленькое окошко над дверью просачивался матовый свет из коридора, делая едва различимыми стоящие в комнате кровати. Я вышел из палаты. В коридоре никого не было, светились потолочные бра, и их свет подействовал на меня успокаивающе. Я сел в стоящее здесь кресло и стал вспоминать тот кошмарный сон, что привиделся мне...

Вот, я вхожу в кафе. Кафе, как обычное кафе. Только посетители в нём те, которых я видел сегодня на улице Краузе. Мне радостно улыбается своими голыми челюстями бармен. От ближайшего стола поднимаются два скелета и приглашают меня к себе за столик. Я пытаюсь уклониться от их гостеприимства, но они, крепко ухватив за рукава моего пиджака, тянут меня и усаживают на свободный стул. Один из них, разлив по рюмкам вино, поднял свою высоко над головой и предложил:

– Выпьем за знакомство с доктором. Ведь ты доктор?

– Да, я хирург.

– Так что ж ты, хирург, прошлый раз нас не забрал. Почему не отвёз нас в больницу?

Мне становится не по себе. Пытаюсь как-то оправдаться, объяснить.

– Ведь я должен был увозить только тех, кто ещё живой.

– А мы, что, по-твоему, не живые? Вот, посмотри! – и они стали протягивать мне свои руки. Их пустые глазницы наводят страх, обгоревшие фаланги пальцев касаются моего лица. Я пытаюсь отстраниться, отодвигаю свой стул, пытаюсь уйти. Но они не отпускают, их костлявые руки обхватывают меня за плечи, за шею. Я пытаюсь вырваться.

Ужас сковал меня. Пытаюсь закричать, но голос мой пропал...

Я встал с кресла, прошёлся по коридору, пытаюсь стряхнуть с себя это жуткое видение, переключить свои мысли на что-то другое. Всплыли события детских лет. Школа. Наша юношеская дружба. Самые прекрасные и беззаботные годы моей жизни, когда рядом друзья, которым ты веришь, которых любишь и никогда не предашь, и твёрдо знаешь, что они так же относятся к тебе...

Уже в последнем, выпускном, классе, на праздник Суккот, мы решили провести день на природе. Сложив в багажник михиного «Фиата» мангал, уголь, мясо и заранее купленную бутылку шампанского, прихватив с собой гитару и двух девочек из нашего класса: Мири и Анат, мы отправились на Север нашей страны, где всегда можно найти укромное место в каком-нибудь лесочке, вдали от шумных компаний и населённых пунктов. Мы нашли такое место невдалеке от арабского городка Сахнин. Был замечательный октябрьский день. Сквозь ветви окружавших нашу поляну сосен пробивались лучи солнца. Дул лёгкий ветерок, покачивая кроны деревьев, образуя на земле непрерывно движущуюся картину тёмных и светлых пятен. Мы с Йоси занялись мангалом, Миха вынул из машины складные столик и стулья и оборудовал место для трапезы, а затем стал помогать Мири готовить салаты, накрывать стол. Анат же, взяв гитару, развлекала нас своими песнями. Забе-

гая вперёд, надо сказать, что по прошествии ряда лет Анат стала известна всему Израилю как популярная эстрадная певица. И иногда, при возможности, я ходил на её концерты. И вот, когда всё было готово, Миха разлил в одноразовые стаканчики шампанское. Мы выпили, закусили, но нам показалось этого недостаточно, и тогда Миха вытащил из своей машины бутылку водки, которая была у него спрятана в «бардачке». Настроение было прекрасным. Сначала мы пели любимые наши песни, а затем сели на траву в кружок и стали играть в «бутылочку». Шутили, смеялись, целовались. И вдруг, мы увидели, что к нам приближается целая ватага арабских ребят примерно нашего возраста. Их было человек восемь. Ситуация явно принимала неприятный оборот. Мы с Михой поднялись. Они стали в кружок вокруг нас. Тогда Миха спросил:

– Что вам, ребята, надо? Идите своей дорогой. Не мешайте нам отдыхать.

– А мы вам не помешаем, – ответил, видимо, старший из них. – Вы только поделитесь с нами девочками. Вам одна, и нам одна. Это будет по справедливости.

Он подошёл к Анат сзади и стал её гладить по голове, потом по плечам. Анат вскочила, но он ухватил её за руку и стал тянуть на себя. Она попыталась оттолкнуть его, и в это время я услышал тихий голос Михи: камарате («приготовиться» – по японски) и тут же: хаджиме («бой» – яп.). И в тот же момент араб, который приставал к Анат, отлетел в сторону, сбитый ударом в голову михиной ногой. После разворота ещё один из арабов был повержен наземь. Одновременно и мне удалось сбить с ног одного из нападавших. Но положение стало обостряться. Трое из ещё оставшихся на ногах арабов выхватили ножи и стали надвигаться на нас, скаля зубы и угрожающе сверкая глазами. Мы отступили, пытаясь отдалить их от наших девчонок. И тут произошло

неожиданное. Вступил в бой Йосеф. Йосеф, который никогда в жизни не дрался и не умел это делать, а Анат, схватив за деку гитару, со всего размаха ударила ею одного из нападавших сбоку по голове. Тот, выронив нож и обхватив руками лицо, на котором показалась кровь, сел на землю.

И в этот момент, как по команде, мы с Михой ударили по рукам двух других нападавших. Они взвыли от боли и, выронив ножи, держась рукой за кисть повреждённой, бросились бежать. Вслед за ними побежали и те, кто был на ногах, оставив лежать на земле трёх своих поверженных дружков.

Мы не стали ждать продолжения. Побросав в багажник наши вещи и, оставив на память своим врагам разбитую гитару, быстро сели в машину, выехали на ближайшее шоссе и на полной скорости поехали в сторону Хайфы. Что было у меня на душе в это время? С одной стороны, сожаление об испорченном, так хорошо начавшемся дне, а с другой – ощущение радости от того, что есть у меня такие друзья, с которыми ничего не страшно, которые всегда смогут постоять за себя и за каждого из нас...

Как мне не хватает моих друзей сейчас. Я снова вернулся в палату, лёг в постель и тут же уснул. И ничего мне больше не снилось. Когда я проснулся, моих ребят, с которыми вместе прошли два последних дня, в палате уже не было. Я оделся и спустился на первый этаж в столовую. Они сидели за одним столиком и завтракали. Увидев меня, они придвинули ещё один стул к своему столику, для меня. Я сел и оглядел их лица, ожидая увидеть на них следы переживания, связанных с тем, что пришлось им увидеть за прошедшие два дня. Но всё было, как обычно.

– Как спалось, ребята?

– Нормально. Хоть немного отоспались. Йонатан, а что дальше?

– Пока не знаю. Позавтракаем, я схожу к главврачу. Узнаю, какие будут дальнейшие указания.

Уже заканчивая завтракать, я вдруг почувствовал, что кто-то обхватил меня сзади за шею. Я оглянулся. Миха! Это был Миха! Как ты мне сейчас нужен, Миха! Я встал. Мы обнялись и долго не отпускали друг друга. Ребята недоумённо, с улыбкой, наблюдали за нами. И тогда я, обращаясь к ним, сказал:

– Это мой друг, Михаэль. Вы сейчас свободны. – Я посмотрел на часы, – А в 10 часов встречаемся у входа в приёмный покой.

Когда ребята ушли, мы снова обнялись. А потом поднялись на второй этаж. Первый вопрос, который я задал Михе, когда мы уселись на свободный диван в углу комнаты, был о его родных.

– Да пока всё в порядке. Я успел отправить свою семью ещё до атомной атаки в Ариэль, к родителям. А вчера, когда ехал сюда, я заезжал к ним.

– И как Ариэль?

– Выстоял. Там сейчас относительно спокойно. С начала войны жители соседних деревень, ободрённые нападением на нас арабских стран, видимо, подумали, что пришёл конец Израилю, и пошли в атаку на город. Эту атаку организовали боевики Хамаса. Они же завезли в эти деревни ракетные установки и всякое другое оружие. Кроме того, к ним на помощь прибыли группы боевиков из других арабских посёлков. А в Ариэле в помощь небольшому гарнизону, расположенному в городе, было организовано ополчение из пожилых мужчин и старших школьников. Мой отец тоже участвовал в нём. Да и женщины, когда-то прошедшие службу в армии. Несколько дней они отбивались, пока им на помощь не пришла наша авиация. Когда снесли почти полностью самый хамасовский посёлок Сальфит, всё успокоилось.

– А к моим не заходил?

– Нет, не заходил, но встретил твою маму. У них всё в порядке. Все живы, здоровы. Только не ясно, что с Таней. Ты тоже ничего не знаешь?

– Не знаю. Думаю, что дело плохо. Ведь она находилась в Тель-Авиве в момент атомной атаки. Наверно, её уже нет в живых.

Мы помолчали. Да и о чём можно было говорить. Всё и так было ясно. Хорошо, что мама и дети живы. Хоть за это можно благодарить Бога.

– Миха, а что ты здесь, в Тель-Авиве, делаешь? Я понял так, что ты недавно сюда приехал.

– Да, только сегодня. Я привёз из Реховота очередную партию противорадиационной сыворотки. Сейчас работники нашей лаборатории развозят её по всем больницам страны. Тебе делали прививку?

– Да. Перед самой войной.

– Вот-вот. Но тогда её было произведено мало. Хватило только на детей, военных и резервистов. Да и то, не на всех. Сейчас мы пытаемся охватить вакцинацией всю страну.

– Слушай, а что собой представляет эта сыворотка? Понимаешь, инструктаж по противорадиационной защите, куда я был вызван моим армейским начальством, я почти полностью проспал, так как перед этим всю ночь и даже утро пришлось провести в операционной. Была очень сложная операция, длившаяся более десяти часов. Знаю, что есть такая сыворотка, знаю, что делали прививки, но принцип действия её не знаю.

– Если у тебя есть время, я могу рассказать, как нам удалось её получить.

– Конечно, расскажи. А ты, что, тоже принимал участие в её разработке?

– Да, причём самое непосредственное. Начали мы этим заниматься лет шесть назад, когда у Ирана только появи-

лась атомная бомба, и стало ясно, что избежать атомной войны не удастся. Нам было известно, что есть растения, которые могут аккумулировать радионуклиды из почвы. После Чернобыля ими засеивали заражённые поля. Это называлось биологической дезактивацией. К ним относятся суданская трава, просо, чумиза и некоторые бобовые растения. Исследовав их, мы определили, какие гены ответственны за такую аккумуляцию. Тогда мы начали искать, есть ли подобные гены у микроорганизмов. И, представляешь, нашли один вид бактерий, обладающий таким же видом гена. Мы ввели эти бактерии в организм крысы, предварительно облучённой альфа- и бетануклидами, и обнаружили, что они начали активно абсорбировать их. Мы проводили этот эксперимент много раз, и результат был тот же самый. Радионуклиды отсасывались из организма крысы и сосредоточивались в бактериях. Но необходимо было не только абсорбировать эти нуклиды, но ещё и удалить их из организма. И тут нам на помощь пришли фармацевты. Ими был разработан антибиотик «Биорадон», убивающий эти бактерии и одновременно расслабляющий желудочно-кишечный тракт, в результате чего убитые бактерии выводились из организма. Результат был потрясающий. Более шестидесяти пяти процентов облучённых крыс выжили. Но нужно было провести такой же эксперимент на человеческом организме. И тут нам, если можно так выразиться, «повезло». На одной из АЭС в Соединённых Штатах произошла авария, в результате которой пострадало несколько человек из обслуживающего персонала. Мы срочно вылетели в США. Органы здравоохранения США дали нам добро на проведение вакцинации. И, представляешь, результат был потрясающий. У пятерых из шести пострадавших наступило заметное улучшение состояния. Но ещё более эффективным был бы результат, если бы эти бактерии находились

в организме ещё до его радиоактивного заражения. Дело в том, что, находясь в организме человека, эти бактерии не приносят ему вреда. Более того, они выполняют полезную функцию за счет своих абсорбирующих свойств. Поэтому заблаговременная вакцинация абсолютно безвредна.

– А когда следует вводить антибиотики?

– Лучше всего через два-три часа после заражения, когда бактерии уже поглотят большую часть радионуклидов, попавших в организм. Возможно, что в некоторых случаях потребуются повторная вакцинация, а затем и введение антибиотиков.

– Эта разработка чисто израильская?

– Пока да. Сейчас заканчивается строительство здания, в котором будет размещён завод по производству вакцины и соответствующего антибиотика.

– Вообще, это здорово. Вот найти бы ещё защиту от гамма-излучения. Создать бы материалы, способные отражать гамма-лучи, тогда и атомные атаки не имели бы столь тяжёлых последствий.

– Да, это так, но лучше найти эффективный способ воздействия на страны, стремящиеся обладать ядерным оружием. Но политика, это не наука. Мировые политические деятели не умеют, да и не хотят проводить детальный анализ того, что происходит в мире и к чему это может привести. Это ж требует серьёзного напряжения ума. Зачем им это? Все их мысли направлены на то, чтобы остаться у власти, выиграть очередные выборы.

– Да, кстати, а что происходит в мире? Как отреагировали западные страны и наш «друг», Соединённые Штаты, на ядерное нападение на Израиль? Понимаешь, я совсем ничего не знаю. Мой ноутбук почему-то вышел из строя.

– Хм, «отреагировали»! Недаром говорится: «Избави меня Боже от моих «друзей», а с врагами я сам разберусь». Так

ты, что, совсем ничего не знаешь? Считаю, что идёт третья мировая война. Одновременно с атакой на Израиль, Северная Корея обстреляла Южную Корею и Японию баллистическими ракетами сначала с обычными зарядами, а после ответного удара, и с ядерными. США, пока их не коснулось, ограничивался «грозными» заявлениями и объявлением о выдвижении к берегам Ирана, Турции и Северной Кореи своих авианосцев. Но самое главное то, что произошло потом. Сама Америка была атакована ядерными ракетами, как изнутри своей территории, так и с моря, с иранских подводных лодок, незаметно подобранных к её восточному побережью. Были поражены Вашингтон, Нью-Йорк и некоторые другие города. Что там творится, пока не ясно. И только тогда Америка объявила войну Ирану и Турции и по-настоящему начала действовать. А ты знаешь, что наши атомные ракеты поразили Тегеран и ряд других городов Ирана и Сирии?

– Я предполагал, что будет какой-то ответ, но точно не знал.

– Кроме того, иранские ракеты, сбитые нашей ПВО над Ливаном, по сути дела, почти полностью уничтожили эту страну вместе с Хизбаллой.

– Ну, а что Европа?

– Европа? В Европе идёт гражданская война между коренным населением и мусульманской «пятой колонной». В Испании и, вообще, на Пиренейском полуострове, насколько мне известно, власть пока в руках мусульман. То же самое происходит в Норвегии, Швеции. Когда в Дании и Германии террористы-смертники, проникшие туда из мусульманской Норвегии, совершили теракты с помощью «грязных» атомных бомб, такие страны, как Голландия, Австрия, Швейцария, Дания и Чехия, закрыли свои границы, а их армии приведены в боевую готовность. А после того, как Тур-

ция потерпела поражение на Кипре, она воспользовалась ядерным оружием, полученным из Ирана. Буквально вчера стало известно, что были атакованы Германия и Греция. Какие районы, и что сейчас там происходит, не знаю. Именно из этих стран в своё время были изгнаны почти все мусульмане, в том числе и турки. Мир переворачивается прямо на глазах, и чем это всё кончится, никто не знает.

– А что происходит в России, Китае?

– В России, сразу в нескольких крупных городах, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге, произошли крупные теракты, с применением «грязных» бомб. И, как стало известно, их им подкинули их же «друзья» из Ирана. А осуществляли теракты боевики с Северного Кавказа. Очень много погибших. Я думаю, что там будет ещё одна кавказская война. Ну, а Китай? Китай пока старается не участвовать в этой бойне. Он занял нейтральную позицию, хотя и ввел у себя режим военного положения.

– А у нас что?

– На севере идут ожесточённые бои. После нашей ответной атаки на Тегеран и Дамаск эти две страны резко ослаблены, хотя их войска ещё участвуют в боях на наших границах. Но осталась Турция, которой в своё время Иран поставил атомное оружие. Она пока не решилась воспользоваться им по отношению к нам, боясь ответного ядерного удара. Их войска вместе с остатками ливанских и сирийских армий сейчас захватили часть нашей территории на севере. Там идут ожесточённые бои. Думаю, что это недолго будет продолжаться. Особенно, когда, наконец, «проснулась» Америка.

– А что на южной границе?

– Идут бои «местного значения». К нам на территорию их не допустили, но для наступления у нас мало сил. Идёт позиционная война.

– Да, событий много. А я в этой круговерти ничего не знал. Получается, что действительно идёт мировая война. Все континенты охвачены ею. А что происходит в Африке?

– Там вообще трудно что-либо понять. Идёт уничтожение целых народов. Как ты понимаешь, оттуда ушли все миротворческие силы. Миру сейчас не до них. Бесчинствуют радикальные исламисты, особенно в тех странах, в которых исповедуют христианство.

– Да, мир обезумел. Чем это всё кончится?

Я помолчал, обдумывая всё, о чём мне рассказал мне мой друг.

– Слушай, Миха, а ты ещё долго будешь здесь?

– Нет. Часа через два уеду в Реховот.

Я посмотрел на часы. Было уже без четверти десять. Пора было идти на совещание к главврачу. Мы попрощались, пожелали друг другу удачи и, возможно, скорой встречи.

А встретились мы с ним... уже после войны.

ГЛАВА 10

Крупные военные соединения США, Канады, Австралии, Германии, Польши, Индии, и некоторых других стран блокировали горные районы Афганистана и Пакистана. Засевшие в этих районах группировки Аль-Кайды и Талибана испытывают серьёзную нехватку оружия, продовольствия и воды. Отслеживаемые со спутников места скопления боевиков подвергаются массированным бомбардировкам. Усилился поток беженцев, жителей горных посёлков. Отдельные группы боевиков во главе со своими командирами начали сдаваться войскам союзников.

(Агентство «Военпресс», 5.09.2024)

***

Минул год с того дня, когда Израиль был атакован атомными ракетами. Тогда больше всех пострадали Тель-Авив и район Иерусалима, где упали эти ракеты. И хотя атомный заряд был небольшой, в Тель-Авиве были снесены почти все высотные здания, в огне атомного взрыва погибли десятки тысяч его жителей. В Иерусалиме ракета упала в районе Старого города, жители которого, в большинстве своём, арабы, почти полностью сгорели в огне, зажжённом их же собратьями по религии. Была разрушена и мусульманская святыня – мечеть Аль-Акса. Не помог поборникам Ислама даже их Бог. Так была «решена» и проблема Старого города. И самое удивительное, что Стена Плача, та, что осталась от древнего еврейского храма, почти не постра-

дала. И выжившие в этой войне религиозные евреи, после короткого времени на её восстановление, снова смогли обратиться к своему Богу на этом святом для них месте. В этот день не стало и наших близких, Йосефа и Тани. И нет у них могилки, куда можно прийти в годовщину их смерти, положить цветы или камешки, как это принято в Израиле, и выпить по рюмке водки, как это принято в России.

И тогда мы решили, что в этот день будем приходить в дом Йосефа и там отмечать эту печальную дату. Сегодня это была первая такая встреча. В этот раз нас было немного. Не смог из-за болезни прийти отец Йосефа, а также мама Тани, которая сейчас живёт в Беэр-Шеве вместе с семьёй сына.

На пороге дома нас встречала Сарит в тёмном платье и с чёрной косынкой на голове. Много пришлось пережить ей за эту войну. Сначала потеря мужа. Йосеф погиб в Тель-Авиве, где работал в компьютерной фирме, когда недалеко от того здания, где располагалась его фирма, разорвалась атомная ракета. А затем от шальной пули, выпущенной из соседней с Ариэлем арабской деревни Сальфит, погибла её дочь Анит. Больше не будет звучать в доме Йосефа музыка в её исполнении. И, может быть, мир потерял выдающуюся скрипачку, игра которой услаждала бы слух многих любителей музыки на нашей обезумевшей планете. Иногда я навещаю их гостеприимный дом. Дани, сын Йосефа, уже учится в девятом классе. Вытянулся, и своей фигурой и внешностью с поразительной точностью стал напоминать отца. По-прежнему увлекается шахматами. Входит в сборную команду Израиля. Ещё до войны выезжал на международные чемпионаты. Младшая дочь учится в пятом классе и, как её старшая сестра, увлекается музыкой. Заметно сдала Сарит. Появились первые бороздки на её лбу, а в уголках глаз образовалась целая сеточка тончайших морщинок. В её светлых волосах, если внимательно присмотреться, можно

увидеть и первое серебро седины, а на руках голубоватые намёки на вены. Реже посещает её лицо радостная улыбка. Но, когда она общается с детьми, глаза её по-прежнему лучатся нежностью. Работает она в какой-то серьёзной фирме в Рамат-Гане. На работу ездит на своей машине. В общем, жизнь в этой семье продолжается, но нет уже в ней прежней лёгкости и беззаботности...

Когда мы поднялись на крыльцо, Сима обняла Сарит, и так они стояли некоторое время, а на глазах у обеих были слёзы. За этот год, что Сима живёт в Ариэле, они подружились с Сарит и стали очень близкими подругами.

И мне вспомнилось, когда я первый раз увидел Симу. Наше знакомство с ней произошло в автобусе. Мы с Михой к тому времени уже окончили университет, и каждый из нас работал по своей специальности: я в больнице в Петах-Тикве, а он – в научной лаборатории молекулярной генетики в Реховоте. А в тот день мы ехали на встречу с нашими однокурсниками в одном из ресторанов Тель-Авива. Автобус, который вёз нас, был переполнен пассажирами, и нам пришлось стоять в проходе между сидениями. Впереди нас, спиной к нам и лицом к окну автобуса, стояли две девушки. Всю дорогу они держались за руки. Но тут автобус сделал крутой поворот, и, чтобы удержаться, одна из девушек вынула свою руку и ухватилась за спинку ближайшего сидения. И в этот момент Миха просунул в освободившуюся руку свою. А девушка, не заметив замены, всё так же продолжала держать, но уже Михину руку. Миха млел от удовольствия, а я еле сдерживался, чтобы не рассмеяться. Кончилось тем, что, когда вторая девушка хотела восстановить статус-кво, она обнаружила, что её место занято. Она удивлённо подняла глаза на Миху, но тот, приложив палец другой руки к своим губам, попросил её молчать. Девушка усмехнулась и перевела взгляд на свою подругу. Та повер-

нулась и вдруг обнаружила, что произошло. Когда же она, а это и была Сима, наконец, поняла, то была очень возмущена. Её лицо вдруг стала заливать краска, а глаза наполнились гневом. Но наши извинения и Михино обаяние сделали своё дело. И к концу нашей поездки мы уже мирно и даже заинтересованно беседовали. Так состоялось наше знакомство с Симой и её подругой, Ритой. А через год Миха с Симой поженились. А ещё через год у них родилась дочь Элизабет, которую все называли просто Лиз. Миха переехал жить в Бат-Ям, где жили симины родители. Там они сначала снимали, а затем и купили, квартиру. Родители Михи вместе с его младшей сестрой продолжали жить в Ариэле, и когда Миха с Симой навещали их, то обычно заходили и к нам. Так что связь наша не прерывалась. А когда началась война, Миха перевёз свою семью в Ариэль, а Симины родители остались в своём доме, в Бат-Яме, где и погибли.

Да нет, наверное, ни одной семьи, которая бы не потеряла своих близких в этой войне. Но из всех, кого я знал, больше других пострадала семья Руфи, которую я нашёл несколько месяцев назад в северном поселении Бейт-Менаше. Муж её сгорел в танке на северной границе с Ливаном ещё в самом начале войны. Родители мужа, с которыми Руфь со своей семьёй жила в одном коттедже, и трое её детей погибли, когда в их дом попала ракета, выпущенная Хисбаллой. Обо всём этом я узнал от её подруги Дины, с которой Руфь когда-то служила в армии, и которую я случайно встретил в супермаркете.

И тогда я решил немедленно поехать к ней. Назавтра, после дежурства в больнице, на заправке я наполнил под завязку бак своей недавно купленной Мазды и, предупредив по телефону маму, не заезжая домой, помчался на Север страны, туда, где, может быть, меня ждёт моя незалеченная рана, моя неостывшая, незажившая любовь. Я нёсся

туда, не обращая внимания на выбоины на дорогах, которых становилось всё больше по мере углубления в северные районы страны.

Эта часть Израиля особенно пострадала от ракет, выпущенных с территории Ливана и Сирии. Городки и посёлки, которые встречались мне на пути, представляли собой удручающее зрелище. Обгоревшие, когда-то ослепительно белые, домики, порушенные стены с торчащей в разные стороны арматурой, слепые проёмы окон, груды бетонных обломков и кирпича и лишь кое-где уцелевшие здания. На полупустынных улицах можно было видеть сгоревшие остовы ещё не убранных машин, и только немногочисленные пешеходы и редкое движение встречных автомобилей, как легковых, так и грузовых, говорило о том, что жизнь в этих городках ещё теплится.

Но вот и Бейт-Менаше. Я еду по улице в поисках нужного мне дома. В разрушенном войной посёлке сохранилось меньше половины строений. Местные жители уже приступили к восстановлению своего поселения. Люди в кипах копошились около развалин, расчищая площадки от бетонных обломков, кирпича, кое-где ремонтировали повреждённые, но чудом уцелевшие, стены. Посёлок залечивал раны. Но были дома, возле которых не видно было людей. Они сиротливо смотрели на белый свет пустыми чёрными глазницами изуродованных окон, не надеясь снова увидеть своих хозяев, которые в своё время так заботились о них.

А вот и дом, который я ищу. Он представлял собой двухэтажный коттедж на две квартиры с отдельными входами. Перед домом был небольшой палисадник, обсаженный по периметру густым кустарником. Левая часть дома была полностью разрушена, а в правой – была обвалена крыша и выбиты стёкла в оконных рамах потрескавшихся стен второго этажа. Первый этаж уцелел.

Открыв калитку, я прошел к дому. Дверь была открыта. Я заглянул в дом и увидел Руфь. Она сидела на диване, держа на руках малыша, и склонив к нему голову, кормила его грудью. Я застыл на месте. Я смотрел на неё, и старое чувство горячей волной захлестнуло меня. Это была та Руфь, которую я так любил, и которая любила меня, но чужой волей была отнята у меня. Это была та же Руфь, и всё же не совсем та. Чуть заметные морщинки разбегались от её глаз к вискам, а голова серебрилась редкой проседью. Чувство щемящей жалости и любви сдавило моё сердце. Сколько пришлось пережить тебе, моя любовь, моя боль. Мне хотелось броситься к ней, прижать к груди и не отпускать. Но я не мог сдвинуться с места, боялся спугнуть видение. Я стоял и смотрел. И тут она подняла глаза. Во взгляде её сначала было только безразличие, затем оно сменилось удивлением, а затем лёгкой улыбкой.

– Йонатан, это ты? – чуть слышно, почти шёпотом, спросила она. – Неужели, действительно, это ты? Ты живой? О, Боже! Как хорошо, что хоть ты живой.

У меня перехватило дыхание, я молчал, и только глаза мои неотрывно смотрели на неё. Она отняла ребёнка от груди, положила в кроватку, укрыла его одеяльцем, заправила грудь в цветастый халат и пошла ко мне. Я застыл в дверях, не в состоянии ни пошевелиться, ни произнести слово. Она подошла вплотную ко мне, снизу вверх заглянула мне в глаза, и я увидел в них только тихую радость и грусть. Положила свою голову мне на грудь и обняла меня. Я прижал своё лицо к её волосам, их запах напомнил мне те счастливые часы, когда мы бывали вместе. И ни времени, ни пространства и ничего другого для меня не существовало вокруг в этот момент, весь мир был здесь, в нас. Какие чувства заполняли меня в этот момент, трудно передать. И безграничная нежность, и счастье, пропитанное горечью и

болью. По её щекам медленно ползли прозрачные, как росинки, слёзы, я вытирал их и гладил её щёки, лоб, волосы. И так стояли мы очень долго. А потом она отстранилась от меня, вытерла слёзы, поправила волосы и спросила.

– Ты, наверно, голоден? Давай, я тебя покормлю.

Я сидел за столом, передо мной стояла тарелка супа, а она, сложив на коленях руки, молча, смотрела на меня, как я ем, и грустно улыбалась. А затем были разговоры, вопросы, вопросы и длинные рассказы о том, как прошли эти годы, наши годы друг без друга. Она рассказала, как ей чудом удалось спастись, когда ракета, выпущенная Хизбаллой, попала в их дом.

Пришло извещение, что её отец, подполковник запаса, погиб на Сирийском фронте, и она, взяв с собой недавно родившегося сына, поехала в посёлок под Иерусалимом, к матери, чтобы поддержать её и вместе с ней проводить отца в последний путь. Мать очень сильно переживала смерть мужа и сразу после похорон слегла, – резко поднялось давление, и её пришлось положить в больницу. Диагноз – инфаркт. Но самое главное, что она не боролась со своей болезнью и через три дня скончалась там же, в больнице. Похоронив мать, Руфь ещё несколько дней прожила в родительском доме, а потом, закрыв его на ключ, вернулась в Бейт-Менаше, к детям. Но и здесь её встретила ужасная весть.

– Мне казалось, что я тронусь умом. Столько потерь за несколько дней. Казалось, невозможно всё это пережить. Я была на грани самоубийства.

И невыплаканные на тех прошедших похоронах слёзы, вдруг прорвались у неё наружу. Она замолчала, достала носовой платок, вытерла лицо, глаза, виновато улыбнулась а потом продолжила.

– Но был ещё сын, и ради него нужно было жить.

Она замолчала, посмотрела в сторону спящего сына и, погладив его головку, продолжила.

– Это он, мой маленький спаситель. Его нужно было кормить, перепелёвывать, укладывать спать. Дом тоже требовал ремонта. Нужно было заделать трещины в стенах, вставить выбитые стёкла в окнах, навести какой-то порядок в комнатах. Все эти повседневные заботы как-то отвлекали мои мысли, и так, постепенно, я свыклась, смирилась с понесёнными утратами. И вот, видишь, живу.

Проснулся её сынок. Она стала кормить его грудью, не скрываясь от меня, а только смущённо улыбалась. А я смотрел на них, и стало казаться мне, что она кормит моего сына. А всё то, что было в эти прошедшие годы, всё это сон, зыбкий, тягостный, ушедший. А явь – вот она, настоящая, долгожданная.

Мы вышли прогуляться. Руфь хотела показать мне их посёлок. Мы шли по улице мимо воскрешающихся домов, мимо людей, занятых своими повседневными делами. Нежаркое весеннее солнце ласкало наши лица. Ещё совсем недавно чёрные корявые ветви сохранившихся деревьев, сбросивших на зиму свой наряд, покрылись бледно-зелёной одеждой молодых листочков. Руфь несла на руках ребёнка. Я шёл рядом, касаясь её плеча, и каждое такое прикосновение было для меня, как поцелуй. Мне не верилось, что может быть так хорошо. Моё сердце таяло от счастья. Моё состояние, сливалось воедино с окружающей нас весенней природой. Ощущение это было таким тонким и мягким, и не ясно мне было, наплывает оно откуда-то изнутри, или это идёт снаружи, из окружающего нас мира. Мы вышли за пределы посёлка. Вдоль дороги, ведущей к соседнему поселению плотной стеной, кое-где прореженной воронками от разорвавшихся снарядов, росли мимозы. Их густые шапки, увешанные серьгами жёлтых пушистых ша-

риков, покачивались под лёгкими порывами ветра, создавая впечатление непрерывно движущейся золотистой волны. По бледно-голубому небу проплывали лёгкие облака, напоминающие пух белоснежных чаек. Кончились мimosы, и перед нами неожиданно открылся нетронутый войной зелёный луг. Земля, обильно напоенная за зиму влагой, покрылась ковром молодой изумрудной травы, раскрашенной узором мелких весенних цветов: жёлтых лютиков и бледно-розовых цикламенов. Кое-где прорывались яркими огоньками красные маки. Их называют здесь каплями крови, пролитой молодыми солдатами, защитниками нашей страны. Мы прошли на луг, нашли удобное место, расстелили одеяльце, которым был укутан сынок Руфи, положили на него малыша. Он о чём-то гугукнул, размахивал крохотными ручонками, аппетитно чмокая соской и радуясь неяркому солнцу, лёгкому ветерку и ещё чему-то своему. А мы стояли рядом, смотрели на него и тоже радовались, радовались его радости.

Я посмотрел на Руфь. Лицо её отражало покой и умиротворение, как это бывает, когда человек после долгого времени, наполненного невзгодами, страданиями, вдруг обретает успокоение. Я притянул её к себе и впервые за этот день приник к её губам, мягким, податливым, сладким, не отрываясь и не отпуская.

– Йонатан, наверно, хватит, – через некоторое время сказала она, отстраняясь. И тут я вспомнил, что до сих пор не знаю, как зовут её сына. И спросил.

– Йони, – ответила она, наблюдая за моей реакцией. Я был в растерянности.

– Что?.. Это... это из-за меня ?

– А ещё кого? Нет в нашем роду никого с таким именем.

– А муж был не против? Он ведь, наверно, знал о том, что было между нами.

– Когда сын родился, муж находился в милуиме (военные сборы). А потом началась война. А затем я получила извещение о его гибели. Я долго и мучительно думала, прежде, чем выбрать имя. Обсуждать, какое имя дать сыну, мне было не с кем, да я и не хотела. Вот и решила, сама решила.

– Руфь, так ты не забывала меня все эти годы?

– Нет, Йонатан, я всё помню, помню до мелочей все наши встречи. Я помнила даже тогда, когда была замужем, когда рожала детей, и даже тогда, когда погиб муж, а потом и мои детки. Я не знала, как сложилась твоя судьба – может быть, счастливо. Может быть, у тебя своя семья, свои дети. Ну, а потом эта война. Я не знала, жив ли ты, или нет. И вот, ты здесь. И я не могу поверить этому. Может, это просто сон. Или Бог, наконец, пожалел меня и прислал тебя ко мне, чтобы я снова смогла увидеть тебя.

– Бедная моя! А ведь и мне не верится, что такое могло произойти. Как я тебя люблю, Руфь!

Мы возвращались домой, когда солнце стало приближаться к горизонту, окрашивая своим оранжевым светом всё вокруг. А потом стали наползать сумерки, и в их синеве утонули все посторонние звуки, и наступила мягкая, как бархат, тишина. И мне казалось, что на Земле не осталось ни одной живой души, и только мы одни, хотя и побитые жизнью, но счастливые. И большего счастья не может быть. Большого счастья мне просто не нужно.

Захлопнув калитку, мы прошли в дом. Руфь сменила подгузник сыну, покормила его, и когда он, насытившись и задремав, откинулся от её груди, отнесла его в спальню.

Я огляделся вокруг. Дом явно требовал капитального ремонта. Потрескавшиеся стены, заделанные неумелой рукой, заложенный каким-то полосатым матрасом проём для входа на второй этаж, покосившийся косяк входной двери. Я представил себе, сколько труда пришлось вложить Ру-

фи, чтобы хоть как-то приспособить эту квартиру под более или менее нормальное жильё. Вернувшись из спальни Руфь подала мне маленький семейный альбом, а сама стала готовить ужин для нас. Я внимательно рассматривал каждое фото в альбоме. Эти фотографии могли мне много рассказать о жизни Руфи в те годы, когда наши судьбы шли разными дорогами. Вот Руфь и её муж под хупой. Она в нарядном свадебном платье, выражение её лица строгое, и нет в нём признаков печали. Её муж, видимо лет на 8-10 старше её, с кипой на шапке чёрных как смоль выющихся, волос и счастливым лицом, обращённым к невесте. А вот они втроём: Руфь с маленькой дочуркой на руках и её муж, обнимающий за плечи свою жену. И опять на её лице лишь лёгкая улыбка. А вот и остальные дети, то отдельно, а то вместе с родителями. А далее фотографии в основном отражают лишь то, как росли их дети. Закрыв альбом, я спросил:

– Руфь, каким был твой муж?

– Он был хорошим мужем и заботливым отцом, и я была благодарна ему за это. До этого он не был женат, видимо, не был избалован вниманием женщин, и очень смущался, когда нас познакомили. Вот за эту его застенчивость я и выбрала его себе в мужа. И если бы он не погиб, может быть у нас и получилась неплохая семья.

– Ну, а ты любила его?

– Трудно ответить на этот вопрос. Я уважала его. Он был добрым и порядочным человеком. Пусть земля ему будет пухом.

– А сколько лет было твоим детям?

– Рут было восемь, Мири – шесть, а Даннику – три годика.

Глаза Руфи стали набухать слезами. Я уже пожалел, что своим вопросом разбередил её старую рану.

– Руфь, извини меня. Я не хотел...

– Да ничего. Давай пока не будем об этом.

Она стала накрывать на стол. Поставила несколько тарелок с закуской и початую бутылку водки. Я был удивлён. Водка? Заметив мою реакцию, она усмехнулась.

– Ты, наверно, подумал, что я стала алкоголичкой. Нет, Йонатан, пока не стала. После смерти моих родителей, когда я вернулась из-под Иерусалима домой и узнала о гибели всех моих детей, оставив сына соседке, я ушла на кладбище. Не помню, сколько времени я просидела там, у свежих могил. Но слёз у меня больше не было. Я окаменела. А возвращаясь домой, я машинально зашла в магазин, машинально купила эту бутылку. Видимо инстинкт самосохранения подсказал мне, что надо постараться забыть всё, что произошло со мной. И, надо сказать, помогло. Придя домой, я, не закусывая, выпила целый стакан и провалилась в какой-то тягучий сон. Но назавтра я уже была в состоянии рассуждать и принимать решения.

После такого рассказа трудно было ещё о чём-то говорить. Мы, молча, поужинали, и Руфь начала готовить постели ко сну. Мне она постелила на диване в салоне, а сама ушла в спальню, где также стояла и кровать сына.

Я лежал на простыне и подушке, которые своими руками постелила мне Руфь, мы были в доме одни, но не вместе. Мне хотелось пойти к ней, но я не решался, боялся нарушить то состояние, в котором находилась сейчас Руфь. В доме было темно, и лишь бледный свет луны, просачивающийся сквозь занавешенные шторками окна, обозначал очертания предметов, находящихся в комнате. Я думал о Руфи, о её безжалостной судьбе, о том диком кошмаре, который обрушился на всех нас, на мой народ, да и на все народы этого глупого мира, позволившего обезумевшим фанатикам развязать эту страшную войну. Что руководило ими: зависть, животная ненависть, необузданное тщесла-

вие или ущемлённое самолюбие, требовавшее таким образом заявить о себе всему миру. Мысли стали путаться, и я задремал. Очнулся, почувствовав, что рядом кто-то стоит. Это была Руфь. Она стояла в тонкой ночной сорочке около моего дивана, со стекающими по плечам волосами, смотрела на меня, и в глазах её, освещённых слабым лунным светом, я увидел и грусть. и нежность одновременно. И не ясно, чего там было больше. Я поднялся на локтях.

– Руфь?.. Ты не спишь?

– Не могу уснуть. Вновь ожившие события стоят перед глазами и не дают уснуть. Можно я лягу рядом с тобой, может быть, это отвлечёт меня? Я ненадолго.

– Конечно, Руфь, – я втиснулся в спинку дивана, освобождая место для Руфи. Она легла. Диван был узок для двоих. Я просунул свою левую руку под её шею, и теперь её голова лежала у меня на груди. Правой рукой я прижал её к себе, и мы затихли. Сквозь тонкую ткань её рубашки я ощущал её тело. Желание сладкое, непреодолимое, вспыхнуло во мне. Я стал гладить её, сначала волосы, потом лицо, плечи, грудь.

– Не надо, Йони, – впервые назвав меня ласкательным именем, попросила она, – не сейчас.

Я застыл и всё сильнее прижимался к её телу, такому близкому и желанному.

– Здесь тесновато, да? – через какое-то время, сказала она, поднимаясь, – но не могу я пока пригласить тебя в спальню. Извини меня.

Она наклонила ко мне своё лицо, её горячие губы прижались к моим губам. И она ушла. А я лежал с открытыми глазами и думал о том, что произошло. Не хотела она, чтобы я лёг на то место, где когда-то лежал её муж. И я её, кажется, понял. Та жизнь прошла, ушла в вечность, вместе с её ужасами и радостями, и ничто не должно напоминать о

ней. Нужно строить новую жизнь, начиная с нуля, и нельзя, чтобы тени прошлого напоминали о том, что было.

Утром, во время завтрака, я поинтересовался, не нуждается ли она, не нужна ли ей какая-то помощь.

– Нет, Йонатан, не нуждаюсь. Во-первых, мой муж был довольно обеспеченным человеком, и после него у меня остались кое-какие сбережения. А во-вторых, я подрабатываю на птицеферме, которую содержит один местный житель. У меня есть, конечно, и другая специальность. Ты же знаешь, что я закончила курсы медсестёр, но, к сожалению, ездить на работу в соседний город, где я работала до рождения Йони, не могу, слишком надолго придётся оставлять его.

– А как же ты обходишься сейчас?

– Сына я оставляю у соседки, а в дальнейшем собираюсь отдать его в садик.

– А как же быть с домом? Ведь его надо восстанавливать.

– Конечно надо, но пока у меня нет времени этим заниматься.

– Руфь, поедem со мной. Я очень хочу, чтобы ты стала моей женой. Поедем! Я познакомлю тебя со своей мамой. Уверен, что вы понравитесь друг другу. У неё уже есть две внучки, а внука пока нет. А теперь будет и внук. У нас в Ариэле свой дом. И у тебя появится возможность работать по специальности.

– А чьи это внучки? Кто их родители?

– Это мои дети. Я ведь был женат. Женился на женщине, у которой уже была девочка. Потом родилась и моя собственная дочь. Недолго мы прожили с моей женой. Она погибла в Тель-Авиве, когда город был обстрелян иранскими ракетами. Так что у меня сейчас две дочки, и не хватает только сына. Ну что, ты согласна?

– Йонатан, всё не так просто. То, что ты живой, что ты разыскал меня, твой приезд ко мне и, наконец, твоё предложение, для меня радостное и, в то же время, неожиданное событие. Сказав тебе «да», я должна перевернуть всю свою прежнюю жизнь, к которой я как-то приспособилась, привыкла. Давай не будем торопиться. Я помню всё, что между нами было, вспоминаю, как прекрасный сон, как будто всё это происходило не со мной. Но это было так давно, что кажется неправдой. Нужно привыкнуть к тому, что произошло, и лишь потом принимать окончательное решение. Ты приезжай ко мне, звони. Я буду ждать тебя и твоих звонков, а пока мне нужно время, чтобы утихли и боль ушедших дней, и радость, которую разбудил во мне твой приезд.

Я понял её и не стал настаивать. Я ехал домой, и в памяти моей проплывали прошедшие годы. Как в этом мире всё ненадёжно и хрупко, и, в то же время, взаимосвязано и взаимозависимо. Любое событие, важное в личном плане, но незначительное в общемировом масштабе, всё равно каким-то образом оказывает влияние на то, что происходит в мире. Разорение банка где-то в Оклахоме может привести к общему экономическому кризису во всём мире. Рождение ребёнка где-то в австрийской глубинке смогло привести к грандиозной войне между странами. Любое событие, действие, наконец, случай влияет на близлежащие события, действия. Те же, в свою очередь оказывают влияние на события в уже более отдалённых пространствах. И так последовательно, шаг за шагом, происходят изменения в мире. Так, брошенный в озеро камень постепенно приводит в движение слои воды на участке, очень отдалённом от того места, где упал этот камень. И думалось мне, что столь грубое разъединение двух любящих друг друга сердец, не могло не оказать какого-то влияния на близкое нам окружение. А оно, в свою очередь, передало его более от-

далённым событиям, и это, в конце концов, привело к тому, что произошло в мире в последующие годы. И эта жестокая война, унёсшая миллионы человеческих жизней, совершилась лишь затем, чтобы дать возможность этим сердцам снова встретиться. А может быть, это результат действия провидения, которое не могло допустить столь жестокой несправедливости и, таким образом, через время, расстояния, события, ужасы войны, привело к тому, что мы с Руфью смогли снова увидеть друг друга и теперь можем вновь быть вместе. Эти мысли соблазняли и одновременно ужасали меня. Неужели жизнь не может быть такой, чтобы счастье одних строилось не за счёт разрушения счастья других...

Я очнулся от своих воспоминаний, когда Миха предложил выпить по «последней» в память о тех, кого уже нет с нами. Печальное это занятие, поминать погибших. Не умерших своей смертью, а именно погибших. Ушедших из жизни в самом её расцвете, осиротивших своих близких. Именно, осиротивших. Потому что, когда умирает старый человек, то про его детей с трудом можно говорить, что они сироты. У них уже своя семья, своя самостоятельная жизнь. Они как бы отпочковались от своих родителей. Но ещё во стократ больней, когда неизвестно, где покоится прах погибшего, и некуда прийти, чтобы в скорби поклониться ему. Такие мысли сопровождали меня всю дорогу, пока я возвращался из дома Йосефа.

ГЛАВА 11

В связи с расформированием всемирной Организации Объединённых Наций (ООН), 21 апреля 2024 года в Женеве состоится конференция стран-победительниц по вопросу выработки и подписания Устава новой международной Организации Всемирной Безопасности (ОВБ). Основными задачами его должны стать:

1). Образование Мирового Союза (МС) государств по типу Евросоюза с учётом ошибок, допущенных при создании последнего.

2). Обеспечение мирного сосуществования государств Союза, с более расширенными правами этой организации и более эффективными методами, чем это было у ООН.

3). Внедрение во всех странах Союза демократических принципов правления, исключающих диктатуру и авторитаризм, обеспечение обязательной сменяемости власти путём демократических и контролируемых со стороны ОВБ выборов.

4). Создание единой судебной системы, обеспечивающей соблюдение прав человека, исключающей применение смертной казни и не допускающей никаких других судебных подсистем, в том числе и религиозных типа шариата и т.п.

5). Выработка единой для всех стран конституции, обеспечивающей закрепление выше указанных основных принципов, и контроль над их соблюдением с допустимым расширением отдельных статей, учитывающих национальные и религиозные особенности страны.

Для участия в конференции приглашены делегации США, Великобритании, Германии, Франции, Австралии, Канады, России, Китая, Индии, Голландии, Австрии, Израиля, Японии, Аргентины, Мексики и Бразилии., от арабских стран – Иордании, Египта и Саудовской Аравии, а от африканских стран – ЮАР, Туниса, Алжира, Эфиопии и Южного Судана. Организатором и инициатором проведения конференции выступила Швейцария

Проект Устава разработан ведущими экспертами международных отношений из всех вышеуказанных стран.

В Проекте предусматривается добровольное вступление в Мировой Союз. Однако, страны, находящиеся под оккупационным управлением, смогут вступить в Союз лишь после того, как политическое и экономическое устройство этих стран будет соответствовать основным требованиям Устава, и с них будет снят режим оккупации. К таким странам относятся: Иран, Турция, Ирак, Сирия, Таджикистан, Туркмения, Ливан, Пакистан, Афганистан, Йемен, Ливия, Сомали, Венесуэла.

Вступление в Союз не ограничивает суверенитет стран и не накладывает никаких ограничений на их экономическую, политическую и религиозную деятельность в рамках принятого Устава.

(Euro News, 17.03.2024)

***

Прошло около года с того дня, как я нашёл Руфь в далёком северном поселении Бейт-Менаше. В будние дни вечера я проводил дома в кругу своих девочек. Но каждый раз, когда в пятницу и субботу я был свободен от дежурства в больнице, я уезжал в Бейт-Менаше. Там мы занимались обычными хозяйственными делами. Мне доставляла радость любая работа, когда рядом была Руфь. Это был и

ремонт дома, и обработка приусадебного участка. На своей «Мазде» я привозил продукты, необходимые инструменты и даже кое-что из стройматериалов. Мелкий ремонт я выполнял сам, а для капитальных работ мы наняли бригаду строителей. Вторая половина коттеджа, почти полностью разрушенная, в которой раньше жили родители мужа Руфи, была очищена от строительного мусора. На этом месте мы собирались построить летнюю веранду. На восстановление этой части дома у нас не было ни средств, ни времени. Я торопился.

Дело в том, что год назад, когда я, наконец, получил звание «специалист» (мумхе), мне было предложено заняться восстановлением в нашей больнице отделения нейрохирургии. Это было связано с тем, что во время войны помещение нейрохирургии было разрушено попавшей в него ракетой. Было уничтожено почти всё оборудование, и при этом погибли многие из медицинского персонала отделения. Оставшиеся в живых были переведены к нам, в общую хирургию. А также было перевезено и сохранившееся оборудование. И с тех пор мне пришлось переквалифицироваться в нейрохирурга. Теперь я выполнял в основном операции по восстановлению нормальной работы различных органов, связанных с повреждениями спинного мозга, ответственного за их функционирование. При этом я пользовался сохранившимся нейрохирургическим оборудованием. Вот поэтому именно на меня было возложена задача, по сути дела, создания заново специализированного отделения нейрохирургии. С этой целью мне предстояла командировка в бельгийский город Льеж, где в больнице при медицинском факультете Льежского университета я должен был пройти пятимесячную стажировку. Кроме того, мне нужно было заказать необходимое оборудование для восстанавливаемого отделения.

На подготовку к командировке мне отводилось девять месяцев. Да, ещё у нас был план, по которому Руфь с сыном должны были переехать в Ариэль. Поэтому, кроме работы в больнице, мне предстояло, по нашему общему с Руфь решению, продать отремонтированный дом в Бейт-Менаше и купить вторую половину коттеджа у маминых соседей, которые менее чем через полгода собирались переехать на постоянное жительство в Канаду. Я уже возил Руфь и Йони в Ариэль, познакомил с мамой. Их встреча до сих пор стоит у меня перед глазами. Когда мы подъехали к дому, мама уже стояла на пороге, внимательно и с сочувствием во взгляде смотрела на нас. Она уже знала о том, что пришлось пережить Руфи. Мы поднялись по ступенькам к дому, и когда подошли к ней, она, не проронив ни слова, взяла в ладони голову Руфи, поцеловала и прижала к своей груди. Так они и стояли какое-то время обнявшись, и слёзы ползли и ползли по их щекам. Две женщины, многое испытывшие за прожитые ими годы, поняли и приняли друг друга.

В последний день перед окончательным отъездом из Бейт-Менаше мы пошли на кладбище. Пять могил в углу кладбища, отгороженных от остальных захоронений молодыми ещё деревцами, то, что связывало Руфь с её прежней жизнью. Пять могил, три из которых – это её рождённые дети, её кровинки, которых в одно мгновение унесла с собой смерть, направленная сюда злой волей людей. А вот и надписи, высеченные на гранитных плитах: «Гофман Рут, 2014-2023», «Гофман Мири, 2017-2023», «Гофман Дани, 2020-2023». Это противоестественно, такого не должно быть, чтобы разрыв между датой рождения и датой смерти был столь мал? Я взглянул на Руфь. Из-под чёрного платка, которым была повязана её голова, выбивались седые пряди волос, особенно заметные на тёмном фоне её одежды. Лицо было мокрым от слёз. Я прикоснулся к её руке. Она прижа-

лась к моему плечу. И так, мы, молча, стояли у изножья могилки несколько минут. А потом она произнесла слова, которые ошеломили меня.

– А ведь Рут – это твоя дочь.

Моя дочь?! У меня была дочь, а я об этом ничего не знал. Я был потрясён. Неужели это правда?

– А ты уверена?

– Я это знаю. А ты разве не догадался об этом, когда смотрел её фотографии? Ведь она очень похожа на тебя. Сравни со своими детскими фотографиями. Я думаю, что там это будет ещё заметней.

Я пытался вспомнить лицо той девочки на фотографиях, которые когда-то рассматривал при моём первом появлении в Бейт-Менаше, но из этого ничего не получилось.

– Руфь, а почему ты мне об этом не рассказала раньше?

– Я думала, что ты догадаешься сам.

Я вспомнил ту нашу единственную и последнюю ночь в Петах-Тикве, в квартире тёти Рахели. Как мы тогда любили друг друга! А ведь от этой любви не могло не появиться на свет нечто такое, что должно было связать наши с Руфью жизни. И как горько теперь сознавать, что этого чуда нет сейчас с нами, и я его даже никогда не видел, а теперь оно и совсем ушло безвозвратно. Но есть рядом Руфь, а значит, есть ещё надежда на его повторение...

Наконец, подошло время, когда мне нужно было отправляться в Бельгию, на стажировку в Льежский университет. К тому времени все наши планы по продаже и покупке жилья благополучно исполнились. Суэта, связанная с переездом Руфи в Ариэль, закончилась. Итак, теперь мы жили в одном доме, но в двух отдельных квартирах с разными входами. Мама с девочками по-прежнему занимали нашу старую квартиру, а мы с Руфью и Йони обосновались в купленной. Но такое разделение было чисто условным. У нас был

общий двор, да и питались мы все вместе на маминой кухне. Теперь в нашей семье было два Йонатана и две Руфины. Руфина младшая ходила в подготовительный перед школой садик, Соня училась в последнем, двенадцатом, классе и готовилась после окончания школы пойти служить в армию. Руфь устроилась медсестрой в той же больнице, в которой работала до того, как вышла замуж. А Йони, которому уже шёл третий годик, оставался с мамой. Я не мог не нарадоваться, глядя на маму. Она была счастлива больше, чем кто-либо из нас. Теперь у неё была большая семья, сразу трое внуков, каждому из которых она дарила свою любовь и заботу. А Руфи она заменила мать. И Руфь, обращаясь к ней, называла её «мамой».

Когда в семью входит новый человек, это, чаще всего, приводит к возникновению напряжения, а иногда, и к отторжению, особенно у детей. Так произошло во взаимоотношениях между Руфиной и Руфью. Моя дочь никак не могла смириться, что место её мамы заняла другая женщина. Раньше, когда я приходил с работы или в выходные дни, больше всего времени я уделял ей. Мы играли, я читал ей сказки, укладывал спать. А теперь в семье появился мальчик младше её, которому уделялось больше внимания, чем ей. А особенно её злило, что ночевать я уходил в другую половину дома, а не, как раньше, в соседнюю с ней комнату. Но все проблемы снял Йони. Он стал всеобщим любимцем. Смуглый, с чёрной шапкой выющихся волос на голове и постоянно удивлёнными карими глазами, особенно, когда получал неожиданный ответ на многочисленные вопросы, которые он в огромном количестве задавал всем и, особенно, Руфине. Он ходил за ней по пятам, виновато заглядывал ей в глаза, когда она сердилась, и она, в конце концов, сдалась. И одновременно изменилось её отношение к Руфи, хотя по-прежнему она называла её «тётя Руфь». Но

ещё была Соня. Она уже была почти взрослой девушкой. Занятия художественной гимнастикой сделали её фигурку стройной. Прямые каштановые волосы свободно сбегали до самых плеч. Нельзя сказать, что она была красавицей, но густого серого цвета глаза, резко выделяющиеся в окоёме узких черных бровей и таких же чёрных ресниц, делали её очень привлекательной. И хотя она никак не выдавала своих чувств, но я понимал, что она могла думать обо мне, который вскоре после гибели её матери вдруг привёл в дом другую женщину. И тогда, как-то зайдя к ней в комнату и присев рядом с ней на диван, я рассказал ей всю историю наших отношений с Руфью. Несколько раз во время моего довольно долгого рассказа в глазах Сони проступали слёзы, а когда я закончил свою печальную повесть, она прижалась к моему плечу и, глядя куда-то вниз, проговорила.

– Прости меня, папа. Ведь я ничего не знала. Как мне жалко тебя, и хорошо, что всё это закончилось, хотя и такой тяжёлой ценой.

И когда на следующий день перед обедом она обратилась к Руфи со словом «мама», Руфь не смогла сдержать слёз. Она прижала её к себе и долго гладила её волосы. И, я думаю, она вспоминала свою... нашу, погибшую дочь. А у меня появилась уверенность, что в моей семье, состоящей из осколков трёх разорённых войной семей, всё будет хорошо. Такое ощущение и такая уверенность мне были необходимы перед моей довольно продолжительной командировкой в Бельгию...

Провожать меня в аэропорт поехали Руфь, Соня и Руфинка. Мама с Йони остались дома. Пройдя в зону контроля, я оглянулся. Они стояли тесной группкой, три женщины, и смотрели мне вслед.

Не люблю я проводы, прощания. Они всегда таят в себе неизвестность, опасность, неясность последующих со-

бытий, на которые ты не в состоянии повлиять. Там, за широкой стеклянной стеной аэровокзала, в серой дымке раннего утра, один за другим уносятся вдаль самолёты, разлучая людей, и не всегда гарантируют обязательность последующих встреч. И всё это поселяет в душе неосознанную тревогу. И я вспомнил, как уже однажды меня так же проводжали мои близкие. Но тогда это были совсем другие проводы, проводы без уверенности на встречу. И я подумал, как всё-таки хорошо, что всё, через что нам пришлось пройти, уже позади, и что сейчас есть надежда, и тем, кто остался там, в зале для провожающих, и машет мне на прощание руками, больше не придётся такое пережить, и наша встреча состоится, и будет она счастливой...

Больница Льежского университета состояла из трёх трёхэтажных корпусов, один из которых полностью был отдан под нейрохирургическое отделение. По сути дела это был один из лучших европейских центров спинномозговой нейрохирургии. Возглавлял его выходец из России профессор Левин, ученик известного российского нейрохирурга Лифшица, руководившего в своё время Московским Центром нейрохирургии и одним из первых применившего метод электростимуляции органов при травмах и поражениях спинного мозга. Этот метод исходит из того, что каждый человеческий орган электрически заряжен и имеет свой электрический ритм, которым управляют определённые участки спинного мозга. При поражении последнего происходит нарушение этого ритма, и соответствующий орган перестаёт нормально функционировать. Нарушается дыхание, мочеиспускание или двигательная система, в результате чего может даже наступить смерть пострадавшего ещё до проведения операции и устранения повреждения. Были разработаны приборы, которые навязывали пострадавшим органам необходимый ритм и тем самым стиму-

лировали их нормальное функционирование. Если после проведения операции на позвоночнике какая-то функция спинного мозга не восстанавливалась, то в него вживлялся электронный микрочип, который выполнял вместо него необходимую функцию, и человек в состоянии был вести нормальный образ жизни. Самое главное состояло в том, что с течением времени организм адаптировался к нужному режиму и был в состоянии нормально работать даже без внешнего вмешательства.

Всё это мне предстояло изучить и освоить за отведённые пять месяцев. Кроме того, нужно было заключить договор на поставку в Израиль оборудования и других технических средств, необходимых для внедрения этого метода в нашу медицинскую практику. Времени было мало, и поэтому я по четырнадцать, а иногда и больше, часов находился в больнице. Участвовал в операциях, а в последние полтора месяца проводил их самостоятельно. Результаты были поразительные.

График работы был очень плотным, и в итоге, у меня почти не оставалось времени, чтобы познакомиться с достопримечательностями Льежа. И всё же кое-что мне удалось посмотреть. Город расположен на берегу реки Маас с красиво оформленными берегами. Прогулялся я по площади Святого Ламберта, где расположен Дворец князей-апостолов – главное украшение города, выполненный снаружи в готическом стиле, а внутри – в стиле эпохи Ренессанса. Побывал и около городской ратуши с гербом города на фронте и бронзовой доской, на которой выгравировано имя знаменитого бельгийского криминалиста Мегре, снискавшего мировую популярность, благодаря романам Жоржа Сименона.

В последний день моей командировки, после оформления всех необходимых документов, я был приглашён про-

фессором Левиным к нему в кабинет. Передо мной сидел плотного телосложения пожилой человек, с крупной головой, покрытой густыми тёмными, с проседью, волосами, и с такими же густыми усами. Внимательный взгляд его карих глаз через толстые линзы очков в тёмной оправе говорил о том, что пригласил он меня не для формальной беседы, связанной с завершением моей стажировки.

И первый же вопрос, который он задал мне, был тоже неожиданным.

– Вы в каком городе Израиля живёте? Случайно не в Иерусалиме?

– Нет. Есть такой небольшой городок Ариэль. До войны он находился на территории, которую палестинцы считали своей. Там я и живу.

– А в Иерусалиме жил мой младший брат Боря. Вся его семья погибла в этой войне. Он был хорошим архитектором. Может быть, слышали, его фамилия тоже Левин.

Я напряг свою память, но она мне ничего не подсказывала. Я вообще не мог вспомнить никого из израильских архитекторов. И Левин понял.

– Ничего удивительного. Ведь круг ваших интересов – медицина. Но зато вы слышали, наверно, такую фамилию, как Лифшиц, Аркадий Лифшиц, известный нейрохирург, мой учитель.

– Видите ли, моей основной специальностью была внутриполостная хирургия, а нейрохирургическими операциями мне пришлось заниматься по необходимости во время войны. Но сейчас, очевидно, это станет основным моим делом. Да, я не только слышал эту фамилию, но и читал его труды. Но лично с ним не был знаком. Если я не ошибаюсь, то после репатриации в Израиль он основал свою клинику в городе Кфар-Саба. Существует она сейчас или нет, я не знаю. Да и жив ли сам профессор, я тоже не знаю. Ведь он

ещё тогда, после репатриации, как я понимаю, был довольно преклонного возраста.

– В любом случае, передайте, если не ему, то его близким, вот это. Здесь наша общая с ним фотография и небольшая сопровождающая записка.

Он протянул мне конверт, на котором был записан его адрес и номер телефона. После того, как я взял конверт, он спросил у меня:

– Ну, как прошла Ваша стажировка?

– Спасибо. Я многое узнал и многому научился.

– Ну, тогда желаю Вам успехов, и передавайте привет Израилю.

Он протянул мне свою, такую же, как и он сам, крупную руку. Мы попрощались. А на завтра я вылетел в Израиль.

Как я соскучился по своему дому, по Руфи, маме и детям! И хотя из гостиницы, в которой жил эти пять месяцев, я неоднократно звонил домой, но очень хотелось всех их увидеть, обнять.

В аэропорту меня встречала Руфь.

ГЛАВА 12

25.12.2024 года окончательно оформлены и подписаны всеми заинтересованными сторонами юридические документы, определяющие создание Мирового Союза со штаб-квартирой в Женеве, Мировым Судом в Брюсселе и органами безопасности в Амстердаме.

В Союз вступило большинство стран мира. Отказались вступить в состав Союза такие страны, как Китай, Саудовская Аравия, Арабские Эмираты, Кувейт, Катар и ещё некоторые, в основном, небольшие островные государства.

Неожиданным было решение о вступлении в Союз России. Такое решение приняло новое руководство России, пришедшее к власти год назад.

Серьёзные сомнения вызывал вопрос о вступлении в Союз Индии. Но после того, как Китай отказался от вступления в Союз, Индия дала своё согласие.

Такие страны, как Испания, Португалия, Норвегия и Швеция приняты в Союз на правах непостоянных членов до проведения в них необходимых политических реформ.

Итак, 25 декабря 2024 года знаменует собой начало новой эры взаимоотношений между государствами.

Остаётся надеяться, что такое мироустройство, наконец, исключит возможность возникновения военных конфликтов и развязывания новых мировых войн.

(Euro News, 26.12.2024)

***

Вечер того дня, когда я прилетел из Бельгии, был шумным, светлым и весёлым. Мы ждали гостей. Под навесом, прикрывающим фасадную часть дома, были установлены два стола – один для взрослых, другой для детей. Руфь выставляла на них тарелки, вилки, ножи, рюмки, фужеры. Ей помогала Соня, получившая отпуск в армии в связи с моим приездом. Мама на кухне заканчивала приготовление кушаний. Ну, а я занимался своими традиционными обязанностями – на мангале готовил шашлыки и мясо.

Стали приходить гости. Сначала к калитке нашего дома подъехал Миха со всей своей семьёй. Первыми из машины вывалились два его пятилетних близнеца, Элик и Алик, а затем показалась Сима с грудной Веред на руках. Не было только Лиз. Как выяснилось, она проходила тиранут (курс молодого бойца) в армии. Миха, заглушив мотор своей машины, открыл калитку, и вся эта шумная ватага ввалилась к нам во двор. Ещё не успели закончиться обычные в таких случаях слова приветствия и объятия, как Элик и Алик, прихватив лежащий в углу двора мяч, выбежали на улицу играть в футбол. За ними, конечно, увязался и Йони. А вскоре появилась и Сарит со своими детьми. Их встретила Руфь. С того времени, как Руфь переехала в Ариэль, она и Сарит подружились. Сарит была частой гостьей у нас, а Руфь в своё свободное время частенько навещала дом, где жила семья Йосефа, иногда захватив с собой младших детей.

Я продолжал возиться у мангала. Рядом стоял Миха. Он расспрашивал, как прошла моя стажировка в Льеже.

– Я слышал, что тебя назначили ведущим хирургом отделения нейрохирургии.

– Не знаю. Я ведь ещё не был в больнице. Но когда наш главврач беседовал со мной перед командировкой, из его

слов это можно было понять. Поживём – увидим. Ну, а каковы результаты применения вашего метода предупреждения заболеваний от радиоактивного заражения? Уже есть какие-то статистические данные?

– Нельзя назвать их отличными, но очень многим людям его применение сохранило здоровье и даже жизнь. Начнись война на полгода позже, думаю, результат был бы почти стопроцентным. А сейчас в больницах много людей, страдающих лейкемией, и, особенно, раком щитовидной железы. И большинство больных – это женщины и пожилые люди, которых мы не успели своевременно вакцинировать. В Эйлате две большие гостиницы отданы под гематологическую больницу-санаторий, где собраны лучшие медицинские силы и новейшая техника, позволяющая вытаскивать людей из этих, казалось бы, неизлечимых болезней. Но всё-таки процент смертности ещё достаточно высок.

Наконец, шашлыки и мясо были готовы. Мы торжественно водрузили их в специальных глиняных (чтобы не остывали) горшках в центре столов, где всё уже было приготовлено для того, чтобы начинать трапезу. Миха разлил по рюмкам и стопкам вино, а я на «детском» столе – кока-колу. И когда все приготовления были закончены, Миха встал из-за стола, поднял свою стопку, в которой, между прочим, судя по её хрустальной прозрачности, было, отнюдь, не вино, и некоторое время молчал, дожидаясь всеобщей тишины.

– Мы сегодня отмечаем возвращение «блудного сына» домой. Но я, его старый друг, который знает его с детских лет, уверенно заявляю, что никакой он не «блудный сын», а наоборот. Он очень даже привязан к дому. Просто жизнь заставляла его блуждать в её тёмных лабиринтах в поисках своего счастья. И, как мне кажется, он, наконец, нашёл его. Я предлагаю, Йонатан, выпить сейчас за то, чтобы оно, это счастье, больше никогда не покидало тебя и твоих близких.

Мы выпили, закусили, а потом продолжилась обычная чередá тостов: за наших мам, за детей, чтобы они были здоровы и счастливы, за то, чтобы больше не было войн. За столом царила оживлённая обстановка. Кто-то делился последними новостями, женщины говорили о своих детях, о новых рецептах приготовления кушаний. Мама уносила на кухню пустую посуду и приносила наполненную. Шумно было и за детским столом. А под конец взял слово я.

– Нас было трое. Мы с детства были, как одно единое целое. И вот, сейчас мне как будто не хватает одной руки. Нет с нами Йосефа, и это для нас огромная утрата. И ещё большая утрата для его жены Сарит и его семьи. Но знай, Йосеф, мы помним тебя, мы будем всегда рядом с тобой, рядом с твоими родными. Верь нам, как ты верил всегда. И пусть эти слова, будут нашей клятвой тебе. А сейчас давайте выпьем в память о моём друге Йосефе и ещё о тех наших близких, жизнь которых унесла эта страшная война. Пусть земля будет им пухом.

Мои слова прозвучали в полной тишине. Даже гомон детей за их столом утих. А глаза Сарит стали наполняться слезами. Мы выпили, стоя, не чокаясь. И как-то сразу спало общее оживление. И тогда мама сказала:

– Нужно убрать стол. Нас ещё ждёт сладкое. Сегодня у нас будет конкурс тортов. Победитель будет награждён специальным призом

Стали отодвигать стулья, уносить посуду. На столе появились три больших торта. Оказывается каждая женщина, из присутствующих здесь, приготовила торт по своему рецепту. Победительницей стала Сарит. Её торт под названием «Прага», действительно, был самым вкусным.

Был уже вечер, когда, проводив гостей, женщины занялись уборкой и мытьём посуды, а меня отправили в нашу половину дома укладывать спать Йони. Я помог ему раз-

деться, укрыл одеяльцем, присел на край его кровати и спросил:

– Хочешь, я спою тебе песенку, чтобы ты скорее уснул?

Не обратив внимания на мой вопрос, он спросил:

– Папа, а что это такое – рак.

– Ну, рак, это такое животное с хвостом и клешнями. Так называются его руки, на которых есть два очень сильных пальца. И если ему подставить свою руку, то он может ими ухватить её, и будет очень больно. А живёт он в реке, под камнями.

– Нет, папа, это не животное! Это болезнь такая. Тётя по телевизору говорила, что надо следить за своими зубами, чтобы они не были острыми и чтобы они не могли поранить язык. А то может на языке появиться рак. И это очень опасная болезнь. Последи сейчас за моими зубами. Они не острые?

Мне стало смешно. Я погладил его по голове и сказал:

– Ну-ка, открой свой рот, я посмотрю.

Он послушно выполнил моё требование. Я наклонился к его лицу и, чтобы он понял всю серьёзность моих действий, стал внимательно рассматривать ровный ряд его маленьких, ещё молочных, зубов и даже потрогал их своим пальцем.

– Нет, можешь не беспокоиться. У тебя хорошие и совсем не острые зубки. И никакого рака у тебя не будет.

Он удовлетворённо вздохнул, а потом вдруг сообщил.

– Папа, а я сейчас всё доедаю, что мне дают кушать. Ничего не оставляю в тарелке. Я не хочу умереть.

– Почему ты думаешь, что можешь умереть?

– Мама читала в газете, что много детей в Африке умирают от недоедания. А почему они не доедают? Что, они не знают, что можно умереть?

Я не стал ему объяснять смысл слова «недоедание». Это потребовало бы много времени и вызвало дополнительные вопросы. И я решил просто его успокоить.

– Это в Африке, а здесь, у нас это не страшно. И если ты уже наелся и больше не хочешь, то можешь не доедать. Я ведь врач и очень хорошо знаю, что тебе это не грозит. А сейчас закрывай глаза и спи спокойно.

– Папа, а наша мама не умрёт?

– А почему ты об этом спрашиваешь? Откуда у тебя такие мысли?

– Не знаю. Но ведь она может заболеть и умереть. У неё болит голова, и я очень боюсь.

– Не бойся. Ты ведь знаешь, что я доктор, и если вдруг она заболит, то я её вылечу. Всё будет хорошо. И больше не думай об этом. Договорились?

– Да, папа.

Видимо, я его убедил. Он повернулся на правый бок, подтянул одеяло, и вскоре я услышал его ровное посапывание. Успокоенный, он уснул.

Я ушёл в нашу комнату, расстелил кровать, разделся и лёг в ожидании Руфи. Вскоре она пришла. Улыбнулась.

– Я вижу, что ты уже готов ко сну?

– Нет. Я жду тебя.

– А Йони спит?

– Спит. Назадавал мне кучу вопросов, а потом уснул.

– О, это его любимое занятие. Он своими вопросами уже всех тут замучил.

– Любознательный у тебя сын. Это ж очень хорошо. Так он познаёт жизнь.

Руфь выключила верхний свет, зажгла ночник и стала раздеваться. Я залюбовался ею. Несмотря на возраст и то, что она уже четырежды становилась матерью, ей удалось сохранить свою фигуру стройной, как у молодой девуш-

ки. Она расстегнула зажим на затылке, и её длинные волосы, отливающие тёмным золотом, рассыпались водопадом по спине. Это чисто женское движение её рук вверх, когда она распускает свои волосы, всегда вызывает у меня какое-то особое чувство нежности. В слабом свете ночника я наблюдал, как она расстёгивает кофту, снимает юбку, закинув руки за спину, расстёгивает бюстгальтер. И вот показалась грудь, самая прекрасная часть её тела. А вот и она сама в моих объятьях. Я гладил её руки, спину, грудь, целовал глаза, нос, губы, а она прижималась ко мне всем телом, обхватив мою шею своими руками, подставляла свои жаркие губы и шептала:

– Как я соскучилась по тебе, милый.

– Я тоже очень скучал, ждал этого дня. Но теперь мы с тобой вместе.

– Да, вместе.

– Как я люблю тебя, Руфь! И как я хочу тебя, милая!

Она вдруг затихла, стала гладить мои волосы, поцеловала, слегка отстранилась и сказала.

– Сегодня не получится.

– Почему?

– Ну как ты думаешь, почему? Потому же, почему и раньше такое бывало. У меня месячные.

Я прижал её к себе, поцеловал.

– Ну, что ж, придётся подождать.

– Да, придётся. Хотя по времени они должны были уже закончиться.

– А когда они должны были закончиться?

– Да уже дней пять тому назад.

Я замолчал. Что-то насторожило меня.

– Руфь, Йони сказал, что у тебя болела голова.

– Ну, болела, ну и что?

– Часто?

– Да нет, не очень. А что в этом необычного?

– Ничего необычного. Я просто хочу знать, как ты тут жила без меня. Ну, что, давай будем спать?

– Давай. Я что-то сегодня очень устала. Рано встала. Да ещё эта кутерьма с уборкой, подготовкой к приёму гостей.

Она поцеловала меня в щёку, пожелала: «Спокойной ночи» и вскоре уснула. А я уснуть не мог. Тревога не покидала меня. Я вгляделся в лицо спящей Руфи. Ничего не изменилось в нём. Такое же родное мне лицо. Она даже похорошела после того, как я привез её из Бейт-Менаше, и больше напоминала мне ту Руфь, которую я увидел тогда, впервые, на армейском наблюдательном пункте. Но всё же...

Я осторожно высвободил руку, на которой лежала Руфь, встал с кровати, оделся и вышел во двор. Закурил, пытаюсь успокоить свои тревожные мысли. Ну, что? Головные боли? Продолжительная менструация? Да, они в какой-то степени могут быть признаками заболевания, а могут и не быть. Где она могла получить облучение? В своём Бейт-Менаше? Так это очень далеко от тех мест, где упали ракеты с ядерным зарядом. Этого просто не должно быть. Я немного успокоился. Но всё-таки решил, что нужно в ближайшие дни сделать проверку, хотя бы получить анализ крови. Немного успокоившись, я вернулся в комнату. Руфь спала. Её волосы разметались по обеим подушкам. Аккуратно, чтобы не разбудить её, я сдвинул их и лёг рядом. Руфь что-то пробормотала во сне, повернулась на бок, рукой нащупала мою голову и обняла меня. А я ещё долго не мог уснуть, лежал, не шевелясь, боясь потревожить её сон.

Следующий день была суббота, и мы с Руфью решили съездить в Бейт-Менаше, посетить могилки детей. Путь был долгий. Мы проезжали через городки и посёлки, где всё ещё можно было увидеть последствия прошедшей войны. Я рассказывал Руфи о Льеже, о тех возможностях, кото-

рые может дать применение метода Лифшица и новой медицинской техники при проведении нейрохирургических операций. Она же рассказывала мне о детях, о своей работе, а потом вдруг вспомнила.

– Йонатан, мне надо как-то оформить наследование дома моих родителей.

– А что, ты там ни разу не была со времени войны?

– Я ездила туда ещё из Бейт-Менаше, сдала его в наём, а оформить, как наследство, не успела.

И тут меня пронзила тревожная мысль. Ведь посёлок, в котором жили родители Руфи, находится недалеко от Иерусалима.

– Руфь, а когда ты ездила на похороны отца, а потом и хоронила маму, это было не то время, когда в Иерусалиме взорвалась атомная ракета?

– Да. Я даже видела из окна атомный гриб, который поднялся над Иерусалимом.

– И Йони был с тобой?

– Да, был. Он, правда, спал в другой комнате.

Вот тебе и разгадка, доктор, «специалист по радиоактивному заражению»! Как такое получилось, что ты не подумал об этом раньше, ещё тогда, когда в первый раз приезжал к ней в Бейт-Менаше, и когда она рассказала тебе историю смерти своих родителей.

– Руфь, а тебе делали противорадиационную прививку?

– Да. Приезжала бригада медиков из хайфской больницы Рамбам и делала прививки всем жителям Бейт-Менаше, а ещё давали антибиотик, Антирадон. Причём, через несколько дней всё повторили.

– А когда это было?

– Уже в конце войны.

Ну, хоть какая-то надежда есть. Я не стал тревожить Руфь своими подозрениями, но на обратном пути, когда мы уже подъезжали к Ариэлю, я сказал:

– Руфь, ты находилась в зоне радиоактивного заражения, и хотя тебе делали прививку, всё же следует пройти обследование. Прошу тебя, завтра уже ты должна сделать полный анализ крови. Договорились?

– Йонатан, ты думаешь...

– Ничего я не думаю. Раз тебе делали прививку, причём дважды, то вероятность очень мала. Так что не беспокойся особенно. Но обследоваться надо.

– Хорошо, Йонатан. Я завтра у себя в больнице сдам кровь. А как быть с Йони? Ведь он тоже был там, вместе со мной.

– Да, ты права. Его тоже нужно проверить. Я попрошу маму, чтобы она сходила в поликлинику и взяла направление на анализ крови. А ты не помнишь, делали ему до войны такую прививку?

– Да, делали, прямо в роддоме. Я ещё удивилась. Раньше никаких таких прививок новорождённым детям не делали.

– Раньше у Ирана не было атомного оружия, а потом оно появилось. В этом всё дело.

ГЛАВА 13

В Иране заканчивается демонтаж всех установок по обогащению урана. Запасы урановой руды, закупленные в своё время в Казахстане и ЮАР и предназначенные для наращивания ядерного потенциала Ирана, частично будут использованы для работы Бушерской атомной станции, а частично утилизированы в районе пустыни Деште-Кевир. Работы по деатомизации Ирана ведёт группа специалистов, представляющих ряд стран Союза, а также самого Ирана, под наблюдением представителей МАГАТЕ. Аналогичные работы ведутся в Пакистане и бывшей КНДР. Полное завершение указанных работ планируется на конец 2026 года.

(«Вестник МАГАТЕ», 23.06.2025)

***

В связи с тем, что в результате Третьей Мировой Войны радиоактивному заражению подверглись огромные территории в различных странах, входящих в Мировой Союз, при Организации Всемирной Безопасности в составе МАГАТЕ создан специальный орган, в обязанности которого входит следующее:

- 1). Отселение жителей из заражённых районов в уже создаваемые во многих странах временные лагеря.*
- 2). Создание при лагерях специализированных медицинских центров для выявления и необходимого лечения пострадавших от радиоактивного заражения.*
- 3). Проведение работ по дезактивации заражённых территорий с доведением их до состояния, позволяющего безо-*

пасное проживание людей. Для этих целей создаётся специальный межгосударственный фонд: Фонд Восстановления Земли (ФВЗ).

В общей сложности переселению подлежит более шестидесяти трёх миллионов человек. К настоящему времени уже построено и заселено временное жильё для десяти миллионов семей.

Кроме того, Фонд занимается подготовкой медицинского и педагогического персонала для работы с детьми, рождёнными с серьёзными патологическими отклонениями, обусловленными радиоактивным заражением их родителей. С этой целью строятся специализированные больницы и интернаты.

(«Вестник МАГАТЕ», 01.09.2025)

***

Я сижу в кабинете заведующего гематологическим отделением нашей больницы, профессора Наймарка. Он внимательно просматривает принесённые мной результаты анализа крови Руфи, а также биопсии костного мозга, которую она сделала после того, как выяснилось, что анализ её крови подтвердил мои опасения.

– А есть какие-то внешние проявления заболевания?

– Есть, конечно. Головные боли и длительный менструальный период.

– Насколько больше обычного?

– Дней на пять, шесть.

– И только?

После моего утвердительного ответа он поднял свой взгляд от бумаг, лежащих перед ним на столе, устремив его куда-то в пространство, и некоторое время молчал.

– И давно это начало проявляться?

– Да нет, совсем недавно.

– Странно. Степень поражения костного мозга довольно высокая. Я удивляюсь, что при этом признаки заболевания у неё довольно долго не проявлялись. Единственная надежда на химиотерапию с последующей пересадкой костного мозга. Правда, сейчас находится в опытной стадии испытаний недавно полученная вакцина, которая выполняет примерно те же функции, что и химиотерапия, но в более щадящем режиме. Получили её, насколько я знаю, буквально несколько дней назад. Апробация этого метода ведётся на животных, и пока неизвестны результаты. Но, возможно, в ближайшем будущем мы сможем применять его и для людей, больных лейкозом.

– А почему нельзя попробовать применить эту вакцину на людях уже сейчас, хотя бы, на безнадежных больных.

– Для этого нужно принять решение. Но никто не хочет взять на себя такую ответственность.

Мы помолчали. Он сложил результаты анализов Руфи в конверт и подал его мне.

– Ты, наверно, и без меня знаешь, как происходит развитие лейкоза. Но я всё-таки напому, чтобы тебе были ясны наши возможности в настоящее время. Ты, не возражаешь?

– Конечно, нет. Я внимательно тебя слушаю.

– Итак, как тебе известно, поражённые участки костного мозга выбрасывают в кровь очень большое количество зародышевых лейкоцитов, которые не могут развиваться до взрослого состояния и выполнять свои основные функции, а только засоряют кровь. В результате происходит избыточное заполнение ими состава крови и затруднение действия здоровых лейкоцитов и эритроцитов. Задача химиотерапии уничтожать эти зародышевые лейкоциты, создавая при этом возможность более или менее нормального функционирования здоровых клеток крови. Но при этом, к сожалению, страдают быстро развивающиеся клетки на-

шего организма, такие, как клетки волосяного покрова, слизистых оболочек и тому подобное. Начинают выпадать волосы, иногда появляются боли в животе. В какой-то степени могут пострадать и некоторые внутренние органы, такие, как печень и почки. А применение химиотерапии приводит к тому, что задерживается процесс развития заболевания, а иногда и к отмиранию поражённых участков костного мозга. И тогда наступает выздоровление. Но процент случаев такого исхода пока очень и очень низкий. И мы не знаем до сих пор, как это происходит. Если же при этом имеется донорский костный мозг, по своему составу полностью идентичный составу костного мозга больного, то процент положительного исхода достаточно высок. Зато новый метод, если он успешно пройдёт испытания, позволит поражать зародышевые лейкоциты без повреждения быстро развивающихся клеток, то есть без выпадения волос и повреждения слизистых и других органов, и при этом сдерживать процесс развития болезни на длительное время. Но пока этот метод, как я уже говорил, находится на самой ранней стадии опытных испытаний. И ещё не ясно, какова его эффективность. Если тебе интересно, я могу рассказать, что представляет собой этот метод.

Да, мне сейчас было интересно всё, что связано с лечением этого заболевания, не только как медику. И тогда, получив моё согласие, он продолжил.

– Если бы не было этой войны, может быть нашим учёным так и не удалось прийти к этому методу. Появилась база для новых исследований. Началось всё с того, что в сафари от раковых заболеваний стали погибать местные обитатели, кроме одного вида обезьян – макак. И именно среди макак ни у одной особи рак крови не был обнаружен. Этим заинтересовались наши бактериологи. Дальнейшие исследования показали, что их кровь представляет собой среду

обитания особых вирусов, которые ответственны за очистку крови от инородных элементов. Именно они, обнаружив такие инородные тела в крови, внедряются в них, в результате чего те погибают. Благодаря этим вирусам, кровь постоянно очищается от зародышевых лейкоцитов, вырабатываемых повреждёнными участками костного мозга, и макак продолжают нормально жить, несмотря на то, что они так же, как и другие животные в сафари, были подвергнуты радиоактивному облучению. У них не выпадает шерсть, нет проблем с кишечным трактом, не повреждается слизистая оболочка полости рта. Кроме того, было обнаружено, что количество лейкоцитов, вырабатываемых повреждённым костным мозгом, со временем не увеличивается, а даже иногда сокращается. А это говорит о том, что не происходит разрастания его поражённых участков. То есть, процесс как бы консервируется. Правда, пока не ясно, как долго это может продолжаться и, самое главное, как восстановить нормальное функционирование самого костного мозга. Но у меня есть какая-то интуитивная уверенность в том, что таким способом нам удастся поддерживать жизнь человека и его нормальное функционирование долгие годы, даже не делая пересадку костного мозга. А пока есть единственный способ его восстановления – это замена на абсолютно идентичный по своему белковому составу, взятый у донора. В Израиле и в некоторых других странах существует банк доноров костного мозга. Сейчас идёт корректировка его, так как многие из доноров, зарегистрированные в этом банке, либо сами нуждаются в пересадке, либо ушли в мир иной после этой войны. Но такую попытку не следует исключать. Мы сделаем запрос на поиск необходимого донора. И если таковой найдётся, я сразу дам тебе знать. А тогда вероятность выздоровления твоей супруги будет очень высока. А сейчас надо приступить к химиотерапии.

Да, я, действительно, понимал, что другого пути у нас просто нет. А он участливо посмотрел на меня.

– Я бы тебе посоветовал поместить её в гематологический центр в Эйлате. Конечно, можно проходить химиотерапевтические процедуры в нашей больнице, каждый раз возвращаясь после них домой. Но в Эйлате она будет находиться под постоянным наблюдением не только во время самих процедур, но и в промежутках между ними. Там собраны очень серьёзные силы – как врачей онкологов и гематологов, так и среднего медперсонала, а также самое современное медицинское оборудование, которого в нашей больнице пока ещё нет. Кроме того, если будет получено разрешение на применение этого нового метода в нашей практике, то, скорее всего, это сначала будет проводиться там. А мы пока займёмся поиском необходимого ей донора. Причём, не только в Израиле.

Затем он вывел на компьютере направление в эйлатский центр гематологии, подписал его и передал мне.

– Это если решишь воспользоваться.

Я поблагодарил его. Мы поднялись. Он пожал мне руку, пожелал удачи, и я вышел из его кабинета...

Прошло около месяца с того дня, когда я вернулся из Льежа. В первый же день моего появления на работе главный врач дал мне расписаться под приказом, в котором говорилось, что я назначаюсь ведущим хирургом отделения нейрохирургии, временно исполняющим обязанности заведующего отделения.

Помещение нейрохирургии уже было восстановлено. Пришло оборудование, заказанное мной в Бельгии. Начался его монтаж. На первое совещание, которое я проводил в своем кабинете, пришёл весь врачебный состав отделения. Со многими из них я был знаком со времени, когда мы вместе работали в помещении общей хирургии, но были и

новенькие. Я вкратце рассказал им о дополнительных возможностях в нашей практике, которые предоставляет нам новое оборудование и новые методики, разработанные профессором Лифшицем. А в следующие дни мы проводили их опытное освоение, и к концу месяца работа отделения велась уже в полном объёме.

Я пропадал в больнице до позднего вечера, и когда возвращался домой, то никак не мог решиться сказать Руфи о необходимости её лечения в Эйлате. Я понимал, что она очень болезненно воспримет необходимость расстаться с семьёй, возможно, на продолжительное время.

В то же время нельзя было откладывать решение этого вопроса.

В один из вечеров, когда я вернулся с работы, я увидел, что Руфь бледная лежит на диване одна в салоне нашей половины дома, укрывшись пледом.

– Руфь, ты плохо себя чувствуешь? Заболела?

– Нет, Йонатан, хуже. У меня пошла кровь.

– Кровь? Откуда?

– Я закашлялась, и у меня на платочке была кровь, кровь из носа. А я ведь знаю, что это такое.

– Ну, это ещё ни о чём не говорит, – постарался я как-то успокоить её.

– Нет, Йонатан, говорит. Я тебе не рассказывала, но у меня два дня назад был понос с кровью. А это всё признаки лейкоза. Нам об этом говорили на курсах. Я это поняла, когда получила результаты анализов, но не придавала этому особого значения. Ведь чувствовала я себя совершенно здоровой. А вот теперь...

Она посмотрела на меня, и я увидел, что вдоль нижних ресниц её глаз появилась влажная полоска.

– И это сейчас, когда я так радовалась тому, что мы вместе, когда всё складывалось так хорошо. Почему Бог только

манит меня счастьем, а потом отнимает его? Чем я провинилась перед ним, что он так жесток ко мне?

По её щекам скатывались капельки слёз. И я видел в её глазах страх и отчаяние. У меня к горлу подступил комок. Я присел к ней на диван, гладил её такие красивые волосы, такое дорогое мне лицо.

– Успокойся, Руфь. Не всё так безнадежно. Ты будешь лечиться, и я уверен, что мы преодолеем с тобой и эту беду. Сейчас медицина располагает многими новыми средствами по борьбе с этим заболеванием. Ты выздоровеешь, и мы с тобой ещё проживём долгую и счастливую жизнь. И ты родишь мне ещё дочку, а, может быть, и сына.

Она смотрела на меня своими печальными глазами, ладонью вытерла слёзы и улыбнулась.

– Да, Йонатан. Я так хочу, чтобы у нас с тобой были общие дети.

– Будут, Руфь, будут. У нас будет многодетная семья. И представь себе, как мы всей семьёй соберёмся за одним столом, или пойдём гулять по городу. Как это будет красиво и радостно!

– А потом ещё появятся внуки, и я буду нянчить их, да?

– Конечно! А я буду помогать тебе.

Руфь немного успокоилась, а в это время пришёл Йони.

– Бабушка велела идти спать.

Руфь встала, отвела Йони в его комнату и уложила в кровать.

А поздно вечером, когда мы ушли в свою спальню, я рассказал ей всё, о чём говорил мне профессор Наймарк. Особенно о том, что, возможно, скоро для лечения лейкоза поступит новая вакцина, и тогда проблема с лечением этой тяжёлой болезни будет сведена почти к нулю.

По мере моего рассказа я видел, как менялось лицо и глаза Руфи. И хотя там ещё оставалась тревога, но бы-

ла и надежда, и я радовался, что смог как-то вселить в неё какую-то уверенность в благополучном исходе.

Прошло ещё несколько дней, а состояние Руфи только ухудшалось. И я понял, что ждать больше нельзя, и надо начинать лечение теми средствами, которые имеются на данный момент. И лучше, если это будет Эйлат. Стараясь сделать это, как можно, мягче, я сказал об этом Руфи. Она некоторое время молчала, обдумывая мои слова, а потом, видимо, решилась.

– Ладно, Йонатан, я понимаю, что в Эйлате вероятность моего излечения выше. Но только я хочу взять с собой Йони. Тогда мне будет там не так одиноко. Кроме того, пусть ему ещё раз сделают анализы. Я все-таки за него боюсь. Ведь в тот день, в маминой квартире, он тоже находился.

– Руфь, давай сделаем так. Сначала я тебя отвезу одну. Посмотрю, как ты устроишься. Попробую договориться о том, чтобы тебе разрешили взять к себе Йони, а также, чтобы ему сделали дополнительное обследование, хотя его анализ крови однозначно говорит, что он здоров. А через неделю я его привезу. И вообще, все выходные дни я буду проводить с тобой.

На том и порешили. А на следующей неделе, взяв на работе однодневный отпуск, я отвёз Руфь в Эйлат. В приёмном покое мы сдали все её медицинские документы, в том числе и результаты анализов, а также запрос на поиск донорского костного мозга.

Ей был выделен одноместный номер в бывшей гостинице, уютный, с балконом и видом на море. Мне сказали, что первая процедура химиотерапии будет назначена после проведения предварительных анализов.

Я зашёл к главврачу центра и договорился, чтобы Руфи было разрешено поставить в её комнате раскладушку для Йони.

Комната, в которой должна была жить Руфь, находилась в соседней гостинице. Весь нижний этаж этой гостиницы был отведён для проведения различных культурных мероприятий. Отдельно был оборудован зрительный зал со сценой, занавесом и даже, гримёрными. В тот день, когда мы приехали, там выступал театр «Парнас» из Хайфы. В другой части холла располагался бар, стояли столики, и было место для танцев и других массовых мероприятий. Все больничные помещения размещались на первых трёх этажах соседней гостиницы: процедурные, операционные, больничные палаты. Там же находился и кабинет главврача.

Мы познакомились с обитательницей соседнего с комнатой Руфь номера. Ею оказалась молодая учительница из Рамат-Гана, Джулия Вайнштейн. Она рассказала нам, что здесь люди живут обычной жизнью, но только как на курорте. Цены за проживание сносные. Часто приезжают на гастроли различные театры, вокально-инструментальные группы, отдельные артисты, поэты, – и не только из Израиля, но и из других стран. Да и на лечении здесь находится много иностранцев. Питание трёхразовое, довольно приличное. В общем, жить можно, но только надо соблюдать режим: обязательный дневной сон, как можно меньше находиться на солнце. Можно купаться, но желательно в крытом бассейне. А вечера абсолютно свободны. Можно гулять по набережной, ходить по магазинам, развлекаться, причём не обязательно в нашей гостинице. Отбой в одиннадцать часов вечера, но многие его не соблюдают. Правда, день процедур приходится проводить в палате в больничном корпусе.

Время близилось к вечеру. Мы вышли на берег. Жара уже спала. Дул слабый ветерок, покрывая мелкой рябью поверхность моря. А заходящее солнце окрашивало её в золотистый цвет. Вдоль пляжей открывались торговые лот-

ки. В парках под громкую музыку работали аттракционы. В курортном городе начинался привычный здесь вечерний карнавал, постепенно наплывало общее ожидание праздника. Но ощущал я всё это как-то отстранённо. Оно было где-то снаружи, но не внутри нас.

– Йонатан, а ведь я ни разу за всю свою жизнь не была в Эйлате. Как здесь всё необыкновенно и красиво, и эти удивительные здания гостиниц, и это спокойное море. Как оно отличается от буйного Средиземного. Как бы хотелось здесь побывать в другой обстановке и с другим настроением.

– Всё ещё будет, Руфь. Вот, ты подлечишься, и мы приедем сюда всей семьёй. Я тебе обещаю.

– Да, это было бы здорово. Именно, всей семьёй. И дети, и мама.

Я смотрел на Руфь, на её оживлённое, такое родное лицо, и мне стало казаться, что всё это неправда, что все эти анализы и заключения, это ошибка. Как хотелось в это верить. Зажглись фонари. Нарядные отдыхающие группами и поодиночке прогуливались вдоль берега, рассматривали выставленные в торговых палатках товары, сидели в открытых кафе. Мы перешли через выпуклый мостик, соединяющий берега узкого канала, и оказались в районе больших магазинов. Их ярко освещённые витрины манили покупателей. Мы заходили внутрь, Руфь рассматривала разложенные на полках товары, приценивалась, но когда я предлагал купить что-нибудь, она отказывалась.

– Потом, Йонатан.

Несмотря на то, что внешне Руфь вела себя, как обычно, я чувствовал её внутреннее напряжение и беспокойство перед тем, что ей предстоит. Я всё это отлично понимал, и мне хотелось хоть как-то отвлечь её от тягостных мыслей, которые гнездятся в её голове. В ювелирном магазине она

залибовалась золотым колечком с венчиком белых лепестков, в центре которого сверкал своими гранями маленький жёлтый камешек.

И действительно, колечко было очень красивым и отличалось от других, таких же колечек, выложенных в витрине, особой оригинальностью.

Я попросил молоденькую продавщицу показать нам его. Она отодвинула стекло витрины, вынула колечко и подала мне. Я передал его Руфи.

– Ну-ка, примерь.

– Зачем? Что, ты собираешься его покупать?

– Просто примерь. Как оно будет смотреться на руке?

Это было чудесно. Оно так гармонировало со смуглой кожей руки Руфи, что я залибовался. Любовалась и Руфь, поворачивая руку, то в одну сторону, то в другую. И это чисто женское движение было так восхитительно, что окончательно покорило меня. Я взглянул на продавщицу, она улыбалась.

– А что это за камень?

– Само кольцо выполнено из жёлтого, лепестки из белого золота, а камешек, это бриллиант такой оригинальной окраски. Нравится?

– А сколько оно стоит?

– А там, на бирочке, указана сумма.

Я посмотрел. Да, сумма была приличной. Я понял, что тех денег, которые были у меня на счете, не хватит, чтобы рассчитаться.

– А можно разбить эту сумму на два платежа?

– Почему нет? Можно и на три.

– Йонатан, откуда у нас такие деньги? Ты, что, совсем с ума сошёл? Да мне оно и не очень нравится.

– Неправда. Нравится. И, в конце концов, могу я сделать своей жене хоть раз настоящий подарок.

Я вынул из кошелька свою кредитную карточку и подал продавщице.

– Пожалуйста, на три платежа.

Мы вышли из магазина. При свете витрины Руфь вынула из сумки коробочку, открыла её, вновь полюбовалась колечком, а потом обхватила меня за шею, поцеловала в щёку и прошептала: «Сумасшедший. Мой самый любимый сумасшедший!».

Перекусив в одном из прибрежных кафе и прихватив с собой бутылку мартини и коробку конфет, мы вернулись в гостиницу. Следующий день был субботой, поэтому я остался на эту ночь с Руфью. Мы вышли на балкон. Перед нами открылся изумительный морской пейзаж. Луна, выплывающая на горизонте из морских глубин, разрушала черноту ночи, образуя серебристые дорожки, бегущие откуда-то издалека к самому берегу. Их пересекали прогулочные яхты, образующие светлые пятна своих огней на поверхности моря. У берега можно было увидеть редких купальщиков. Вдоль берега прогуливались отдыхающие. Где-то играла музыка. Мы стояли, обнявшись, у перил балкона, я любовался своей любимой и слышал, как бьётся её сердце, и не хотелось верить, что когда-то оно может остановиться.

А признаки болезни всё больше и больше давали о себе знать, и дальше ждать уже было нельзя. Но не может, не должна, такая красота в самом её расцвете вдруг исчезнуть. Так не должно быть в жизни. И Бог, если он есть, если он справедлив, не должен допустить такого.

– Ну что, Руфь, мне кажется, что здесь, на балконе, очень к месту рюмка мартини.

– Да, дорогой, я хочу сегодня пить, пока не стану пьяной. Ведь ты меня ещё ни разу не видел пьяной?

– Да, и очень хочу увидеть. Я даже представляю себе эту картину. И она мне очень нравится.

– Ну, тогда действуй.

Я принёс на балкон, где стоял маленький столик и два пластмассовых стула, картины, конфеты и два стакана. Открыл бутылку. Мы сели, и тут Руфь спросила:

– Может, надо пригласить Джулию? Ведь она пока здесь единственный человек, с которым мы знакомы. А мне она очень понравилась.

– Нет возражений.

Я вышел в коридор и постучал в соседнюю комнату. Дверь открылась, и на пороге появилась Джулия в нарядном вечернем платье. Её губы слегка тронуты помадой. Из подведённых ресниц на меня смотрели удивлённые глаза. Видимо, она к чему-то готовилась. Я извинился за столь неожиданный визит.

– Ты, наверно, куда-то собираешься?

– А что, у вас есть какие-то предложения?

– Мы хотели пригласить тебя к нам. Отметить наше появление здесь.

– Я не против, но у меня здесь мой друг.

– Так приходите вместе с другом. Это будет ещё лучше.

Она обернулась в сторону комнаты.

– Джони, нас приглашают в гости. Как ты смотришь на такое предложение?

За спиной Джулии появился высокий молодой мужчина в лёгкой светлой куртке, под которой была белая рубашка с голубым галстуком. Он с интересом посмотрел на меня такими же голубыми глазами. Поздоровался.

– Как я смотрю? Ты ж знаешь. Я всегда смотрю твоими глазами. Если ты за, то и я не против.

– Ну, так мы вас ждём.

Я вернулся в нашу комнату, оставив открытой дверь, и предупредил Руфь, что её ждёт сюрприз. Через минуту раздался стук в открытую дверь. Это пришли наши гости.

С Джулией мы уже были знакомы, так что представлялся только Джон.

– Джонатан, – назвался он, пожимая мне руку.

– Йонатан, – ответил я.

– О, так мы есть тёзки! Джонатан и Йонатан. Правильно?

Я заметил, что он неплохо говорит на иврите, но с явным английским акцентом. Мы пригласили их на балкон, где уже стояла открытая бутылка, конфеты и кое-что из того, что мы привезли из дома. Вынесли из комнаты ещё два стула. Джон взял в руки бутылку.

– О, так это есть мартини! О'кей! Тогда мы сейчас сделаем коктейль. У меня в номере есть джин. Настоящий ямайский джин. Я его сейчас принесу, и мы будем пировать.

Он поднялся и вышел из комнаты. И тут Джулия обратила внимание на колечко Руфи.

– Какой красивый перстенёк! Какое сочетание цветов! Руфь, а что это за камень? Он просто притягивает внимание своим блеском. Я первый раз вижу такую красоту. Вы его здесь купили?

– Да, сегодня. Нам сказали, что это бриллиант, но такой неожиданной расцветки.

– Прелесть! И, я думаю, очень дорогой. Вы, наверно, очень богатые?

Руфь засмеялась. Мне тоже стало смешно.

– Откуда мы можем быть очень богатыми? Он врач, а я медсестра. С нашей зарплаты не очень-то разбогатеешь.

– Ну, тогда, – она, улыбаясь, взглянула на меня, – он тебя очень любит.

Руфь опять засмеялась.

– Не знаю. Может быть. Об этом нужно у него спросить.

Я пожал плечами, и в это время открылась дверь, и зашёл Джонатан, неся в руках бутылку джина, лимон и что-то ещё в пластмассовой коробочке.

– Сейчас будем готовить коктейль с джином.

Он налил в стаканы на одну треть мартини, добавил немного джина, отжал в них лимонного сока, а затем из корбочки, где оказались кубики льда, ложечкой доставал по паре кубиков и опускал их в стаканы.

– Надо подождать, чтобы коктейль немножко охладился.

Мы ждали. Я посмотрел на Руфь, она сияла. И я вспомнил её слова: «хочу сегодня быть пьяной». Я подмигнул ей, и она ответила мне улыбкой. Через минуту Джонатан поднял свой стакан, обвёл всех своими голубыми глазами.

– Ну, а теперь можно. Я немножко есть физиономист, и вы мне сразу понравились. Значит, вы есть хорошие люди. Поэтому я хочу выпить за вас и за наше знакомство.

Все выпили. Руфь опорожнила свой стакан до дна, и я начал беспокоиться, выдержит ли она до конца вечера. Но на мой встревоженный взгляд она ответила успокаивающей улыбкой. Мол, можешь не волноваться, всё в порядке. Следующим слово взял я.

– Я очень благодарен Джонатану за столь тёплые слова в наш адрес. А сейчас я хочу повторить его слова, только в обратном порядке. Будьте здоровы и счастливы. И, надо сказать, что нам здорово повезло, что мы встретили здесь первыми именно вас.

Настроение у всех было приподнятое. И тогда Джулия предложила.

– Пойдёмте вниз. Там, в холле, сегодня танцы. Руфь, ты любишь танцевать?

Руфь выглядела смущённой. Я знал, почему.

– Я не очень хорошо танцую.

– Не страшно. Я научу. Я есть хороший учитель танцев.

– Ну, хорошо. Но мне надо переодеться. Вы идите, а мы потом придём.

Они ушли, а я смотрел на Руфь и удивлялся. Куда-то исчезло скрываемое ею подавленное настроение, которое я постоянно ощущал. Она была возбуждена, глаза её лучились радостью, щёки покраснелись. Видимо, причиной был джин. Руфь открыла шкаф, где висели два её платья.

– Как ты думаешь, какое мне стоит надеть?

– Надень то, в котором ты была в день моего приезда из Бельгии. Оно тебе очень идёт. В нём ты выглядишь самой красивой женщиной из тех, которых я видел в своей жизни.

– Ох, и льстец! Ну, хорошо.

Она переоделась, и мы спустились в холл. Там звучала музыка. Несколько пар танцевали танго. Джонатан и Джулия ожидали нас за столиком у большого фасадного окна с видом на море. На столике уже стояли бокалы, бутылка сухого вина, а на тарелках лежали ломтики красной рыбы. Как только мы подошли, Джонатан с галантным поклоном пригласил Руфь на танец. Мне тоже ничего не оставалось делать, как пригласить на танец Джулию. Когда я взял её за талию, то почувствовал, какая она худая. Я ощущал под рукой её рёбра, хотя в одежде это было не так заметно. И ещё, глядя на неё вблизи, я понял, что на голове у неё не свои волосы, а парик. Она попросила меня не делать быстрых движений, и я понял, что, несмотря на внешнюю бодрость и даже весёлость, она чувствует себя неважно. Мы разговорились. Я спросил у неё давно ли она здесь.

– Да вот, уже больше, чем два месяца.

– А Джонатан? Я обратил внимание, что у него, по-моему, английский акцент.

– Да. Он приехал в Израиль, когда началась война, добровольцем. Воевал. Был ранен. А после войны принял израильское гражданство и остался здесь жить. В Америке у него остались родители и сестра. Он иногда навещает их. А менее полугода назад у него обнаружили рак печени, и тог-

да на лечение он приехал сюда, в Эйлат... Здесь мы и познакомились.

Закончился танец, и мы вернулись к нашему столику. Следом за нами подошли Руфь и Джонатан. Он вёл её под руку и, прежде, чем усадить, поцеловал её ладошку с тыльной стороны.

– Она говорила, что плохо танцует. Это есть неправда. Она танцует замечательно, хорошо чувствует партнёра.

Руфь улыбалась, а я радовался, что наши новые знакомые смогли отвлечь её от мыслей о своей болезни. Мы выпили. Снова заиграла музыка. На этот раз я танцевал с Руфью. Она положила свою руку мне на плечо, волосы её касались моей щеки, я вдыхал их аромат, и сердце разрывалось от двух противоречивых чувств: счастья от прикосновения к любимой женщине, и страха от возможности её утраты. Не хотелось говорить ни о чём, а только ощущать рядом такое родное тело Руфи. Но я всё-таки спросил:

– Как тебе показались наши новые знакомые?

– Ты знаешь, мне, наверно, очень повезло, что мы познакомились именно с ними. Джонатан сказал, что здесь много интересных мест: и коралловые рифы, где обитают дельфины, и специальное сооружение, откуда можно наблюдать за жизнью в подводном мире, и многое другое. В гостиницах чуть ли не каждый день выступают известные артисты, певцы, музыкальные и театральные коллективы. Он сказал, что мне здесь будет совсем не скучно. И я вот что подумала, в следующую субботу ты пока не привози Йони, ещё и потому, что, с кем он останется, когда я буду принимать процедуру химиотерапии. Конечно, можно попросить Джулию. Но лучше, пока не привози. Я осмотрюсь, и тогда мы решим.

– Руфь, а может ты уже влюбилась в Джонатана?

– Нет, Йонатан, – она засмеялась, прижалась ко мне. – Ты занял у меня в сердце всё пространство. И больше там никому не осталось места.

В следующем перерыве Джонатан сказал, что он должен нас временно покинуть в связи с тем, что подошло время принять лекарство. Когда зазвучала музыка, Руфь и Джулия пошли танцевать, а я остался за столиком один. Я осмотрелся. Вокруг были люди разного возраста: молодые, пожилые и даже совсем старые. И, судя по всему, в основном это пациенты больницы. Молодёжь собиралась в группы. Они чем-то развлекались. Оттуда слышны были звуки песен, всплески смеха. Люди старшего возраста сидели за столиками, о чём-то беседовали, прогуливались вдоль зала. В дальнем, затемнённом углу зала какая-то пара целовалась. И хотя все они знали, чем может закончиться их пребывание здесь, они продолжали жить, радоваться, предаваться утехам, и притом более интенсивно, чем в обычной жизни. Они хотели успеть.

За соседним столиком сидела пара среднего возраста. Он – мужчина полного телосложения, с залысинами на голове и заплывшими маленькими глазками без ресниц, и она – исхудавшая, с проступающей на лице маской смерти. Он что-то бодро рассказывал ей о каких-то своих успехах в бизнесе. Она с видимым усилием слушала его. Иногда на её подкрашенных губах проступала гримаса улыбки. Ей, судя по всему, хотелось услышать совсем другие слова. Но он не замечал, а, может быть, не понимал этого, и продолжал говорить о контрактах, о доходах. Мне очень хотелось остановить этот словесный поток довольного жизнью бодрячка, но тут вернулся Джонатан.

– Ну, всё. Теперь я полностью свободен.

За другим, ближайшим от нас, столиком сидел одинокий мужчина. Склонив голову на подставленные руки, он оста-

новившимся взглядом уставился на стоящую перед ним бутылку водки. Рядом стоял опорожнённый стакан и какая-то нехитрая закуска. Что-то удручающее было в этой фигуре, и я спросил о нём Джонатана.

– Это Войцек. У него сегодня ночью умерла подруга. У неё был лейкоз. Какая это была красивая пара. Они так любили друг друга. Это было видно невооружённым глазом. А теперь он остался один.

– А что, он тоже пациент этого центра?

– Нет, он совершенно здоров. Но, когда её пришлось поместить в нашу больницу, он уволился с работы и приехал сюда и несколько месяцев находился с ней. Говорят, что он продал свою квартиру, чтобы оплачивать её лечение и своё проживание здесь. И всё оказалось напрасным.

Да, на его месте, наверно, я поступил бы так же. Я знал, что такой конец возможен, но у меня сохранялась ещё надежда на то, что либо найдётся нужный донор, либо, наконец, где-то там, в высших медицинских кругах, примут решение о применении новой вакцины.

В одиннадцать часов смолкла музыка. Публика стала расходиться. Мы ещё какое-то время посидели в холле, а потом тоже вернулись на свой этаж. Попрощавшись с нашими друзьями, мы зашли в комнату. На балконе, на столе ещё стояла бутылка недопитого джина. Руфь заявила:

– Йони, я хочу выпить.

– А сможешь? Ведь ты и так еле стоишь на ногах. Может быть, не стоит?

– Может быть. У меня, действительно, переполох в голове. Тогда пойдём в кровать.

Мы лежали на двуспальной гостиничной кровати, тесно, прижавшись, друг к другу. Я гладил такое родное, знакомое каждой извилинкой, тело Руфи, а она целовала меня в щёку.

– Йони, я хочу тебя.

– Руфь, а разве можно? Ведь у тебя менструация.

– Ну и пусть! А я хочу тебя, дорогой. Слышишь, хочу!

А потом, успокоившись, она уснула на моей руке, а я смотрел на её бледное в лунном свете лицо, на нежный изгиб её тонкой руки, лежащей поверх простыни, укрывающей нас. Её волосы касались моего лица. Как всё это было красиво и как дорого было мне. И неужели всё это может исчезнуть, как будто и не было никогда.

Утром, проснувшись, я уже встал, а она нежилась под простыней, улыбалась мне, а мне стало казаться, что все мои ночные страхи – это только нехороший сон. Потом она пошла на завтрак, а я доел то, что осталось у нас после ужина. Вернулась она вместе с Джулией и Джоном. Они пригласили нас на прогулку к дельфинарию. Мы вышли из гостиницы. Ещё не было жарко, как обычно бывает здесь в полдень. Лёгкий ветерок дул с моря. Настроение у всех было хорошее. И когда перед обедом я уезжал из Эйлата, моё беспокойство за Руфь несколько ослабело. Я всё же надеялся на чудо.

Следующий день, воскресенье, был очень напряжённым. Кроме обычной работы в отделении, пришлось заниматься вопросом установки нового дополнительного оборудования, прибывшего из Бельгии. Но я всё же выбрал время, чтобы зайти к профессору Наймарку. Мне хотелось узнать, есть ли какой-нибудь ответ на запрос о поиске донора для Руфи.

– Пока ничем тебя обрадовать не могу. Всё это стало очень сложным. Лейкоз вышел на первое место в мире по количеству зарегистрированных заболеваний. Миллионы людей страдают от лейкоза. Созданная год назад всемирная организация «Спасение» рассылает своих агентов-медиков по всем уголкам планеты для сбора образцов

костного мозга. Большинство стран мира приняли закон об обязательной сдаче костного мозга для всех своих граждан. Но пока на наш запрос положительного ответа мы не получили. Остаётся только надеяться и ждать. Если, вдруг, придёт положительный ответ, я тебе сразу сообщу.

– Спасибо. А что известно о той вакцине, о которой ты говорил прошлый раз?

– Насколько я знаю, прививки, сделанные крысам, только ускорили их смерть. Я думаю, что дело тут в разнице состава крови у крыс и обезьян, а, может быть, причина в чём-то другом. Но работы в этом направлении ведутся интенсивно.

Вечером я позвонил в Эйлат.

– Руфь, здравствуй. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Только, вот, Джулия заболела.

– А что с ней?

– Подозрение на воспаление лёгких. Мы с Джоном по очереди дежури́м около неё. Завтра её, наверно, положат в больницу.

– А ты сдавала анализы?

– Да. Мне сказали, что во вторник станет известно, на какой день мне будет назначена первая процедура химиотерапии.

– А как настроение?

– Всё было бы хорошо, если бы не болезнь Джулии. Мне так её жалко. Она такая худая, а сейчас её худоба стала ещё больше заметна. Даже щёки опали. Джон очень переживает. И его мне тоже жалко.

Мы помолчали, а потом Руфь спросила.

– А как у нас дома?

– Пока всё в порядке. Йони спрашивает: «Когда мама приедет?» Я говорю, что скоро. Будем надеяться, что так оно и будет. На побывку приезжала Соня. Я её ещё успел

застать. А сегодня утром она уехала в свою часть. Я никак не привыкну видеть её в армейской форме, да ещё с автоматом за плечом.

Мы ещё поговорили, но было уже поздно, и я пожелал ей спокойной ночи.

Следующие дни были очень напряжёнными. Операции, освоение нового оборудования, целый ряд организационных вопросов. Но каждый вечер я разговаривал с Руфью. Чувствовала она себя, как она говорила, неплохо, только иногда болела голова и появились боли в желудке. Первый сеанс химиотерапии назначен на следующую пятницу. Состояние Джулии не улучшилось. Она по-прежнему находится в больнице. Там постоянно дежурит Джонатан. Руфь спрашивала, когда я приеду. Я ответил, что смогу приехать только в субботу, потому что в пятницу наладчики из Бельгии будут окончательно сдавать в эксплуатацию своё оборудование. Но вдруг в среду, во второй половине дня позвонила сама Руфь.

– Йонатан, забери меня отсюда, – сквозь слёзы проговорила она. – Я больше не могу здесь оставаться.

– Руфь, дорогая, что случилось? Почему ты плачешь?

– Умерла Джулия, и они ничего не смогли сделать, чтобы спасти её.

– Хорошо, Руфь. Не плачь. Я приеду за тобой. Может быть, даже завтра. Только не плачь. Я не могу слышать, как ты плачешь. И вот ещё. Не делай химиотерапию в любом случае, приеду ли я завтра или послезавтра. Ты поняла меня?

– Да, поняла, дорогой. Я буду ждать тебя. Если б ты знал, как я соскучилась по тебе, по детям. Приезжай, когда сможешь.

Я зашёл к главврачу больницы, объяснил ситуацию и попросил дать мне отпуск на четверг с тем, чтобы в пятницу

я смог присутствовать при сдаче нового оборудования. Затем в отделении я предупредил своего помощника Шимона, что завтра меня не будет и что всё, связанное с работой отделения и подготовкой к приёму в эксплуатацию нового оборудования, возлагается на него.

Выехал я рано утром, ещё до восхода солнца. Машин на дороге было немного, и я мог ехать на максимально допустимой скорости. С дороги я позвонил Руфи, а в десять часов утра я уже был в Эйлате. Когда я подъехал к гостинице, то сразу увидел её. Она стояла у выхода, и я залюбовался ею. Какая она у меня красивая и какая желанная. Подойдя к ней, я обнял её, а она прижалась ко мне и прошептала:

– Приехал!

Мы поднялись в номер. Вещи уже были сложены в чемодан, а на столе для меня был приготовлен завтрак. Перекусив, я сказал, что хотел бы попрощаться с Джоном. Поднявшись на следующий этаж, мы подошли к комнате, которую он снимал ещё с одним напарником. Я постучал в дверь. Никто не отозвался. Я постучал ещё раз, взялся за ручку, и дверь открылась. Мы зашли. Джон лежал на кровати в одежде и обуви и спал. Лицо его было покрыто щетиной и, казалось, уменьшилось в размерах. На столе стояла опорожнённая бутылка из-под коньяка, два стакана и остатки закуски. На другой кровати спал сосед Джона. Когда мы зашли он открыл глаза.

– Кто вы? – спросил он, натягивая на себя простыню.

– Мы к Джонатану. Мы его друзья.

– А, – протянул он, – Понятно. А у него горе. Умерла его подруга. Он её очень любил. Красивая она была.

– Мы знаем. И её тоже знали. А, как ты считаешь, стоит его разбудить?

– Я думаю, можно. Правда, когда я, вчера, лёг спать, он ещё сидел за столом.

Он посмотрел на Руфь и попросил:

– Я бы хотел одеться.

Руфь вышла в коридор. Он встал, начал одеваться.

– Я, пожалуй, пойду. Может, меня ещё покормят.

Он ушёл. Мы сидели около кровати, где лежал Джон, и не знали, что делать. Будить?.. Я дотронулся до его плеча, и он сразу открыл глаза. Они были мутными. Он пытался сфокусировать их на нас, а потом произнёс:

– А, это вы? Йонатан, Руфь, – он опустил голову. – А Джулии больше нет.

– Мы знаем, Джон.

– А зачем тогда нужна моя жизнь? Для кого?

– Джон, я понимаю, как тяжело тебе сейчас. Но ты молодой, у тебя ещё вся жизнь впереди. Ты встретишь ещё одну Джулию. У вас будут дети. Ты будешь их любить, радоваться жизни. А эти дни с Джулией будешь вспоминать, как сладкий сон.

– Не знаю, Йонатан.

– А ещё помни. У тебя здесь есть друзья. Я тебе дам мой адрес, и когда ты вылечишься, приезжай к нам, в Ариэль. Ты увидишь красивый город, и, может быть, тебе захочется там остаться. У меня там много друзей, и я тебя с ними познакомлю. Они станут, я в этом уверен, и твоими друзьями.

Мне хотелось его мысли, заполненные сейчас только своим горем, направить в другое русло, отвлечь, задуматься над тем, что жизнь продолжается, и в ней ещё можно найти своё счастье.

Я понимал, что в Израиле, он одинок, и понимание, что здесь есть у него друзья, с которыми можно разделить и горе и радость, придадут ему сил справиться с той бедой, которая свалилась на него. Я подал ему свою визитную карточку.

– Как только будет возможность, звони, приезжай к нам. Мы будем всегда рады тебе. Кстати, а какая у тебя специальность?

– Я врач, терапевт. Но в Израиле я не смог найти работу по специальности, и пришлось идти на Скорую помощь.

– Ну, так это здорово! Выкарабкивайся из своего недуга, и я тебе помогу с работой. Ведь я тоже врач, только хирург. Будем работать в одной больнице.

Я видел, что Джон немного ожил. Его сконцентрированность на своём горе ослабла. Это давало какую-то надежду. Руфь всё это время сидела рядом, молча поддерживая меня.

– Итак, договорились, Джон? – он вяло в ответ кивнул головой. – А сейчас у нас есть кое-какие дела здесь, а потом мы уедем домой. Но ещё придём попрощаться.

Он проводил нас до двери. Мы зашли в регистратуру больницы. Там Руфь оформила свой отказ от лечения в Эйлатском центре. Мы получили все медицинские документы, которые привезли сюда, а также результаты анализов, проведённых уже здесь. Сдали комнату в гостинице, отнесли все вещи Руфи в машину, а затем зашли снова к Джону. Он стоял перед зеркалом и брился. О, уже прогресс! Он отложил бритву. Я подошёл к нему.

– Ну, что, будем прощаться. И я надеюсь, что не навсегда. Мы будем тебя ждать у нас дома. Звони, и если надо будет, я приеду за тобой.

Мы обнялись. Пришла очередь прощаться и Руфи. Она подошла к нему, обняла его за шею, поднялась на носках и поцеловала в щёку. И я увидел, как повлажнели его глаза.

– Спасибо вам. Вы есть настоящие друзья.

Он проводил нас до машины, и когда мы тронулись, он стоял на дороге и смотрел нам вслед.

Руфь сидела рядом и молчала, а потом повернулась ко мне лицом, погладила меня по волосам и сказала.

– Какой ты у меня умный! – А потом добавила: – И хороший.

ГЛАВА 14

Международная комиссия при МАГАТЕ определила перечень стран, пострадавших от атомной агрессии. К таким странам относятся: Япония, Южная Корея (бывшая), Германия, Греция, Болгария, Индия, США, Израиль, Ливан, Россия в меньшей степени).

(«Вестник МАГАТЭ», 11.10.2024)

***

Образована международная концессия по восстановлению и эксплуатации нефтяных месторождений Ирана и Ирака. Доходы концессии будут направлены на восстановление инфраструктуры этих стран, а также стран, пострадавших от атомной агрессии (в качестве репараций), в соответствии со списком, утверждённым МАГАТЕ.

(«Вестник МАГАТЭ», 7.07.2025)

***

Настоящий праздник музыки готовят нам известный продюсер Арнольд Шифер и компания Cruise International. Марафон любимой музыки и гала-концерт кумиров начала века. В концерте примут участие прославленная группа Boneu M в обновлённом составе, группа «Звёзды Москвы» под руководством Игоря Светова, а также ВИА «Меркурий» из Санкт-Петербурга. Концерт «Легенды начала века» состоится 12 апреля в зале Гейхал а-Тарбут в Тель-Авиве, после чего участники концерта выступят в других городах Израиля, таких как Хайфа, Иерусалим, Ашкелон, Беэр-Шева,

Арад, Ариэль, Модиин. С расписанием концертов можно познакомиться в газетах «Эпоха», «Взгляд» и «Культура».
(Газета «Вести», 23.03.2026)

***

Три месяца, прошедшие со дня нашего возвращения из Эйлата, были сплошь заполнены напряжёнными ожиданиями. Робкие надежды сменялись болезненными разочарованиями. А потом снова надежда и снова огорчение. При каждом моём появлении дома меня встречали встревоженные, вопрошающие глаза моих родных. Я видел в них веру в мою способность найти выход для спасения Руфи. И я искал его вместе с гематологами нашей больницы.

Первый сеанс химиотерапии, проведённый на третий день после нашего возвращения, Руфь перенесла относительно неплохо. Была тошнота, которая прошла уже на следующий день, и она нормально занималась обычными домашними делами.

А ещё через день профессор Наймарк сообщил мне радостную весть, что в Болгарии, именно в Болгарии, из которой когда-то, ещё до второй мировой войны, бежал, будучи молодым парнем, дедушка Руфи, найден донор с нужным нам составом костного мозга. Больше того, этот донор согласился лично приехать в Израиль при условии оплаты его перелёта. Так в нашем доме появилась миловидная девушка по имени Василина из города Велинград, хорошо говорившая на русском языке, а потому общаться с ней мне и маме не составляло никакой проблемы. Кроме того, она немного знала английский язык, на котором могла как-то общаться и с Руфью.

Второй сеанс химиотерапии тоже прошёл довольно успешно. Анализ крови и костного мозга показал, что значительно понизилось количество раковых клеток в крови.

Было решено через несколько дней провести ещё один сеанс щадящей химиотерапии, а после этого приступить к усиленной процедуре по уничтожению всех раковых клеток костного мозга.

Однако анализ, проведённый после очередного сеанса химиотерапии, показал ослабление печёночной деятельности, что может привести к нежелательным последствиям для самого организма, хотя, вместе с тем, отмечено и резкое снижение поражённых клеток крови.

Возникла дилемма, что делать дальше. И вот, я снова сижу в кабинете заведующего отделением гематологии профессора Наймарка.

– Итак, Йонатан, надо принимать решение. Ещё вчера я рассчитывал, что выбор у нас будет несколько шире. Я сделал запрос в лабораторию, которая занимается испытанием сыворотки, о которой я тебе рассказывал раньше. Пока они ещё не могут рекомендовать её для применения при лечении людей, хотя последние испытания на некоторых животных дали более или менее удовлетворительные результаты. Будь у нас эта сыворотка, можно было бы подавить последние поражённые клетки без опасности повреждения печени. На моё предложение о том, чтобы они применили её в нашем случае, при условии, что на то будет дано согласие самой больной и её родственников, они ответили категорическим отказом. Они не хотят брать на себя такую ответственность. И в этом их можно понять. Так что, у нас сейчас есть выбор из двух вариантов. Первый, это провести сейчас усиленную химиотерапию с целью подавления всех раковых клеток, и заменой их на донорские. Но при этом есть опасность, что такой нагрузки не выдержит печень. А второй – временно прекратить все процедуры, дать организму восстановить нормальную деятельность печени, а потом начать всё с начала. Но тогда раковые

клетки снова начнут размножаться, и в то же время не совсем ясно, сможет ли печень полностью восстановить свои функции.

– И оба варианта сопряжены с большим риском?

– Да, с большим риском. Но иного пути нет. Единственный положительный момент во втором варианте состоит в том, что у нас появится немного дополнительного времени на ожидание, когда, наконец, разрешат использовать сыворотку для лечения людей. За это время мы постараемся, по возможности, восстановить деятельность печени при помощи витаминных и других укрепляющих средств. Но вероятность того, что в течение этого периода разрешение на применение сыворотки будет дано, очень мала, так как результаты испытания пока очень незначительны, а сам процесс занимает длительное время. Но, в любом случае, начинать нужно будет сразу с усиленной дозы химиотерапии – с тем, чтобы за короткий срок подавить весь поражённый костный мозг и произвести замену на донорский.

– Сколько времени будет длиться эта «передышка»?

– Я думаю, где-то около трёх недель.

– А как будет чувствовать себя Руфь в этот период?

– Первое время, около недели, её самочувствие будет сравнительно неплохим, ну, а потом всё снова начнёт повторяться. Мы будем следить с помощью печёночных проб за процессом восстановления функций печени. И в какой-то момент перейдём к конечной стадии нашего лечения. Так что принимайте решение, когда мы будем приступать к последнему этапу: через три, – максимум, четыре дня, – или через три недели.

Выйдя из кабинета профессора Наймарка, я сразу позвонил Михе.

Дело в том, что институт генетики, где он работал, находился в том же городе Реховоте, в котором находилась и

лаборатория, занимающаяся испытанием так нужной нам сыворотки. Миха был в курсе всего, что касалось лечения и состояния Руфи. Он постоянно звонил мне и интересовался, как обстоят у нас дела. Поэтому, когда он поднял трубку, я рассказал ему о нашем разговоре с профессором и попросил узнать, реально ли ожидать, что в течение трёх недель, максимум месяца, испытываемая в лаборатории сыворотка (он знал, о какой лаборатории идёт речь, и там у него даже были друзья) сможет быть готова для лечения людей.

– Я всё сделаю, Йонатан. Может постараться её добыть нелегальным путём? Я думаю, что смогу.

– Нет, Миха, не стоит. Во-первых, Наймарк не возьмёт на себя ответственность за использование непроверенной сыворотки. А во-вторых, я сам не знаю, к чему может привести её применение.

– Ну, хорошо. Вечером я тебе позвоню.

Мне пришлось надолго задержаться на работе, и когда я вернулся домой, все мои домашние уже поужинали. Дети легли спать, мама тоже ушла в свою комнату. Руфь усадила меня за стол и стала подавать мне еду, а я смотрел на неё и видел, как исхудало её лицо, поредели волосы, и всё равно любовался ею.

– Почему так поздно, ведь сегодня пятница, короткий день?

– Была серьёзная операция, пришлось повозиться. А как ты себя чувствуешь?

– Ты знаешь, намного лучше. Прошла тошнота, и даже головные боли. Я сейчас чувствую себя, как раньше, ещё до болезни. А ты был у гематологов? Когда следующий сеанс химиотерапии? Хотя бы скорей. Мне уже так надоело всё это лечение, все эти процедуры, капельницы. Да и Василина ждёт. Завтра вечером она возвращается с Мёртвого моря.

Я знал, что Руфь и мама решили немного скрасить пребывание Василины в Израиле, для чего организовали ей экскурсии в Иерусалим и в Хайфу с посещением бахайского храма.

А сейчас она отдыхает в гостинице на Мёртвом море.

– Был я у Наймарка, и он сказал, что можно сделать передышку недели на три, а можно сейчас, дня через три, четыре.

– Нет, Йонатан, я не хочу через три недели. Мне очень надоело ждать.

– Понимаешь, Руфь. Как выяснилось, у тебя есть проблемы с печенью. Три недели нужны, чтобы восстановить её нормальное функционирование.

– Нет, Йонатан. Я чувствую себя нормально и уверена, что всё пройдет благополучно.

– Ну, хорошо, хорошо. Мы ещё всё с тобой обсудим.

– Йони, дорогой, ничего не надо обсуждать. Наша судьба в руках Бога. И как он решит, так и будет, и мы никак не сможем повлиять на его решение.

– Хорошо, Руфь, пусть будет так, как ты хочешь.

Да, религиозное воспитание сказывалось. Не мог и не хотел я её сейчас переубеждать.

Да и кто знает, может быть, она и права. Кто вершит нашими судьбами? Кто мы на этой земле? Маленькие, беспомощные существа, которые не в состоянии защитить даже самых дорогих себе людей. А если, действительно, наша судьба в руках Бога, почему он так жесток, так несправедлив?

– Йони, о чём ты задумался?

Её обращение ко мне, как когда-то, в детстве, называли меня родители, вызвало у меня волну нежности к Руфи. Я встал из-за стола, обнял её, прижал к себе, гладил её плечи, её исхудавшие руки, и слёзы наворачивались на глаза. И, так, не отстраняясь от меня, она попросила:

– Йони, давай завтра съездим в Бейт-Менаше. Мы давно уже там не были.

– Съездим, Руфь, обязательно съездим. Я сам об этом думал. Купил жёсткую кисточку и краски для обновления надписей на могилах.

И в это время раздался телефонный звонок. Звонил Миха.

– Привет. Йонатан. Не слишком поздно я звоню?

– Нет, не поздно. Мы ещё не спим.

– В общем, я всё разузнал. К сожалению, ничего утешительного. Они сейчас проводят испытание сыворотки на обезьянах, наиболее близких к человеку, гориллах и шимпанзе. Из них только у одной была лейкемия, которую она заработала, находясь в тель-авивском сафари во время войны. Ей сделали прививку, и она пока живёт и ведёт обычный образ жизни. Анализы крови у неё показывают, что развитие болезни приостановлено, но надолго ли, пока не знают. Остальные обезьяны прошли облучение, и теперь в лаборатории ждут развития болезни, после чего на них будут испытывать действие сыворотки. На мой вопрос, долго ли будет проходить этот процесс, мне ответили, не менее полугода. Вот всё, что мне удалось узнать.

– Спасибо, Миха. Значит, нам рассчитывать на эту вакцину не приходится.

– Выходит, что так. К сожалению. Слушай, Йонатан, может быть, я могу ещё чем-нибудь помочь?

– Нет, пока ничего не нужно.

Мы попрощались. А на следующий день, утром, позавтракав тем, что приготовила нам мама, поехали в Бейт-Менаше. Мы снова ехали по знакомой мне дороге. С последней нашей поездки здесь многое изменилось. Полностью восстановлены дороги, в городках и посёлках, которые мы проезжали, отстроены дома, во дворах резвятся дети. И снова люди, залечив свои раны, зажили обычной жизнью. Надолго ли?

Бейт-Менаше тоже изменился. Появились четырёх- и пятиэтажные дома на месте разрушенных двухэтажных коттеджей. В красивом здании в три этажа разместился большой супермаркет. Посёлок больше стал напоминать небольшой городок. Кладбище было огорожено новой металлической оградой, окрашенной в белый цвет. Деревца, окружавшие наши могилки, подросли. Их ветки касались надгробий. Недалеко от нас у одной из могилки понуро стоял мужчина, а рядом, также молча, – две девочки восьми и десяти лет. Я посмотрел на даты рождения и смерти. 1991-2025. Нора Киквадзе. Совсем недавно. Я огляделся вокруг, и почти на всех могилках дата смерти была от 2023 до 2025 года. Щедрый посев последней войны.

Пока Руфь протирала пыль на надгробных плитах, я занялся обрезкой веток. Когда же она закончила, я приступил к обновлению надписей, а Руфь стояла рядом и, молча, смотрела на могилки. О чём она думала? То ли прощалась, то ли обещала скорую встречу.

Всю обратную дорогу мы ехали, молча, и лишь, когда стали подъезжать к Ариэлю, Руфь спросила.

– Йонатан, я бы хотела перенести могилки детей к нам, на ариэльское кладбище. Это можно сделать?

– Руфь, я постараюсь.

В воскресенье, сразу с утра, я зашёл к профессору Наймарку и сообщил ему о нашем решении.

– Ну, что ж, тогда во вторник мы приступим к усиленной химиотерапии. Дня три ты не сможешь с ней общаться. Ты, наверно, это знаешь. Мы поместим её в стерилизационную палату, где она будет находиться, пока мы не убедимся, что всё прошло хорошо. Дело в том, что после того, как будет уничтожен поражённый костный мозг, у неё почти полностью будет отсутствовать иммунитет, и поэтому ей будет опасна любая, даже малейшая инфекция. И только после пересадки донорского костного мозга иммунитет восстано-

вится. Итак, договорились. Во вторник утром привози жену сюда. Будем надеяться, что всё пройдёт благополучно.

Все дни, что Руфь находилась в больнице, я ночевал у себя в отделении, с тревогой и надеждой ожидая результатов.

И только, когда уже нужно было привезти Василину, я съездил за ней домой.

Но увы, донор не понадобился...

Ариэльское кладбище всё расширяется и расширяется. Могилы расположены тесно друг к другу. Есть только узкие проходы между ними. На некоторых из них ещё не установлены надгробные плиты, а только вкопанные в свежую землю дощечки с именем усопшего и датами рождения и смерти.

Здесь сейчас уже больше могил, чем оставшихся в живых жителей этого, в общем-то, молодого городка. Его основали в 1978 году репатрианты алии 70-х годов, в основном из России. Из-за тесноты около могил не было ничего лишнего, к примеру, скамеечек, и не на что было присесть, разве только на соседнее надгробье.

Но я стою. Белые астры, принесённые мной и окружающие сейчас чёрную надпись на гранитной плите, единственное, что я могу подарить тебе, Руфь. Да ещё свою горькую любовь.

Что осталось от твоей семьи, Руфь? Почти вся она ушла в небытие. Сначала твоя сестра Лиора и племянник Эли, потом твой муж, а следом твои родители и трое тобою рождённых детей.

А теперь ушла и ты. И только остался твой маленький сынок, – а теперь мой сын, – Йони, твой щедрый подарок мне.

Вот так закончилась наша с тобой история, полная радости встреч и любви и горечи разлук, счастья приобретения

и трагедий потерь. Вот такая жестокая история. Мне уже скоро сорок лет, а я снова у развилки жизненных дорог. По какой идти, как жить дальше?..

***

Природа (а может быть, Бог) наделила человека разумом, уникальной способностью мыслить. И эта особенность позволяла ему понять окружающий мир и себя в этом мире. Она давала человеку возможность использовать то, что его окружало, себе во благо.

Выдающиеся умы планеты не только способствовали развитию науки и техники, но и определили правила взаимоотношений между людьми, соблюдение которых помогло бы построить на земле благополучное общество.

Но дикость, присущая человечеству тысячи лет назад, сохранилась и по сей день.

Ничего не принесли ему, ни те «десять заповедей», среди которых одной из основных была «не убий», записанные в главных догматах всех основных религий мира, ни развитие образования, культуры, науки.

А только усовершенствование средств уничтожения, средств убийства людей.

И если дальше так пойдёт, во что превратится наш мир? Что станет с ним?..

***

Всемирная организация «Третья Мировая – итоги и выводы», опубликовала статистические данные о потерях, понесённых разными странами в результате прошедшей Третьей Мировой Войны.

В пределах этой статьи невозможно привести полный перечень стран, о которых идёт речь в отчёте. Поэтому мы ограничимся лишь некоторыми из них, наиболее по-

страдавшими в этой войне, указав страну, количество населения до начала войны, число погибших во время войны и число умерших от раковых заболеваний в результате облучения на 23.06.2026.

СТРАНА	НАСЕЛЕНИЕ ДО ВОЙНЫ	КОЛ-ВО ПОГИБШИХ	КОЛ-ВО УМЕРШИХ
Армения	4 032 500	103 2001	631 100
Афганистан	21 434 700	2 413 700	1 907 400
Венесуэлла	22 560 100	843 500	145 600
Израиль	8 344 200	737 800	21 100
Ирак	18 550 300	1 233 600	2 341 600
Иран	65 076 200	4 906 700	6 350 200
Испания	43 035 100	1 968 300	141 400
Северный Кавказ	650 400	156 200	84 900
Корея (объедин.)	67 660 600	5 613 400	1 734 500
Ливан	3 261 300	835 000	931 300
Пакистан	174 211 300	5 233 700	4 500 800
Россия	145 437 600	3 342 500	1 432 500
Сирия	12 677 200	1 935 000	1 750 400
Турция	58 436 400	3 736 800	2 244 000
США	273 546 100	2 684 600	512 300
Япония	132 334 600	1 365 700	504 200
Всего в мире	7 654 200 000	516 445 000	486 333 000

***

Как передало агентство Ассошиэйтед Пресс 22.10.2028, в юго-восточной части пустыни Гоби произошло землетрясение силой 6,7 балла. Эта часть Китая всегда считалась районом слабой сейсмической активности. Вероятность землетрясения в этом районе практически нулевая.

В то же время по данным, полученным с американских и израильских спутников, в этом районе наблюдалась повышенная активность китайской боевой техники и авиации.

Кроме того, там же обнаружено резкое повышение уровня радиации. Есть подозрение, что мы имеем дело с испытанием мощного атомного оружия, способного проникать глубоко в недра земли, и, тем самым, повышать вероятность возникновения землетрясения даже в районах слабой сейсмической активности.

Легко представить себе, что может произойти, если такую бомбу взорвать в районе, где уровень сейсмической активности высок. Таким образом, мы имеем дело с появлением оружия более мощного и более разрушительного, чем то, что имело человечество до сих пор.

(The Washington News, 24.10.2028)

Дизайн обложки,
компьютерная верстка:
Ольга Яроцкая

Дизайн обложки, компьютерная верстка,
печать и выпуск:

Издательский дом «Beit Nelly Media»

ул. Амасгер 53, Тель-Авив, Израиль

+(972)-3-5610283, +(972)-54-4657509

www.beitnelly.com beitnelly@gmail